

2022

Том 13. № 1

2022. Vol. 13. No. 1

DOI: [10.19181/vis.2022.40.1](https://doi.org/10.19181/vis.2022.40.1)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Современная
белорусская социология**

/Социология Беларуси

/Образ протеста

/Социальная активность
российской молодёжи

/Ростки будущего в дебатах прошлого

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 1'2022

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2022. Том 13. № 1

DOI: 10.19181/vis.2022.40.1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2022

© Vestnik instituta sotziologii, 2022

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, Начальник управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Отдела анализа социокультурных оснований политических процессов Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал РАНХиГС (Барнаул, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Analysis of Sociocultural Foundations of Political Processes of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of International Affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Head of the Center of Politology and Political Sociology of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О выпуске	8
Тема номера:	
Современная белорусская социология.....	14
<i>Данилов А. Н.</i> Социологическое воображение в зоне неизвестности (на примере развития социологии в Беларуси)	14
<i>Мысливец Н. Л.</i> Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодёжи (из опыта социологических исследований).....	26
<i>Лебедева Е. В.</i> «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска).....	44
<i>Мартинович В. А.</i> Идентификация новых религиозных движений в практике редакций и журналистов печатных СМИ	67
Протестные настроения в регионах России.....	86
<i>Марин Е. Б.</i> Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодёжи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы.....	86
<i>Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю.</i> «Цифровое детство»: протестный потенциал школьников (результаты массового опроса в Ставропольском крае, 2020 г.)	108
Современная молодёжь:	
идентичность и социальная активность	129
<i>Костина Е. Ю., Орлова Н. А.</i> Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи	129
<i>Викторова Е. В., Петренко Д. А., Власова Н. В., Шишкина Е. В.</i> Европейская и национальная идентичность в представлениях современной российской молодёжи: кейс Санкт-Петербурга	144
О новых научных публикациях.....	170
<i>Красин Ю. А.</i> Ростки будущего в дебатах прошлого	170
Трибуна молодого учёного.....	187
<i>Григорьев Д. С.</i> Эволюционная социология Дж. Тёрнера: введение в концепцию спенсеровского отбора	187
Светлой памяти Александра Абрамовича Галкина.....	202
Светлой памяти Валерия Васильевича Маркина.....	204

Contents

About the Issue	8
Topic of the Issue:	
Modern Belarusian Sociology	14
<i>Danilov A. N.</i> Sociological Imagination in the Zone of Ignorance (on the Example of the Development of Sociology in Belarus)	14
<i>Myslivets N. L.</i> Formation and Features of the Evolution of Historical Memory Among the Belarusian Youth (From the Experience of Sociological Research)	26
<i>Lebedeva E. V.</i> “Right to the City”: Experience of Analysis of Courtyard Communities from the Position of Critical Theory (By the Example of Minsk)	44
<i>Martinovich V. A.</i> Identification of New Religious Movements in the Practice of Editorial Offices and Journalists of Print Media	67
Protest Attitudes in the Russian Regions	86
<i>Marin E. B.</i> The Structure of Protest Thinking and the Idea of Social Protest of the Youth Generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow	86
<i>Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu.</i> “Digital Childhood”: The Protest Potential of Schoolchildren (Results of a Mass Survey in the Stavropol Region, 2020).....	108
Modern Youth: Identity and Social Activity	129
<i>Kostina E. Y., Orlova N. A.</i> Social Activity and Social Responsibility in the Ideas and Practices of Modern Youth.....	129
<i>Viktorova E. V., Petrenko D. A., Vlasova N. V., Shishkina E. V.</i> European and National Identity in the Perceptions of Modern Russian Youth: The Case of St. Petersburg	144
About New Scientific Publications	170
<i>Krasin Y. A.</i> Seedlings of the Future in the Debate of the Past	170
Young Researcher’s Tribune	187
<i>Grigoryev D. S.</i> The Evolutionary Sociology of J. Turner: An Introduction to the Concept of Spencer Selection	187
To the Blessed Memory of Alexander Abramovich Galkin	202
To the Blessed Memory of Valeriy Vasilievich Markin	204

О выпуске

Тема первого в 2022 году выпуска Вестника посвящена социологической науке Республики Беларусь. Данная тема была запланирована ещё в прошлом году, но сейчас она стала ещё более значимой. Происходящие в настоящий момент геополитические сдвиги актуализируют тесное академическое сотрудничество учёных из стран бывшего СССР, совместное изучение социальных процессов и феноменов, выявление констант и переменных, которые детерминируют трансформации в наших обществах.

Белорусские коллеги подготовили ряд статей, в которых представлены разные направления социологии: от теоретической рефлексии о способах познания современного мира до анализа возрождающегося феномена дворового сообщества. В данном номере публикуется только часть этих работ, другие выйдут в свет в следующих выпусках журнала, так как редакция планирует сделать рубрику постоянной.

Российский и белорусский социумы обладают множеством общих и одновременно различных свойств, общими и в то же время разными историей и культурой. Поэтому объединение результатов исследований социологов обеих стран на страницах одного журнала предоставляет всем нам в том числе и возможность взглянуть на привычные явления под несколько иным углом и обнаружить свойства, которых ранее не замечали по причине их кажущейся обыденности. С нашей точки зрения, это дихотомическое сочетание общего и различного в белорусской и российской социологии особенно важно в нынешнюю эпоху тектонических социальных разломов. Исследования турбулентных по видимости перемен с разных ракурсов позволит выявить глубинные, сущностные основания социального устройства, скрытые ранее гегелевской кажимостью, конструктами и симулякрами постмодерна.

Проблеме теоретического инструментария, позволяющего изучать глобально нестабильное общество посвящена открывающая номер статья [Данилова А. Н. \(Минск\) «Социологическое воображение в зоне неизвестности \(на примере развития социологии в Беларуси\)»](#). Автор считает, что ответом на перманентное возникновение в современном мире новых вызовов и рисков являются возникновение нового типа цивилизационного развития и формирование неизвестной ранее целостности. В статье раскрываются механизмы и мотивы выбора пути развития, роль в этом процессе социологического воображения. Воображение становится инструментом научного познания, позволяющим преодолевать незнание. В то же время переход к подобному типу социологического исследования требует твёрдого следования принципу

методологической строгости, которая обеспечит сопоставимость полученных знаний. Современное обилие эмпирического материала не всегда приводит к приращению знания. Прорывы в эмпирических исследованиях, новые методы сбора данных, включая работу с big data, в итоге только усугубляют неопределённость и критически усложняют процесс создания новых концепций. В статье процесс функционирования социологии в зоне неизвестности рассматривается на примере столетнего развития социологической науки в Беларуси, которая по мнению автора, является хорошей базой для разработки прорывных теорий как раз потому, что обеими ногами твёрдо стоит на земле, изучая жизнедеятельность социума, но в её основании исторически лежал философский подход, требовавший богатого воображения.

Статья [Мысливца Н. Л. \(Минск\) «Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодёжи \(из опыта социологических исследований\)»](#) основана на результатах трёх социологических опросов, проведённых в 2010, 2014 и 2021 годах. Их цель заключалась в том, чтобы выявить особенности формирования и сложившиеся тенденции эволюции исторической памяти учащихся и студентов, уровень знаний и представлений о событиях Великой Отечественной войны, оценки прошлого и отношение к знаковым событиям истории. Автор показывает, что важнейшим источником формирования исторической памяти молодёжи является школьное и университетское образование. Кроме того, смена поколений актуализирует роль семьи как главного транслятора исторической памяти молодёжи. По мнению автора, историческая память играет консолидирующую роль в развитии современного общества. Также рассмотрено влияние таких социализирующих факторов, как кинофильмы, интернет, телевидение. Результаты проведённых автором исследований были представлены органам государственного управления и иным организациям для разработки государственной молодёжной политики в Республике Беларусь.

Статья [Лебедевой Е. В. \(Минск\) «Право на город: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории \(на примере Минска\)»](#) посвящена феномену дворового сообщества, характерного для советского города. Перемены, произошедшие в постсоветский период (коммерциализация публичного пространства, расслоение и сегрегация горожан), значительно ослабили дворовую активность. В последнее время города переживают этап значительного гражданского подъёма, традиции совместного проведения времени во дворах жилых комплексов постепенно возобновляются. Собранные автором эмпирические материалы выявили ряд принципиальных отличий «новых» дворовых сообществ от традиционных. В «советских» дворовых сообществах городское участие представляло собой скорее пример общинной кооперации, то есть форму низовой самоорганизации, для достижения поставленных целей с наименьшими затратами. В случае с «новыми» дворовыми сообществами движущей силой выступает «урбанность» как возможность определять себя как горожанина. Формирующиеся на основе реализации собственного «права

на город» дворовые сообщества характеризуются умением достигать компромисса и выработать общепринятые правила коммуникации. При сохранении подобных тенденций практическая реализация «права на город» всё меньше будет привязана к непосредственному «отвоеванию» физических территорий и всё больше станет разворачиваться в коммуникативной плоскости.

В статье [Мартиновича В. А. \(Минск\) «Идентификация новых религиозных движений в практике редакций и журналистов печатных СМИ»](#) рассматривается сложная и довольно редкая для социологических публикаций тема новых религий, а точнее, проблема дисбаланса между фактически действующими в публичном пространстве новыми религиозными движениями и уровнем их идентификации различными акторами. Новые религиозные движения, попадающие в разных странах в фокус внимания, по большому числу своих характеристик нерепрезентативны для генеральной совокупности нетрадиционных религиозных сообществ этих стран. Аномально большие показатели подобного дисбаланса требуют дополнительного анализа. Так, для печатных СМИ Республики Беларусь разрыв между идентифицированными и действующими в стране группами составляет более 700 организаций для периода 1988–2021 гг. Автор анализирует факторы, влияющие на редакции и на журналистов печатных СМИ в процессе подготовки ими материалов по новым религиозным движениям. В их числе государственное регулирование, политический заказ и цензура, запросы в редакцию от населения, яркий информационный повод, контакт журналиста с новым религиозным движением, конфликт религиозной группы с редакцией СМИ, личность и опыт журналиста и ряд других. В статье показано, что в силу специфики феномена нетрадиционной религиозности и организации работы редакций и журналистов печатные СМИ могут только избирательно идентифицировать новые религии.

Ещё четыре статьи настоящего выпуска посвящены исследованиям молодёжи. Они, однако, разбиты на две рубрики, поскольку фокусируются на разных, но одинаково важных аспектах молодёжной активности: протестном потенциале и социальной ответственности. Рубрика [«Протестные настроения в регионах России»](#) открывается статьёй [Марина Е. Б. \(Владивосток\) «Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодёжи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы»](#). В статье представлен анализ категориальных структур протестного сознания двух поколений молодёжи, чья активность играет особую роль в протестных акциях: представителей поколения «Y» (или миллениалов) и представителей поколения «Z» (или центениалов). Автор выделил пять форм коллективного протестного поведения: петиции, митинги, забастовки, бунты и восстания, с применением частного семантического дифференциала для оценки протеста и произвёл реконструкцию и анализ представлений различных групп респондентов о них. Анализ содержания представлений о протестных формах

показал безусловно положительное отношение молодёжи к петиции и митингу. Образ забастовки в основном положительный, но выявлены особенности восприятия в разных регионах. Образ насильственных радикальных форм протеста, бунта и восстания заметно отличается от образа остальных форм протестной активности. Они согласованно оцениваются как непривлекательные и крайне агрессивные. Но негативные коннотации не означают неприемлемость насильственных форм протеста. Смысловой анализ показал амбивалентность содержания образов бунта и восстания. Для молодёжи это обладающие большой силой и масштабом, крайне агрессивные и не привлекательные, но и не чужие и бессмысленные формы протеста.

В статье [Бродовской Е. В. и Домбровской А. Ю. \(Москва\) «“Цифровое детство”: протестный потенциал школьников \(результаты массового опроса в Ставропольском крае, 2020 г.\)»](#) рассматривается актуальная проблема мобилизации школьных протестов в России на примере Ставропольского края. Выбор данного исследовательского кейса объясняется рядом его характеристик. Ставрополье – это один из регионов-мишеней для внешнего информационного давления, это субъект РФ, обладающий рискогенными признаками: многонациональный состав, моноэкономика, существенная социальная дистанция между стратами. Выявлены четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде ставропольских старшеклассников, которых авторы определили как «зрителей», «вовлечённых», «активистов» и «лидеров». Получены эмпирические свидетельства об особом ценностном профиле старшеклассников края, имеющих наивысший протестный потенциал. Выявлено, что для них характерны деструктивные социальные установки и несформированность национально-государственной идентичности, которые комбинированы с максимальным прагматизмом жизненной стратегии. Авторы полагают, что ситуация рискогенна по причине большого потенциала неконвенциональной направленности протестного поведения этих школьников в случае перехода их онлайн-активности в офлайн. Однако результаты исследования показали рассогласование ценностного выбора молодых «лидеров» и «активистов» протеста по сравнению с ценностными предпочтениями представителей кластеров «вовлечённых» и «зрителей», что предопределяет низкую вероятность масштабирования хедлайнеров протеста среди школьников в Ставропольском крае.

Рубрика [«Современная молодёжь: идентичность и социальная активность»](#) интересна в том числе географией представленных в ней исследований. Социальная идентичность и активность молодёжи изучаются на Дальнем Востоке (Владивосток) и на западе (Санкт-Петербург) страны.

В статье [Костиной Е. Ю., Орловой Н. А. \(Владивосток\) «Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи»](#) активность молодёжи рассматривается как движущая сила развития современного российского

общества. Молодые люди лишены груза прошлого и ориентированы на инновации, трансформации и реформы. Они живут в весьма противоречивом мире, сталкиваясь с большими социальными проблемами, чем другие возрастные когорты. В статье представлен анализ данных, полученных авторами в ходе исследования социальной, гражданской активности молодёжи. Исследовательский проект был реализован в декабре 2020 г. в форме анкетного опроса и глубинных интервью. Подчёркивается, что особую значимость в исследовании данной проблематики играет региональное измерение жизненных позиций молодых людей в поле социальной активности в целом, в понимании и осмыслении гражданской активности своего поколения, в частности и в оценке собственной позиции в координатах инклюзии-эксклюзии. Авторы утверждают, что молодёжь Приморья проявляет относительно высокую социальную активность на локальном уровне, но при этом не чувствует возможности влиять на социальные и политические процессы на уровне региона и тем более страны.

В статье [Викторовой Е. В., Петренко Д. А., Власовой Н. В., Шишкиной Е. В. \(Санкт-Петербург\) «Европейская и национальная идентичность в представлениях современной российской молодёжи: кейс Санкт-Петербурга»](#) рассматривается проблема формирования идентичности современной российской студенческой молодёжи. По мнению авторов, актуальность исследования обусловлена недостаточной сформированностью современной российской идентичности и её ценностных оснований, а также необходимостью изучения влияния «европейских ценностей» на мировоззрение современной российской молодёжи. Поколение родившихся в новой России после распада Советского Союза (с 1992 г.) сформировалось под влиянием складывающейся новой российской идентичности, а также идентичности европейской, западных ценностей и процессов глобализации. Результаты исследования показали большую значимость для молодых россиян понятия «европейской идентичности», а также европейских ценностей и европейского образа жизни, что подтверждает предположение, предваряющее исследование, о значимости европейского влияния на мировоззрение современной молодёжи в условиях глобализации. Отношение опрошенной молодёжи к российской идентичности менее позитивно, что согласуется с утверждениями исследователей о недостаточной ясности в отношении концепта «российской идентичности» и составляющих её базовых ценностей.

Традиционная рубрика [«О новых научных публикациях»](#) представлена преамбулой [Красина Ю. А. \(Москва\) «Ростки будущего в дебатах прошлого»](#) к его книге «Ростки из-под асфальта». Книга представляет собой синопсис политологического симпозиума, действовавшего в позднесоветский период под эгидой идеологических партийных учреждений АОН при ЦК КПСС и ИОН при ЦК КПСС, участником которого был и сам автор. В его работе показаны реальные проблемы, трудности и противоречия научно-теоретического осмысления

революционного обновления действительности в условиях монополии официальной идеологической догматики. Преамбула к книге обширна и информативна и, с нашей точки зрения, в настоящее время представляет особую ценность. Она показывает процесс рефлексии советских социологов, их поиск путей и возможностей развития общества в преддверии эпохи великих перемен, что может стать отправной точкой для осмысления современных нам событий.

Выпуск завершает рубрика [«Трибуна молодого учёного»](#). В статье [Григорьева Д. С. \(Москва\) «Эволюционная социология Дж. Тёрнера: введение в концепцию спенсеровского отбора»](#) рассматриваются идеи американского исследователя Джонатана Тёрнера, связанные с его концепцией спенсеровского отбора и возможностью её использования в современной социологии. Основой спенсеровского отбора являются определённый набор потребностей человека (индивидуальный уровень) и социальная дифференциация институциональной организации по мере роста популяции (социетальный уровень), а также изменения, вызванные войной с их особой динамикой. Для того чтобы понять и объяснить эволюцию и динамику слоёв социокультурных явлений, традиционно изучаемых социологами, необходимо обратиться к особому типу отбора суперорганизмов, сформулированному Г. Спенсером в своих работах на заре формирования самой социологии как отдельной науки. Автор полагает, что само по себе подобное сочетание социологических и биологических моделей социальных процессов является перспективным для развития отдельных мультидисциплинарных исследовательских программ, способных значительно усилить и обогатить общественные науки в целом.

ТЕМА НОМЕРА

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

Социологическое воображение в зоне неизвестности (на примере развития социологии в Беларуси)

Ссылка для цитирования: Данилов А. Н. Социологическое воображение в зоне неизвестности (на примере развития социологии в Беларуси) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

For citation: Danilov A. N. Sociological Imagination in the Zone of Ignorance (on the Example of the Development of Sociology in Belarus). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

**Данилов
Александр Николаевич¹**

¹Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

a.danilov@tut.by

AuthorID ПИНЦ: 940774

Аннотация. Современный мир глобально нестабилен, для него характерно перманентное возникновение новых вызовов и рисков, ответом на которые является возникновение нового типа цивилизационного развития и формирование неизвестной ранее целостности. В статье раскрываются механизм и мотивы выбора пути развития и роль в этом процессе социологического воображения. Воображение становится общим, междисциплинарным понятием, выполняющим в науке, прежде всего, познавательную функцию, позволяющую преодолевать незнание. Изучение современности в нынешних условиях превращается в большую проблему по причине возникновения теоретико-методологических неопределённостей, обусловленных современной фазой развития цивилизации, породившей множество рисков и угроз. Однако обилие эмпирического материала само по себе не всегда приводит к приращению нового знания. Прорывы в эмпирических исследованиях, новые методы сбора данных в итоге только усугубляют неопределённость и критически усложняют процесс создания новых концепций.

Современная наука рефлексивует, осмысливает свои достижения и необходимость выхода за пределы сложившихся подходов. Поиск новых парадигм в научном познании и практической деятельности осуществляется с учётом человеческого измерения развития и в поиске баланса человека и природы. Проникновение в зону незнания основано на возможности создания новых образов на базе предшествующего опыта, на рефлексии, в которой ключевым моментом становится обладание исследователем развитым воображением. В то же время переход к новому типу социологического исследования требует методологической строгости, которая обеспечит сопоставимость полученных с их помощью знаний. В данной статье процесс функционирования социологии в зоне неизвестности рассматривается на примере столетнего развития социологической науки в Беларуси: выделены три этапа развития социологии, раскрыты их содержание и особенности функционирования

проблемного поля. Показано, что белорусская социология за прошедшие годы накопила значительный объем знаний и большой опыт использования существующих теоретико-методологических подходов, а сейчас готова к разработке новых научных парадигм.

Ключевые слова: современность, социальная реальность, социологическое воображение, зона неизвестности, проблемное поле, будущее

Время рождает запрос на изменения, а всякие изменения – это зона неизвестности. Периодически возникающие новые вызовы и риски приводят к поиску адекватной ответной реакции со стороны, прежде всего, науки, социальных институтов, человека. Меняются проблемное поле науки, тематика исследований, что предполагает возможность выхода на новые теоретические обобщения, обновление теории или методологии анализа. Научная рефлексия в зоне неизвестности не есть кризис. Это скорее констатация состояния неизбежности перемен, когда в рамках действующих парадигм стало тесно и непонятно будущее развитие. Социология всегда жила и мыслила реальностью, и как только она уходила в мир грез, она теряла своё предназначение.

В каждом времени ситуация менялась, включая место социологической науки в обществе, все время заставляя ее реагировать на современность, искать новую тематическую область и одновременно видоизменять дисциплинарную структуру. И каждый раз возникал вопрос о необходимости дать ответ на вопрос о том, что такое современность. Без ответа на этот вопрос нельзя реализовать прогнозную функцию социологии, думать о будущем. «Временной контекст – важнейший из контекстов развития науки, а современность – одно из наиболее тревожных и загадочных понятий» [3, с. 179]. Социальные законы не даны сразу, они возникают во времени, в процессе «расколдовывания» неизвестности.

Современность, собственно, и есть социальная реальность, представление человека об обществе, о мире в целом. В. С. Стёпин отмечал: «Построение картины социальной реальности можно начать с экспликации основных аспектов отношений человека к миру, которые включают: а) отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде, где непосредственно протекает человеческая жизнь; б) отношение к другим людям и социальным коллективам; в) отношение к духовной жизни, аккумулирующей как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений» [12, с. 3]. Причем каждая из этих сфер жизнедеятельности человека развивается самостоятельно, образуя некую целостность и в то же время тесно взаимодействуя между собой.

Социологическое воображение

Проникновение в зону незнания в настоящее время требует создания новых образов на базе предшествующего опыта, собственных представлений, фантазий, предположений по данному предмету, вызванных рефлексией на

заданную тему, где ключевым моментом становится обладание исследователем развитым воображением. В этом случае воображение становится ключевым общим для всех дисциплин понятием, выполняющим в науке, прежде всего, познавательную функцию, позволяющую преодолеть незнание, увидеть возможность изменений, новых модификаций объекта изучения.

В истории науки исследованию воображения всегда уделялось должное внимание. Этому феномену отдавали дань известные мыслители. Они отмечали и негативную роль воображения. И. Кант писал: «Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазии) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами» [2, с. 411]. Однако за прошедшее время отношение к воображению изменилось, а исследовательское поле в данной области существенно расширилось. Воображение стало предметом социологического анализа: воображаемые сообщества, национальное воображение и т.п.: «Новое информационное пространство, утверждение виртуальной реальности потребовали заметной активации воображения не только на высших этажах – наука, программное обеспечение, информационные технологии, – но и в сфере повседневности, в быту. Сложнее, но и актуальнее становятся проблемы прогнозирования будущего, где традиционной методике экстраполяции должна помочь игра воображения» [15, с. 15]. Представители гуманитарного знания, социологи, люди творческих специальностей хорошо понимают, что без воображения ничего не получится. Интересно признание классика социологии Г. Спенсера, который в своей «Автобиографии» писал: «Наклонность строить воздушные замки, надо полагать, считается вредной, однако я отнюдь не уверен в этом. В умеренной степени она мне представляется благодетельной. Ведь это игра конструктивного воображения, а без последнего нет завершения духовного развития. Я думаю, что во мне эта наклонность возникла из самопроизвольной активности духовных сил, которые в последующей жизни послужили средством к более высоким достижениям» [11, с. 39].

Каждый социолог стремится развивать свое воображение. Свидетельств тому немало. Интересна в этом плане работа Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (1959). По прошествии времени, как оказалось, многие тезисы, изложенные в книге Миллса, стали подлинной реальностью и сохраняют по сей день свою актуальность. Для Миллса социологическое воображение не только необходимое условие призвания профессии социолога, но и базовый элемент культуры. Миллс писал: «Посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества» [6, с. 12]. И далее: «Думаю, что социологическое воображение становится главным знаменателем нашей культурной жизни и ее отличительным признаком. Однако отдельные индивиды и широкая общественность в сфере культуры овладевают им медленно и часто на ощупь; многие обществоведы лишены его напрочь. Они как будто не подозревают, что без его развития и использования не удастся выполнить возложенную на них общекультурную миссию, возможность реализации которой коренится в классических традициях общественно-научных дисциплин» [6, с. 19].

В современной подготовке социологов теории уделено основное внимание. П. Штомпка утверждает: «В большой мере обучение социологическому воображению – синоним обучения социологической теории. Но не в смысле запоминания имен, школ, определений и аргументов. Скорее в смысле использования теории, т. е. ее связи с конкретной практикой, взглядом на текущие проблемы, на окружающее общество, а также ее связи с нашими личными биографиями и жизненными шансами. Социологическое воображение должно дать нам карту, лучшую ориентацию в хаосе событий, перемен, трансформаций» [16, с. 65]. Однако практика показывает, что это далеко не так. Далеко не все теоретики обладают богатым социологическим воображением. Здесь более точен С. А. Шавель, который отмечает, что «социологическое воображение, как оперирование чувственными и интеллектуальными представлениями, отличает: 1) правильно организованная память, в том числе и на теоретические знания; 2) широта комбинационного поля; 3) дисциплинированная фантазия, т. е. способность придумывать неожиданные сочетания представлений; 4) подвижность элементов в комбинационном поле воображения; 5) стремление придумывать новое – изобретать, перекомбинировать, творить» [15, с. 43].

Перемены всякий раз мотивируют исследователей к риску выйти за пределы навязчивых оппозиций познанного. Философ В. В. Миронов писал: «Философ всегда мыслит в условиях принципиальной невозможности достижения абсолютного и завершенного знания, а значит, его всегда будет сопровождать незнание. И вот эта зона незнания, зона самого процесса познания всегда будет заполняться мыслительными конструкциями, которые в зависимости от масштаба рефлексии, касающейся предельных оснований бытия, и выступают как метафизика, в основе которой лежит мудрость, основанная на интерпретации бытия человеческим разумом» [7, с. 14]. Социолог же изучает современность и, опираясь на полученные эмпирические знания об обществе, прогнозирует будущее, создавая социальные модели на базе социологических данных изучения общественного мнения, динамики ценностей, вновь обозначившихся противоречий.

И. Т. Касавин, подтверждая, что самая актуальная тема – современность – выделяет два ее пласта: «Первый – самый крупный – унаследован от прошлого и постепенно эволюционирует, сохраняя родовые черты. Это практически вся сфера политики, экономики, идеологии, религии, искусства, морали, многочисленные социальные практики. Второй пласт – это сфера современной науки и техники. Здесь изменения происходят с невероятной быстротой и провоцируют соответствующие сдвиги в других областях общественной жизни. Наука и техника сегодня пронизывают и во многом определяют все бытие человека. <...> В мире греческой античности сердцевиной была политика, в европейском Средневековье – религия, сегодня на их место вышла наука – такова реальность культурной динамики» [3, с. 11].

Уникальность социологии в ее междисциплинарности, отвечающей более высокому уровню абстрагирования – некой коллективной целостности.

Наращивание эмпирического материала не всегда приводит к решению проблемы, не всегда приводит к приращению знания. Даже самые технологически совершенные процедуры ее получения не создают целостного представления о жизни общества. Эмпирика сама по себе не рождает теорию. Об этом еще в XIX веке говорил и основатель социологии как науки позитивист Огюст Конт и его последователи. Желание основателя социологии сделать общественную науку по образцу естественных наук привело к ситуации, которую кратко и точно определил Д. Г. Подвойский: «Социология стремится догнать науки естественные и убежать от философии. Не получается ни первое, ни второе» [8, с. 6].

Социологическое знание возникает как особый тип позитивного размышления, направленного на возможность выстраивания собственного понимания картины мира. В этих условиях, социология, с другой стороны, раскрывает механизмы, обеспечивающие стабильность культуры, где происходит таинство творения будущего. Отсюда изначальное стремление социологии конструировать в том числе и социокультурные модели, благоприятствующие реализации потребностей личности. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и такую важную задачу социологии в современном обществе, как способствовать повышению общей социологической культуры. «Социология не может обладать авторитетом в обществе, если она его не просвещает» [10, с. 38].

Социология в зоне неизвестности

Осознание неизвестности уже результат, определяющий возможный вектор новых исследований. Социология всегда воспринималась как тонкий инструмент познания неизвестности, которая в состоянии раздвинуть рамки современности, выстроить перспективу будущего. «Преобразование общества и типа цивилизационного развития, – писал В. С. Стёпин, – всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны вне изменений в культуре» [12, с. 17]. Это хорошо прослеживается на примере развития социологии в Беларуси. Социология становится остро востребованной в период социальных кризисов и перемен цивилизационного порядка.

Впервые институционализированные формы своего функционирования социология в Беларуси обрела с началом работы Белорусского государственного университета (1921 г.). Уже в первый год работы университета была создана кафедра социологии и первобытной культуры (С. З. Каценбоген). Профессор С. З. Каценбоген (1889–1946) был выпускником первой в Российской империи кафедры социологии Петроградского психоневрологического института. Кроме конкретных социологических курсов «общей социологии» и «генетической социологии», он читал курсы «пролетарской революции», «истории революционных движений»,

«истории социалистической мысли», «истории развития общественных форм» и т. п. [17, с. 13]. Тематика его научных работ была разнообразной, отражала ритм эпохи, диктовалась не только интересом автора, но и запросами времени. О многом говорят названия работ С. З. Каценбогена: «Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи» (1923), «Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Ренэ Марана «Батуала» (1923), «Философские и социологические основания марксизма» (1925), «Курс марксистской социологии» (1925), «Марксизм и социология» (1925). Однако еще до прихода на работу в БГУ С. З. Каценбоген опубликовал книгу «Пролетариат и крестьянство (социологический труд)» (1920), где автор попытался с учетом новых мировоззренческих тенденций оценить динамику хозяйственной жизни республики с позиции движения рабочей силы.

Большое внимание современных исследователей привлекает курс генетической социологии, который читал С. З. Каценбоген в те годы. Он был далек от представлений курса общей социологии, который читается в настоящее время в университетах, и представлял собой своеобразный сплав историко-социологической мысли и первобытной истории [5, с. 241]. Тем не менее этот курс давал достаточно хорошее представление о теоретической социологии. В нем помимо материалистической концепции общества К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. Плеханова упоминаются и основоположники позитивизма, представители биологизма, органицизма и психологизма, что также свидетельствует об определенной логике развития классической социологии.

В середине 1920-х – начале 1930-х годов в Беларуси сложилось два ведущих центра социологических исследований – в БГУ и Институте белорусской культуры (затем Академии наук). Далее, реальная жизнь пришла в несоответствие с ожиданиями власти, и инструмент, измеряющий общественное мнение, оказался не востребуемым.

Социология в СССР вновь понадобилась, когда в мире она уже давно была признана всеми и преподавалась в крупнейших мировых университетах, когда ни одно мало-мальски заметное событие не обходилось без социологических прогнозов. Вполне закономерно, что БГУ и Академия наук стояли у истоков возрождения социологической науки в Беларуси. Для исследования нового проблемного поля, которое сформировалось в стране в период «хрущевской оттепели», необходимы были новые знания, способные адекватно отражать происходящие перемены. Дальнейшее пребывание в международной самоизоляции было контрпродуктивно. Нужны были новые подходы, новые теории для управления в изменившихся условиях.

В академических институтах, вузах страны стали создаваться первые структуры социологического профиля. В Беларуси одной из первых в 1967 г. открывается Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ) [9]. По заданиям государственных и общественных структур в лаборатории стали изучаться проблемы молодежи, эффективности воспитательной работы, проблемы семьи, трудовых кол-

лективов и социального управления. Помимо оперативных исследований ПНИЛСИ работала над крупными исследовательскими проектами, рассчитанными на многолетнюю перспективу. Большое значение для возрождения социологии имело создание в 1968 г. сектора, а затем отдела социальных исследований в Институте философии и права АН БССР (Г. П. Давидюк). Социология вышла за пределы научных секторов и лабораторий и стала проводить масштабные исследования актуальных проблем жизни трудовых коллективов, включилась в работу по социальному планированию предприятий и производственных объединений. Была разработана уникальная методика перспективного социального развития производственного коллектива.

Большое значение для существенного прорыва в зону неизвестности, изменения представлений о возможностях социологической науки для практики на территории Беларуси имела поистине подвижническая деятельность признанного лидера возрождения социологии в Беларуси профессора Г. П. Давидюка (1923–2020). Академическую ветвь ученых социологов возглавил академик Е. М. Бабосов. Вокруг них «сформировалось активное ядро исследователей, было восстановлено социологическое наследие – не только труды социологов 1920–1930-х гг., но и социологические идеи выдающихся дореволюционных философов, писателей, статистиков, юристов, демографов и др.; создавались новые подразделения, готовились кадры...» [14, с. 15–16]. Георгий Петрович Давидюк первым взял на себя ответственность за организацию подготовки профессиональных социологов. С начала 1974/75 учебного года на философском отделении исторического факультета БГУ по инициативе профессора Г. П. Давидюка была открыта специализация по прикладной социологии. В 1977 г. состоялся первый выпуск специалистов в области прикладной социологии, которые были распределены на предприятия в качестве социологов. К началу 1980-х гг. в аспирантуре на кафедре философии обучалось около двадцати человек по данной специальности.

Первопроходцам в социологии приходилось далеко не просто, и часто за каждым результатом стояла стена бюрократического неприятия реальности. Г. П. Давидюк вспоминал: «Однако, наше хорошее начало по подготовке социологов в университетских аудиториях было остановлено диктаторским повелением “сверху”. В 1978 г. советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук университетов Варшавского договора. От Белоруссии в делегацию входил я. На совещании-инструктаже перед отъездом в Министерстве высшего образования СССР заместитель министра этого Министерства, он же – руководитель делегации Н. И. Мохов попросил каждого из членов делегации (нас было 19 человек) доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как на философском отделении БГУ готовят социологов, какие проводятся социологические исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом, Н. И. Мохов мгновенно вскочил и стал озлобленно кричать: “У нас нет социологии. Кто вам разрешил вести подготовку социологов в университете?” Я спокойно ответил, что учебный план

для такой подготовки нам утвердил первый заместитель министра высшего образования СССР Н. Ф. Краснов. У нас уже состоялось два выпуска специалистов, в дипломах которых записано “профессия – прикладной социолог”. Н. И. Мохов пообещал разобраться в этом деле. Через год в БГУ “нагрязнула” министерская инспекторская проверка. Инспекция признала неправильной нашу запись в дипломе и предписала впредь делать такую запись “профессия – преподаватель общественных наук”. Так мы и делали до 1988 г., пока не признали социологию самостоятельной наукой» [1, с. 96].

Интересен опыт работы сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ, который был создан Г. П. Давидюком и начал научно-исследовательскую деятельность в 1974 году. «С первых дней моей работы в БГУ ректор университета В. М. Сикорский ежегодно выделял неограниченный лимит на ведение хоздоговорных социологических исследований. Для проведения этих исследований уже в 1974 г. при кафедре был создан сектор прикладной социологии, научным руководителем сектора был назначен профессор Г. П. Давидюк, заведующим сектором – доцент И. Я. Писаренко, затем последовательно сектором руководили кандидаты наук: С. А. Шавель, Д. Г. Ротман. Количество заявок от предприятий на проведение хоздоговорных исследований каждый год возрастало. К 1980-м годам сектор проводит уже исследования на девяти крупнейших заводах Белоруссии, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилевское ПО «Химволокно», Оршанский льнокомбинат. Годовая сумма выполняемых работ – 300 тыс. долларов. Ответственными исполнителями на этих предприятиях работали в то время доценты кафедры А. Н. Елсуков, И. Я. Писаренко, старшие научные сотрудники С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, Д. Г. Ротман, А. И. Левко, А. П. Кацева, К. Г. Лапич и др.» [1, с. 97].

По примеру БГУ стали активно создаваться социологические структуры во всех ведущих вузах республики. Работа сектора прикладной социологии в БГУ дала толчок развитию заводской социологии, когда в штаты крупных заводов, комбинатов и организаций были введены должности инженеров-социологов. К 1980-м годам на базе вузовских кафедр гуманитарного профиля были стали открываться социологические лаборатории, исследовательские группы, сотрудники которых затем стали хорошими преподавателями социологии. В 1989 г. в БГУ открывается отделение социологии и кафедра социологии (первый зав. кафедрой – профессор А. Н. Елсуков) [4].

С обретением суверенитета Республикой Беларусь перед социологической наукой открылись новые возможности. Активизировались международные связи, появились первые негосударственные исследовательские структуры, социология стала широко преподаваться в университетах страны. Социологи Беларуси активно включились в исследование новых проблем жизни белорусского общества. Они значительно расширили объем исследований, связанных с процессами трансформации постсоветского мира, укоренением белорусской государственности, изменением ценностных ориентаций различных социальных групп населения республики, особенностями их социализации, идентификации.

Осуществлялись исследования проблем политической активности населения, изучение стратификации и демографических характеристик меняющегося общества под воздействием социальных, экономических, социально-психологических факторов. Особое внимание было обращено на выбор жизненного пути молодежи в новых условиях, разработку государственной молодежной политики, исследования субкультурных объединений молодежи. Социологи Беларуси включились в анализ политического поля республики, начали проводить электоральные исследования, связанные с выборами на Съезд народных депутатов СССР (1989) и депутатов Верховного Совета БССР (1990).

1990-е годы существенно трансформировали ситуацию в экономике страны, что потребовало изменения тематики исследований в экономической социологии и социологии труда. На первый план вышли исследования рыночных отношений, трудовой миграции, развития предпринимательства. Авария на Чернобыльской АЭС привела к переосмыслению многих устоявшихся в сознании людей стереотипов. Стали активно развиваться и содержательно обновляться такие направления, как социальная экология, социология катастроф и экстремальных ситуаций.

Национальная культура стала больше осознаваться как хранитель социокультурного кода нации, где происходит формирование будущего. На первый план вышли исследования проблем развития белорусской нации, социодинамики культуры в ее национальных традициях и особенностях в контексте взаимодействия со становлением и проявлениями специфически белорусского менталитета и национального своеобразия, национального самосознания белорусского народа. Социологи стали больше изучать проблемы культурной идентичности и самоопределения народов, межнациональные отношения в условиях становления суверенитета, проблемы региональной политики, развития местного самоуправления. Получили развитие современные информационные технологии, IT-структуры.

Таким образом, за все годы развития социологии в Беларуси был аккумулирован большой объем знаний о самых разных сферах жизнедеятельности белорусского общества. Однако выход социологической науки в зону неизвестности возможен только в условиях междисциплинарного синтеза наук. Прав был В. С. Стёпин, когда характеризовал современные тенденции синтеза научных знаний: «Они выражаются в стремлении построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» [13, с. 460].

Заключение

Цивилизация вступила в фазу глобальной нестабильности, перманентно возникающие все новые вызовы и риски формируют запрос на перемены. Теоретико-методологическая неопределенность требует новых подходов, в том числе и основанных на социологическом воображении. Белорусская социология к такому прорыву готова. Необходимо осмыслить происходящее и дать ответ на вопрос о том, что есть современность, как трансформируются социальная реальность, наши представления об обществе и наше отношение

к миру. Есть ряд методологических проблем, которые необходимо разрешить при переходе к новым парадигмам исследования. Главной является проблема доказательности. Результаты, полученные с помощью социологического воображения как теоретического инструмента, должны быть обоснованы. Требование методологической строгости при выходе на новый парадигмальный уровень сохраняется, иначе множество авторских концептов невозможно будет сложить в целостную картину мира.

Белорусская социология является, с нашей точки зрения, хорошей базой для разработки прорывных теорий как раз потому, что обеими ногами твёрдо стоит на земле, изучая жизнедеятельность социума, но при этом в её основании исторически лежал философский подход, требовавший большого воображения. Она может обеспечить необходимый полёт фантазии и одновременно разумно ограничить его. В зоне неизвестности с помощью социологического воображения уже сейчас происходит поиск новых парадигмальных ориентаций в научном познании и практической деятельности, которые бы органично сочетались с антропологическим измерением местного и глобального социального развития, а также с человеком в его единстве с социумом и природой.

Библиографический список

1. Давидюк Г. П. В муках и страданиях родилась социология // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 93–99.
2. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 743 с.
3. Касавин И. Т. Наука – гуманистический проект. М.: Весь Мир, 2020. 496 с.
4. Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания. Минск: БГУ, 2014. 230 с.
5. Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1922–23 академ. год (итоги и перспективы) // Труды БГУ. 1923. № 4–5.
6. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: NOTA BENE, 2001. 264 с.
7. Миронов В. В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М.: РГ-Пресс, 2020. 448 с.
8. Подвойский Д. Г. Языки социологии: многоголосие или какофония? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 3–9.
9. Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания. Минск: БГУ, 2017. 99 с.
10. Симонян Р. Х. Социальная философия, обществознание или генералистика: к проблеме кризиса социологии // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 29–40.
11. Спенсер Г. Автобиография. Киев, 1906 (цитируется по: Шавель С. А. Перспективы развития социума. Минск: Беларуская навука, 2015. С. 39).

12. Стёпин В. С. Картина социальной реальности в системе научного знания (ч. 2. Структура социальной реальности) // Научно-теоретический журнал «Социология». 2009. № 4. С. 3–18.

13. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / Нац. акад. наук Беларуси; Ин-т философии. Минск: Беларуская навука, 2021. 539 с.

14. Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Минск: Беларуская навука, 2010. 404 с.

15. Шавель С. А. Перспективы развития социума. Минск: Беларуская навука, 2015. 507 с.

16. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64–72.

17. Яновский О. А., Баранова Е. В. Истоки университетской социологии в Беларуси: архивные факты и размышления историков // Социология. 2007. № 4. С. 10–20.

Статья поступила 05.01.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Данилов Александр Николаевич, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

Sociological Imagination in the Zone of Ignorance (on the Example of the Development of Sociology in Belarus)

Alexander N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: a.danilov@tut.by

ORCID ID: 0000-0002-1190-4975

For citation: Danilov A. N. Sociological imagination in the zone of ignorance (on the example of the development of sociology in Belarus). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 14–25. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.771

Abstract. The modern world is globally unstable. It is characterised by the permanent emergence of new challenges and risks, that in response leads to the emergence of a new type of civilizational development and the formation of a previously unknown integrity. The article reveals the mechanism and motives for choosing the path of development and the role of the sociological imagination in this process. Imagination becomes a general, interdisciplinary concept that performs in science, first of all, a cognitive function that helps to overcome ignorance. The study of modernity in the current conditions is becoming more problematic due to the emergence of theoretical and methodological uncertainties stipulated by the modern phase of the development of civilization, that has given rise to many risks and threats. However, without theoretical understanding, the abundance of empirical material does not always lead to the increment of new knowledge. Breakthroughs in empirical research, new methods of data collection, including working with big data, in the end only exacerbate uncertainty and critically complicate the process of creating new concepts. Modern science reflects, comprehends its achievements and the need to go beyond the established approaches. The search for new paradigms in scientific cognition and practical activities is carried out taking into account the human dimension of development and in the search for a balance between man and nature. Penetration into the zone of ignorance is based on the possibility of creating new images based on previous experience, on reflection, where the possession of a developed imagination by the researcher becomes crucial. In the article, the process of functioning of sociology in the zone of ignorance is considered on the example of a hundred-year development of sociological science in Belarus: three stages in the development of sociology are identified, their content and features of the functioning of the problem field are revealed.

Keywords: modernity, social reality, sociological imagination, zone of ignorance, problematic field, future

References

1. Davidyuk G. P. V mukah i stradaniyah rodilas' sociologiya [Sociology was born in pain and suffering]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2008: 6: 93–99 (in Russ.).
2. Kant I. Sochineniya v shesti tomah [Works in six volumes]. Vol. 6. Moscow, Mysl', 1966: 743 (in Russ.).
3. Kasavin I. T. Nauka – gumanisticheskij proekt [Science is a humanistic project]. Moscow, Ves' Mir, 2020: 496 (in Russ.).
4. Kafedra sociologii BGU: istoriya i sovremennost'. K 25-letiyu sozdaniya [Department of Sociology, Belarusian State University: history and modernity. To the 25th anniversary of creation]. Minsk, BGU, 2014: 230 (in Russ.).
5. Kacembogen S. Z. Belorusskij gosudarstvennyj universitet za 1922–23 akadem. god (itogi i perspektivy) [Belarusian State University for 1922–23 academic year (results and prospects)]. *Trudy BGU*, 1923: 4–5 (in Russ.).
6. Mills C. R. Sociologicheskoe voobrazhenie [Sociological imagination]. Moscow, NOTA BENE, 2001: 264 (in Russ.).
7. Mironov V. V. Metafizika ne umiraet: izbrannye stati, vystupleniya i interv'yuy [Metaphysics does not die: selected articles, speeches and interviews]. Moscow, RG-Press, 2020: 448 (in Russ.).
8. Podvoisky D. G. Yazyki sociologii: mnogogolosie ili kakofoniya? [Languages of sociology: polyphony or cacophony?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2011: 5: 3–9 (in Russ.).
9. Problemnaya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya sociologicheskikh issledovanij Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (PNILSI BGU): k 50-letiyu sozdaniya [Problem Research Laboratory of Sociological Research of the Belarusian State University (PNILSI BSU): to the 50th anniversary of its creation]. Minsk, BGU, 2017: 99 (in Russ.).
10. Simonyan R. H. Social Philosophy, Social Science or Generalistics: To the Problem of the Crisis of Sociology. *Voprosy filosofii*, 2021: 3: 29–40 (in Russ.).
11. Spenser G. Avtobiografiya. Kiev, 1906 [Autobiography. Kyiv, 1906]. (Quoted by Shavel S. A. Prospects for the development of society). Minsk, Belaruskaya navuka, 2015: 39 (in Russ.).
12. Styopin V. S. Kartina social'noj realnosti v sisteme nauchnogo znaniya (ch. 2. Struktura social'noj real'nosti) [The picture of social reality in the system of scientific knowledge (part 2. The structure of social reality)]. *Nauchno-teoreticheskij zhurnal «Sociologiya»*, 2009: 4: 3–18 (in Russ.).
13. Styopin V. S. Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyuciya [Theoretical knowledge: structure, historical evolution]. Minsk, Belaruskaya navuka, 2021: 539 (in Russ.).
14. Shavel S. A. Obshchestvennaya missiya sociologii [Social mission of sociology]. Minsk, Belaruskaya navuka, 2010: 404 (in Russ.).
15. Shavel S. A. Perspektivy razvitiya sociuma [Prospects for the development of society]. Minsk, Belaruskaya navuka, 2015: 507 (in Russ.).
16. Shtompka P. Formirovanie sociologicheskogo voobrazheniya. Znachenie teorii [Formation of sociological imagination. The meaning of theory]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2005: 10: 64–72 (in Russ.).
17. Yanovskij O. A., Baranova E. V. Istoki universitetskoj sociologii v Belarusi: arhivnye fakty i razmyshleniya istorikov [Origins of university sociology in Belarus: archival facts and reflections of historians]. *Sotsiologiya*, 2007: 4: 10–20 (in Russ.).

The article was submitted on: January 5. 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Danilov, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ТЕМА НОМЕРА

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.772

Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодёжи (из опыта социологических исследований)

Ссылка для цитирования: Мысливец Н. Л. Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодёжи (из опыта социологических исследований) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 26–43. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.772

For citation: Myslivets N. L. Formation and features of the evolution of historical memory Belarusian youth (from the experience of sociological research). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 26–43. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.772

Мысливец Николай Леонтьевич¹

¹Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь

n.myslivets@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 957418

Аннотация. Во введении к статье обосновывается актуальность темы формирования исторической памяти молодёжи в условиях меняющегося общества. Показана научно-теоретическая и практическая значимость социологического изучения данной проблемы. Представлена методика лонгитюдного исследования исторической памяти. Описывается объект исследования: учащиеся выпускных классов учреждений общего среднего образования и студенты первого и второго курсов учреждений высшего образования Гродно (Республика Беларусь). В основной части рассматриваются вопросы эволюции исторической памяти белорусской молодёжи. Эмпирической основой работы служат результаты трех социологических опросов, проведенных в 2010, 2014 и 2021 годах. Опросы были проведены по однотипной методике. Ставилась цель выявить особенности формирования и тенденции эволюции исторической памяти учащихся и студентов, уровень знаний и представлений о событиях Великой Отечественной войны, оценки прошлого и отношение к знаковым событиям истории. Описываются механизмы формирования и межпоколенческой трансляции исторической памяти. На основе полученных эмпирических данных анализируются содержательные особенности исторической памяти о Великой Отечественной войне. Важнейшим источником формирования исторической памяти молодёжи является школьное и университетское образование. Большинство опрошенных отмечают безусловную актуальность в современном обществе темы Великой Отечественной войны, подвигов, совершенных народами СССР в эти годы. Смена поколений актуализирует роль семьи как института исторической памяти молодёжи. Описывается влияние таких социализирующих факторов, как кинофильмы, интернет, телевидение. Рассматривается роль коммемораций как источника формирования исторической памяти ныне живущих поколений. Результаты

проведенных исследований имеют практическую значимость. Полученные данные были внедрены в образовательный процесс, организуемый в учреждениях общего среднего и высшего образования. Материалы и выводы были рекомендованы органам государственного управления и иным организациям для использования при разработке основных направлений государственной молодёжной политики в Республике Беларусь и ее реализации на местах. В заключении работы представлены выводы по результатам проведенного исследования. Подчеркивается консолидирующая роль исторической памяти в развитии современного общества.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, учащиеся, студенческая молодёжь, учреждения высшего образования, семья, система образования, преемственность поколений

Введение

Проблема формирования и сохранения исторической памяти молодёжи в последние годы приобрела особую актуальность. Ускорение темпов социальной динамики, продолжающиеся процессы глобализации и регионализации мирового пространства, рост непредсказуемости социальных практик, широкое внедрение цифровых технологий в жизнь общества и многие другие обстоятельства обуславливают трансформацию роли накопленного предыдущими поколениями исторического опыта в структуре социальной деятельности современных, в первую очередь подрастающих, поколений. Отношение к такому опыту всегда было критичным, а в современных условиях степень такого критицизма и недоверия к нему ещё более возрастает. Соответственно, изучение вопросов востребованности и практического использования опыта прошлых поколений в современных социальных практиках приобретает особую научно-теоретическую и практическую значимость.

Происходящие в мире события наглядно свидетельствуют: борьба за прошлое разворачивается с новой силой в самых различных сферах общественной жизни, не только политической и экономической, но и в информационной, культурной, идеологической. Многие политики современности всё чаще и чаще активизируют «опцию памяти», руководствуясь стремлением переписать историю в выгодном для себя свете, используя при этом в качестве оружия против своих оппонентов и как средство достижения собственных целей различные образы коллективной и индивидуальной памяти. Причём делают они это зачастую вопреки исторической правде, логике и здравому смыслу. Фальсификация истории – это мощнейшее когнитивное оружие, использование которого в современном мире приобретает всё более значительные масштабы.

Состояние и динамика исторической памяти народа постоянно находятся в фокусе внимания как профессиональных учёных, так и представителей органов государственной власти и государственного

управления, системы образования и культуры, средств массовой информации. Изучение исторической памяти как отдельное направление исследований в Беларуси активно развивается с конца 1990-х годов [1, 4, 5, 7, 9, 10, 14]. В результате к настоящему времени в белорусской науке проблема исторической памяти получила как своё теоретическое обоснование, так и эмпирическую интерпретацию. Накоплен и определенный опыт её социологического анализа [2, 6, 8, 11, 12].

Начиная с 2010 года кафедра социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы под руководством автора настоящей статьи и при его участии проводит лонгитюдное социологическое исследование «История Великой Победы в памяти потомков». Объектом исследования является учащаяся и студенческая молодёжь в возрасте от 16–17 до 19–20 лет. Выделены две целевые группы: учащиеся выпускных классов учреждений общего среднего образования Гродно и Гродненской области и студенты 1–2 курсов учреждений высшего образования Гродно (Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гродненского государственного медицинского университета, Гродненского государственного аграрного университета, Гродненского филиала «БИП – Университет права и социально-информационных технологий»).

Эмпирическую основу настоящей статьи составили результаты трёх социологических опросов, проведённых в 2010, 2014 и 2021 г., в ходе которых было опрошено более двух тысяч человек: 1061 – в 2010 г., 563 – в 2014 г. и 504 – в 2021 г. Выборка квотная. В качестве квот выступали пол, класс либо курс обучения, направление получаемой специальности для студентов университета: естественные науки, точные (технические), гуманитарные, социальные. Ошибка выборки не превышает 5%. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос. Все опросы были проведены по однотипной методике, что обеспечило возможность сравнительного анализа полученных эмпирических данных.

1. Интерес к прошлому и мотивация его изучения

Современная учащаяся и студенческая молодёжь представляет собой весьма масштабную по численности, крайне сложную и неоднородную в плане внутренней структуры и динамично меняющуюся с точки зрения выявляемых тенденций и перспектив дальнейшего развития социальную группу белорусского общества. По состоянию на начало 2020/21 учебного года в учреждениях общего среднего образования республики обучалось 1 058 300 человек. В учреждениях высшего образования на 1-й и 2-й ступенях получения высшего образования – более 263 тыс. студентов [13, с. 6]. При этом в общей численности обучающихся в белорусских учреждениях высшего образования студентов и магистрантов 7,9% составляют иностранные граждане (20 936 человек) [13, с. 33].

Результаты проводившихся в последние годы исследований, анализ накопленных эмпирических данных и опыт социологических наблюдений убедительно свидетельствуют: жизненные интересы представителей современного «цифрового поколения», их мировоззренческие установки и поведенческие практики существенно отличаются от интересов, установок и ценностей, которыми руководствовалось поколение их родителей. Для современных юношей и девушек важны не только хорошее образование и самостоятельность мышления, креативность и индивидуализм, установка на материальное благополучие и неприкосновенность частной жизни, но и повышенная эмоциональность, стремление к ярким впечатлениям и переживаниям. Растёт скорость восприятия информации, авторитет родителей и школьных учителей чаще всего не выдерживает конкуренции с интернетом, фрагментарность образа мыслей соседствует с поверхностным характером высказываемых суждений. Современные электронные средства коммуникации обеспечивают людям возможность не только постоянно взаимодействовать друг с другом, но и заниматься бизнесом и творчеством, реализовывать свои услуги, осуществлять научную и образовательную деятельность, участвовать в политике. Наряду с этим следует отметить и весьма тревожный факт, который является порождением именно нашего времени: возможность получать информацию практически в неограниченных объёмах приводит к формированию у юношей и девушек иллюзии всезнайства и уверенности в своих силах.

В настоящее время поколение «Z» представляет собой поколение, одним из важнейших жизненных принципов которого выступает толерантность. Складывающиеся в этой связи паттерны поведения требуют глубокого изучения и понимания с целью возможного использования полученных знаний для организации образовательного процесса, воспитания патриотизма, формирования гражданского сознания, политической и правовой культуры, исторической памяти подрастающих поколений.

Соответственно, возникает вопрос: нужно ли современной «цифровой» молодёжи знать прошлое? Заинтересована ли она в этом сама? Чем и кем она мотивирована? Все указанные вопросы имеют не только научно-теоретический, но и значительный прикладной интерес как для специалистов системы образования, культуры, средств массовой информации, так и для политиков и государственных деятелей, наконец, для каждого из нас. И если положительный ответ на первый из перечисленных вопросов в рамках данного дискурса не вызывает сомнений, то в отношении двух других ситуация выглядит не столь очевидной. В ходе проведённых исследований мы попытались получить ответы на оставшиеся вопросы, отталкиваясь от мнений учащихся и студентов.

Первое, о чем мы поинтересовались у наших респондентов: «Интересует ли Вас история нашей страны?». Как свидетельствуют ответы, она вызывает интерес у 77% опрошенных (данные 2021 г.). В 2010 году такой вариант ответа выбрали 78,1% респондентов. В 2014 году – 76%. Удельный вес данной категории респондентов за 11 лет, прошедших с момента первого опроса, практически не изменился (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Ответы на вопрос: «Интересует ли Вас история нашей страны?», %
 Answers to the question “Are you interested in the history of our country?”, %

Интересует ли Вас история нашей страны?	2010	2014	2021
Да, интересуется	78,1	76,0	77,0
Не вызывает значительного интереса	21,3	23,5	19,0
Нет, не интересуется совсем	0,6	0,5	2,4
Другое	0,0	0,0	1,6
Итого	100,0	100,0	100,0

К категории молодых граждан, равнодушных к прошлому своей страны, правомерно отнести и тех респондентов, которые выбрали вариант ответа «не вызывает значительного интереса»: их доля по состоянию на 2021 год составила менее 1/5 всего массива опрошенных (19%). Удельный вес данной категории респондентов был несколько выше в 2010 году (21,3%) и в 2014 году (23,5%). Суммирование тех, кто выбрал два указанных варианта ответа на рассматриваемый вопрос, позволяет сделать вывод о том, что в целом группа равнодушных к истории своей страны за 11 лет несколько уменьшилась: с 99,4% в 2010 году до 96% в 2021 году. На данном этапе такая разница выглядит незначительной и продолжает (пока) оставаться в пределах статистической погрешности. Но при этом необходимо обратить особое внимание на следующий факт: за 11 лет примерно в 4 раза увеличилось число тех, кого история «не интересуется совсем». И пусть динамика в процентном соотношении остаётся в пределах все той же статистической погрешности, сам факт её наличия нельзя оставить без внимания.

Интерес к прошлому и мотивация его изучения представляют собой неотъемлемые составляющие процесса обучения в целом, но и выступают важнейшими условиями формирования у подрастающих поколений гражданственности, патриотизма, чувства собственного достоинства. Не требует доказательств утверждение: незнание своей истории молодыми гражданами страны имеет крайне негативное значение для развития всего общества. Как для его настоящего, так, безусловно, и будущего: ближайшего и самого отдалённого.

Среди мотивов интереса к истории на первом месте – стремление расширить свой кругозор. Это наиболее важный фактор для 47,3% опрошенных. Одинаковое количество респондентов (по 31,2%) выбрали варианты ответа «история даёт возможность узнать прошлое моей страны и народа» и «в истории можно найти ответы на важные вопросы современности». 16,9% опрошенных заинтересованы в хороших отметках по данному предмету (см. табл. 2).

Новым вызовом современности является тенденция снижения у молодёжи мотивации к изучению прошлого. Нужно ли такую мотивацию повышать и каким образом целесообразно это делать? Мы исходим из установки, что делать это необходимо. При этом средства повышения мотивации могут быть различными.

Таблица 2 (Table 2)

Ответы на вопрос: «Чем вызван Ваш интерес к истории?», %
 Answers to the question “What did cause your interest in history?”, %

Чем вызван Ваш интерес к истории? (респонденты могли указать не более трех вариантов ответа)	2010	2014	2021
Я стремлюсь расширить свой кругозор	54,6	53,9	47,3
История даёт возможность узнать прошлое моей страны и народа	61,2	63,9	31,2
В истории можно найти ответы на важные вопросы современности	37,3	36,1	31,2
Интересуюсь историей, потому что не доверяю публикациям и телевизионным передачам на исторические темы	6,4	7,5	12,7
Мне нужны хорошие отметки по изучаемым предметам	24,9	21,1	16,9
Другое	1,1	0,9	8,4

В последние годы в образовательном процессе всё более активно используются различные инновационные технологии, среди которых проектный метод, модульное и развивающее обучение, компьютерные технологии. Одним из самых влиятельных инструментов донесения информации до сознания детей, подростков, молодёжи давно уже стал и компьютер, социальные сети, всевозможные мессенджеры, каналы и прочие технологические новации. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют обучающимся максимально приблизиться к позиции свидетелей исторической реальности. В процессе преподавания истории в школах и университетах всё более активно применяются мультимедийные образовательные программы, электронные учебники, компьютерные игровые программы.

Одним из инструментов актуализации внимания молодых граждан к изучению прошлого являются исторические аккаунты в социальных сетях. Потенциал социальных сетей велик, а следовательно, он может и должен быть задействован с целью привлечения внимания детей и подростков к изучению прошлого. Но при этом нельзя игнорировать и тот факт, что сама историческая наука традиционно апеллировала к таким способам подачи материала, которые обеспечивали бы максимальную наглядность её отображения и точность воспроизведения, её графическую визуализацию. Задача разумного сочетания таких методов является крайне сложной. Очевидно, что только квалифицированный и высокомотивированный педагог (школьный учитель, университетский преподаватель) способен грамотно её решить.

2. Великая Отечественная война в исторической памяти современной молодёжи

Все мы являемся свидетелями начала новой эпохи в послевоенной истории – эпохи угасания живой памяти о Великой Отечественной войне. Уходит поколение участников войны, а вместе с ними исчезает и межличностная коммуникация как первостепенный фактор сохранения такой памяти. По данным Министерства труда и социальной защиты населения Республики Беларусь на 1 апреля 2021 г., общая численность прожива-

ющих в стране ветеранов войны и граждан, пострадавших в годы войны, составляла 3 337 человек. Непосредственными участниками и инвалидами войны являлись 1 887 человек¹. Именно эти люди – последние хранители и носители живой памяти о войне, которая продолжает оставаться одним из важнейших факторов национальной идентичности белорусов, источником формирования исторической памяти подрастающих поколений, символом народного единства.

Открывается новая эпоха, когда доступной для восприятия и сохранения подрастающими поколениями остаётся только записанная и реконструированная память о войне. Прежде всего, это память, зафиксированная в различных текстах: в письмах с фронта и дневниках, в наградных листах и похоронках, в воспоминаниях очевидцев и мемуарах полководцев. Это память, которая отражена в художественных произведениях и газетных публикациях, в сборниках исторических документов и в музейных экспонатах, в аудиозаписях и в лентах кинохроники. Живая память о войне перестаёт быть собственно живой, но, несмотря на это, продолжает существовать и наследоваться в виде ментальных конструкций, сохраняющихся в памяти всех послевоенных поколений.

Что знает о Великой Отечественной войне молодое поколение белорусов? Сравнительный анализ ответов респондентов позволил выявить диапазон и глубину таких знаний и представлений, проследить динамику суждений, диагностировать степень интереса к ней.

В ходе каждого из трёх проведённых опросов респондентам задавался вопрос, согласны ли они с тем, что одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны является Великая Отечественная война (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Ответы на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны является Великая Отечественная война?», %
Answers to the question “Do you agree that one of the most important events in the recent history of our country is the Great Patriotic War?”, %

Согласны ли Вы с тем, что одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны является Великая Отечественная война?	2010	2014	2021
Да, это так, мне об этом говорили близкие и уважаемые люди: родители, бабушка, бабушка и другие	32,5	34,4	32,5
Да, это так, мне об этом говорили на уроках истории	47,1	41,3	24,1
Возможно, это так, но я не интересовался этим специально	10,8	10,5	24,1
Нет, я так не считаю	3,8	5,4	9,3
Затрудняюсь ответить	2,2	5,1	8,4
Другой ответ	3,5	2,7	0,8
Итого	100,0	100,0	100,0

¹ Численность ветеранов Великой Отечественной войны, граждан, пострадавших в годы Великой Отечественной войны, проживающих в Республике Беларусь (на 01.04.2021). URL: http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/Chislennost-veteranov-VOV-i-postradavshix-na-01.04.2021.pdf (дата обращения: 11.09.2021).

Понимание того, что война 1941–1945 гг. является одним из самых важных событий в новейшей истории Беларуси, в целом разделяет 80,7% всего массива опрошенных (данные 2021 г.). В том числе, 32,5% знают об этом со слов своих родителей, дедушек и бабушек; 24,1% узнали об этом на уроках истории в школе; еще столько же (24,1%) указали вариант ответа «возможно, это так, но я не интересовался этим специально».

Важно отметить тенденцию сокращения числа тех, кто разделяет такое понимание войны: с 91,2% опрошенных в 2010 г. до 86,2% в 2014 г. и до 80,7% в 2021 г. При этом наиболее существенно сократилась доля респондентов, которые выбрали вариант ответа «да, это так, мне об этом говорили на уроках истории»: с 47,1% в 2010 г. до 41,3% в 2014 г. и до 24,1% в 2021 г. И примерно в 2 раза увеличилось число тех, кто выбрал вариант ответа «возможно, это так, но я не интересовался этим специально»: с 10,8% в 2010 г. до 24,1% в 2021 г.

Ещё одной заслуживающей внимания тенденцией является увеличение в 2,5 раза доли тех, кто не согласился с данным утверждением: 3,8% в 2010 году и 9,3% в 2021 г. Примерно в 4 раза увеличилось и число тех, кто затруднился дать ответ на указанный вопрос: с 2,2% в 2010 г. до 8,4% в 2021 г. Если объединить указанную группу с теми, кто выбрал ответ «возможно, это так, но я не интересовался этим специально» (24,1%), и затруднившимся ответить (9,2%), её удельный вес составит уже 42,6%. Для сравнения: по данным опроса 2014 г. этот показатель составлял 21,4% всего массива респондентов, что практически в 2 раза меньше (см. табл. 4). Такое распределение мнений свидетельствует об увеличении в молодёжной среде числа тех, кто не согласен с утверждением, что Великая Отечественная война является одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны. И это при том, что подавляющее большинство опрошенных юношей и девушек отмечают безусловную актуальность в современном обществе темы Великой Отечественной войны, подвигов, совершённых нашим народом в эти годы.

Таблица 4 (Table 4)

Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, актуальна ли в современном обществе тема Великой Отечественной войны, подвигов, совершённых нашим народом в годы войны?», %
Answers to the question "In your opinion, is the theme of the Great Patriotic War and the war heroic deeds by our people relevant in the modern society?", %

Как Вы считаете, актуальна ли в современном обществе тема Великой Отечественной войны, подвигов, совершённых нашим народом в годы войны?	2010	2014	2021
Нет, не актуальна	3,3	2,5	2,6
В определённой мере актуальна	56,1	52,3	48,9
Да, безусловно, актуальна	39,2	42,9	46,7
Затрудняюсь ответить	1,4	2,3	1,8
Итого	100,0	100,0	100,0

Позицию «безусловно, актуальна» разделяет 46,7% всего массива опрошенных. По мнению 48,9% респондентов, данная тема актуальна в определённой мере. Лишь 2,6% выбрали ответ «нет, не актуальна», а 1,8% затруднились дать ответ на заданный вопрос.

Сравнение данных 2021 года с результатами проведённых ранее опросов позволяет зафиксировать две основные тенденции.

1. Удельный вес респондентов, которые оценивают тему Великой Отечественной войны как актуальную для современного общества, на протяжении более чем десятилетнего периода времени остаётся примерно неизменным: 95,3% всего массива опрошенных в 2010 г.; 95,2% – в 2014 г.; 95,6% – в 2021 г.

2. Увеличилось количество респондентов, которые признают «безусловную актуальность» темы Великой Отечественной войны (с 39,2% в 2010 г. до 46,7% в 2021 г.) За это же время соответственно сократилось количество тех, кто считает рассматриваемую тему актуальной «в определённой мере»: с 56,1% в 2010 г. до 48,9% в 2021 г.

3. Источники исторической памяти о Великой Отечественной войне

Существуют различные подходы к классификации источников, которые участвуют в процессе формирования исторических знаний и исторической памяти различных групп общества. К таковым традиционно относят образовательный процесс, аудиовизуальные источники, печатные издания, семейную память и некоторые другие.

В таблице 5 представлено распределение ответов на вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию о Великой Отечественной войне?» (респонденты могли указать не более трёх вариантов ответа).

Таблица 5 (Table 5)

Ответы на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о Великой Отечественной войне?», %

Answers to the question "What are your sources of information about the Great Patriotic War?", %

Из каких источников Вы получаете информацию о Великой Отечественной войне?	2010	2014	2021
На уроках истории в школе, на занятиях в университете	89,4	86,3	69,9
Из кинофильмов	52,4	68,3	68,9
От родных и близких	40,1	52,4	50,6
Из интернета	19,2	47,2	49,3
Из телепередач	38,8	35,5	24,5
Из книг	38,2	29,4	24,9
Из проводимых в школе (в университете) мероприятий	20,7	22,1	12,0
Из газет	5,7	5,0	2,0

Важнейшим источником формирования исторической памяти молодёжи формально-теоретически является школьное и университетское историческое образование в целом и, соответственно, школьные и университетские учебники истории. Все принимавшие участие в опросе респонденты (в равной степени, как и представители других социально-демографических групп общества в своё время) получали и продолжают получать информацию о событиях Великой Отечественной войны именно из указанной среды. Этим обстоятельством, как нам представляется, в первую очередь и объясняется тот факт, что более 2/3 респондентов поставили на первое место среди источников информации занятия в школе и университете (69,9% всего массива опрошенных в 2021 году). Следует отметить, что в сравнении с опросом, проведённым в 2010 г., удельный вес данной категории респондентов постоянно сокращается: с 89,4% в первой волне до 86,3% во второй и, наконец, до указанного выше числа опрошенных в третьей.

Учебники пишутся профессиональными историками на основе актуальных данных исторической науки. Тем не менее представленная в них реконструкция прошлого с неизбежностью редуцируется до определённого фиксированного объёма унифицированных и систематизированных исторических знаний, определённого установленными образовательными стандартами, и выполняет, прежде всего, прагматические функции. Наряду с учебной литературой не менее значимыми для учащихся и студентов источниками текущей информации о войне являются: кино (68,9% опрошенных), ближайшее семейное окружение, родные и близкие люди (50,6%) и интернет (49,3%), без которого и вне которого представить жизнь современного подростка либо молодого человека уже просто невозможно.

Весьма широкая группа аудиовизуальных источников включает различные их виды: мемориальные сооружения, коммеморации, аудиовизуальные источники с художественным или научно-популярным оттенком (театральные представления, кинофильмы, телепередачи) и другие. Их подробное рассмотрение и анализ не входит в непосредственное проблемное поле настоящей статьи. В нашей анкете была указана лишь одна разновидность таких источников: кинофильмы о Великой Отечественной войне. Их рейтинг оказался весьма высоким (68,9%), лишь незначительно уступив по показателю востребованности образовательному процессу.

В большинстве своём современной молодёжи практически неизвестны такие классические советские картины о войне, как «Судьба человека», «Семнадцать мгновений весны», «Они сражались за Родину», «Баллада о солдате», «Щит и меч», «Живые и мёртвые», «В бой идут одни «старики», «Офицеры» и другие. Незнание советской киноклассики, несмотря на негативное восприятие такого факта, вещь вполне объяснимая и достаточно закономерная. Тем не менее молодёжь знает и смотрит снятые в 2000-х годах художественные фильмы «В августе 44-го», «Брестская крепость», «А зори здесь тихие...», «Сталинград», «Т-34» и многие другие.

Искушённых молодых зрителей привлекают не только всевозможные спецэффекты, трюки, различного рода режиссёрские, операторские и актёрские находки, которыми изобилует практически весь современный кинематограф. Фильмы военной тематики «берут» другим. Предлагаемые их авторами яркие и запоминающиеся зрительные образы, захватывающие сюжетные линии позволяют детям и подросткам, юношам и девушкам максимально полно погрузиться в атмосферу тех лет и событий, поставить себя на место киногероев, задуматься над такими вечными ценностями, как верность Родине, дружба, любовь, честь и достоинство, свобода и справедливость. Всё это делает художественный кинематограф одним из наиболее влиятельных механизмов формирования исторической памяти современной молодёжи. Однако при этом необходимо понимать, что разумное использование образовательного и воспитательного потенциала, который содержит современная фильмография о Великой Отечественной войне, является крайне сложной задачей. Прежде всего, сложна сама работа по подготовке молодёжи (которая, как ей представляется, знает достаточно много и о многом, но при этом не обладает глубиной понимания прошлого) к восприятию сложного исторического материала. Такая задача требует от педагога профессионального и ответственного отношения к организации такой работы. Если она будет должным образом налажена, то её результатом станет формирование подлинного интереса к постижению прошлого, желание отыскать истину, спорить с педагогами, режиссёрами, писателями, журналистами. И именно такие дискуссии способствуют рождению истинного знания и понимания прошлого и настоящего.

Каждый четвёртый респондент (24,9%) назвал в качестве наиболее значимого фактора формирования знаний о прошлом художественную литературу и книги о войне. С каждым годом тех, кто читает книги о войне, становится меньше и меньше: в 2010 г. такой вариант ответа указало 38,2% опрошенных, в 2014 г. – 29,4%.

Одним из основных источников информации о войне продолжает оставаться семья, родные и близкие опрошенных нами респондентов. В данном случае особо следует подчеркнуть тот факт, что современные учащиеся и студенты – это не дети и даже не внуки тех, кто воевал. В большинстве своём – это поколение правнуков и даже праправнуков Победы. Тем не менее на родных и близких как источник информации о Великой Отечественной войне указали 40,1% всего массива опрошенных в 2010 г. и 52,4% – в 2014 г.

Существенно (и вполне ожидаемо) увеличилось число респондентов (с 19,2% в 2010 г. до 47,2% в 2014 г. и до 49,3% в 2021 г.), которые, по их признанию, получают информацию о событиях Великой Отечественной войны из сети интернет.

Безусловно, немаловажную роль в деле сохранения исторической памяти и формирования у подрастающих поколений гражданской культуры и патриотизма играют внеучебные мероприятия. Как свидетельствует накопленный системой образования опыт, они весьма

органично вплетаются в образовательный процесс, не только способствуя популяризации прошлого, но и оказывая на учащуюся молодёжь мощное информационно-просветительское и социализирующее воздействие. В своих анкетах это отметили 20,7% опрошенных в 2010 г. и 22,1% – в 2014 г. В 2021 г. на это указали лишь 12% респондентов!

Заслуживает внимания распределение мнений участников опроса при ответе на вопрос: «Приближается 76-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?» (опрос проводился накануне 9 мая 2021 года).

Как показывают полученные данные, только каждый третий респондент (32,0%) указал на то, что подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут и в будущем примером для новых поколений. Каждый четвёртый участник опроса (24,6%) считает, что память о войне навсегда сохранится в сознании жителей нашей страны.

Не может не вызывать тревогу следующий факт: по мнению 4,9% опрошенных героизм и самопожертвования советских людей во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части современной молодёжи; 28,3% указали ответ «с годами память о войне всё более стирается в сознании новых поколений, её заслоняют иные события и проблемы»; 6,6% затруднились с ответом на данный вопрос. Суммарно доля респондентов, которые выбрали 3 вышеуказанных варианта ответа, составила 39,8% всего массива опрошенных. Это даёт основание сделать следующий вывод: примерно треть всего массива опрошенных признаёт, что значимость войны и ценность одержанной советскими людьми Победы к настоящему моменту определённым образом девальвированы, а в дальнейшем оценка их значимости будет ещё более снижаться.

Процесс смены поколений актуализирует вопрос о роли семьи как института, призванного формировать у подрастающих поколений в том числе и патриотические ценности. Современные старшеклассники, в основной своей массе, – это поколение правнуков Победы, которое по времени всё дальше и дальше дистанцируется от событий прошлого. Особенно ярко это обнаруживается при анализе ответов на вопрос: «Знаете ли Вы, кто из Ваших родственников либо близких Вам и Вашей семье людей воевал на фронте или в тылу врага в годы Великой Отечественной войны, либо погиб (пропал без вести)?». Большинство опрошенных (59,9%) знают об этом из рассказов близких и членов семьи. Ещё 10,3% «слышали об этом что-то, но не запомнили». В то же время 21,0% ничего об этом не знают, а 8,8% вообще затруднились дать ответ на поставленный вопрос. Не может не волновать тот факт, что сегодня, когда ещё живы непосредственные участники войны, более четверти опрошенных претендуют на то, чтобы быть названными «Иванами, не помнящими родства». На наш взгляд, это тревожный диагноз, и наша общая задача, которую необходимо решать в настоящее время, – сделать так, чтобы число таких «Иванов» не превратилось в целое поколение.

Одной из важнейших задач, решаемых в настоящее время в работе по патриотическому воспитанию современной белорусской молодёжи, является формирование у школьников и студентов чувства гордости за свою родную страну и свой народ, чувства сопричастности подвигу, который несколько десятилетий тому назад совершили их соотечественники. В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Можете ли Вы с уверенностью сказать: «Я горжусь тем, что живу в стране, которая вместе с другими странами одержала победу в Великой Отечественной войне?». 82,1% опрошенных в этом абсолютно уверены, еще 8,4% указали вариант ответа «да, но я вспоминаю об этом только в дни празднования Победы». Тревогу вызывает тот факт, что 7,7% всего массива опрошенных никогда не задумывались об этом.

Важным источником формирования исторической памяти подрастающих поколений являются коммеморации – празднования исторических событий. Для белорусов одним из важнейших в этом ряду является ежегодно всенародно отмечаемый 9 мая праздник – День Победы. Назовут ли будущие поколения Победу в Великой Отечественной войне одним из самых значимых событий прошлого или её значение поблекнет в их сознании? Респондентам, которые принимали участие в опросе во время последней, третьей волны, был задан вопрос: «Считаете ли Вы День Победы 9 мая национальным праздником белорусского народа?» (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы День Победы 9 мая национальным праздником белорусского народа?», %
Answers to the question "Do you consider May 9 Victory Day a national holiday of the Belarusian people?", %

Считаете ли Вы День Победы 9 мая национальным праздником белорусского народа?	2021
Да, считаю	78,5
Никогда не задумывался об этом	12,1
Нет, не считаю	4,5
Затрудняюсь ответить	4,9
Итого	100,0

Вариант ответа «да, считаю» выбрало 78,5% всего массива опрошенных. 4,5% принимавших участие в опросе студентов так не считают. А еще столько же затруднились дать ответ на указанный вопрос. 12,1% (!) никогда не задумывались об этом.

Заключение

Историческая память представляет собой один из наиболее сложных феноменов общественного сознания. Она образует основу национального самосознания, формирует чёткую «систему координат» в оценке настоящего и будущего, является важной частью реального исторического процесса.

Существенное воздействие на содержание исторической памяти и процессы ее межпоколенческой трансляции оказывают многочисленные вызовы XXI века, вследствие которых традиционные механизмы памяти, образы прошлого, коммеморативные практики подвергаются значительным трансформациям. Вместе с тем, несмотря на всевозможные попытки ревизии прошлого, живая память о героических и трагических моментах истории передаётся от поколения к поколению и сохраняется в сознании современной молодёжи. Тем самым создаётся серьёзный и труднопреодолимый барьер против навязывания обществу чуждых идей и ложных представлений, что принципиально важно для формирования гражданственности и патриотических качеств подрастающих поколений. Изучение механизмов исторической памяти и особенностей их воздействия на общество, конкретные социальные группы, отдельных индивидов позволяет глубже понять многомерную социальную реальность, эффективно осуществлять социальное планирование и социальное управление происходящими в обществе процессами.

Ключевыми механизмами формирования исторической памяти молодёжи по-прежнему остаются семья, учреждения образования и культуры, средства массовой информации, молодёжные объединения. Основополагающим источником знаний о прошлом для современных детей и подростков служит образовательный процесс. Для того, чтобы сделать такое прошлое как можно более доступным и наглядным для его восприятия и понимания молодыми гражданами страны, повысить их мотивацию к изучению истории, в учебный процесс все более активно внедряются современные информационно-коммуникационные технологии, различные формы внеаудиторной работы с обучающимися. Вместе с тем глубокую и полную научную оценку эффективности таких приемов и методов еще предстоит сделать.

Анализ результатов социологических исследований свидетельствует о том, что историческая память современной белорусской молодёжи все более смещается от живой, событийной, семейной памяти к обобщенной реконструированной памяти, содержание которой тесно вплетается в официальный исторический дискурс. Тем самым она оказывает значительное воздействие на формирование трендов социального развития, способствует ускорению одних социально-политических процессов и одновременно препятствует развитию других. В связи с этим актуализируется задача выработки целостной системы патриотического воспитания молодёжи, её нормативно правовых основ и механизмов. В основу такой системы должны быть положены исторический опыт, традиционные духовные ценности народа, базовые принципы современного национально-государственного строительства Беларуси.

Важнейшая функция исторической памяти – консолидирующая. Данную её роль образно и чётко сформулировал белорусский академик Е. М. Бабосов: «Чем больше общество – масса унифицированных потребителей, тем оно слабее. Чем больше общество – народ, в котором объединены личности на основе общего менталитета, национальной культуры

и традиций, тем оно сильнее» [3, с. 29]. Почти 80 лет прошло со дня Великой Победы. Героизм и мужество белорусского народа, проявленные в годы Великой Отечественной войны, были и остаются важнейшим моральным стержнем политической независимости белорусского общества. Достигнутые за эти годы единство и сплочённость нации – надёжная защита перед идеологическими угрозами современности. Такая память характеризуется наличием консолидированной позиции в отношении оценок наиболее значимых событий настоящего и прошлого и формируется в первую очередь под воздействием официального дискурса, а одним из основных средств диагностики ее содержания и особенностей эволюции должен служить социологический мониторинг.

Библиографический список

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. коллект.), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко и др. Минск: БЕЛТА, 2005. 544 с.
2. Данилов А. Н. Историческая память в культуре современного города // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов/ Науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 24–29.
3. Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск: БГУ, 2015. 359 с.
4. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 3: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: В. Г. Мазец, Н. В. Смехович, С. А. Третьяк; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2019. 639 с.
5. Коваленя А. А. Отстаивать правду Великой Отечественной войны // Проблемы управления. 2015. № 2 (55). С. 25–32.
6. Котляров И. В. Гордиться славой своих предков. Великая Отечественная война в памяти народа: социологические тренды // Беларуская думка. 2014. № 8. С. 88–91.
7. Ластовский А. Л. Историческая память в содержании культурной идентичности // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества: сб. науч. тр. Минск, 2009. С. 284–299.
8. Лашук И. В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия // Социологический альманах. 2015. Вып. 6. С. 210–220.
9. Мальцев Л. С. Великая Отечественная война: сражение за правду истории // Армия. 2009. № 33. С. 1–7.

10. Марецкий А. И. Проблема формирования исторической памяти у студенческой молодёжи // Экалогія культуры: XVII Міжнар. Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 26–28 мая 2011 г.) / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. Мінск, 2012. С. 62–68.

11. Матусевич О. А. Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2017. № 2 (203). С. 74–78.

12. Мысливец Н. Л. Социологический лонгитюд как метод исследования семейной исторической памяти // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. 2016. Т. 6. № 2. С. 106–111.

13. Образование в Республике Беларусь: буклет / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. 39 с.

14. Біч М. В. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 15–24.

Статья поступила 26.10.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мысливец Николай Леонтьевич, кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.772

Formation and Features of the Evolution of Historical Memory Among the Belarusian Youth (from the Experience of Sociological Research)

Nikolay L. Myslivets

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: n.myslivets@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9989-3501

For citation: Myslivets N. L. Formation and features of the evolution of historical memory Belarusian youth (from the experience of sociological research). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 26–43. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.772

Abstract. The introduction to the article substantiates the relevance of the topic of forming the historical memory of young people in a changing society. The article demonstrates the scientific-theoretical and practical significance of the sociological study of this problem. The technique of longitudinal research of historical memory is presented. The object of the study: graduate students of general secondary education and first and second year students of higher education in Grodno (Republic of Belarus). The main part of the article deals with the evolution of the historical memory of the Belarusian youth. The empirical basis of the work is formed by the results of three sociological surveys conducted in 2010, 2014 and 2021. The surveys were conducted according to the same methodology type. The goal was to identify the features and tendencies of the formation and the evolution of the historical memory of pupils and students, the level of knowledge and ideas about the events of the Great Patriotic War, assessments of the past and attitude to significant historical events. The mechanisms of formation and intergenerational transmis-

sion of historical memory are described. Based on the obtained empirical data, the content features of the historical memory of the Great Patriotic War are analysed.

The most important source of formation of the historical memory of young people is school and university education. Most of the respondents note the absolute relevance in the modern society of the theme of the Great Patriotic War and the heroic deeds by the USSR peoples. The change of generations actualises the role of the family as an institution of the historical memory of young people. The article describes the influence of such socialising factors as movies, the Internet, television. The role of commemorations as a source of formation of the historical memory of living generations is considered. The results of the conducted studies are of practical importance. The obtained data were introduced into the educational process organised in institutions of general secondary and higher education. The materials and conclusions were recommended to government bodies and other organisations to be used in the development of the main directions of the state youth policy in the Republic of Belarus and its implementation across the country. At the end of the article, conclusions are presented based on the results of the study. The consolidating role of historical memory in the development of modern society is emphasised.

Keywords: historical memory, the Great Patriotic War, students, student youth, higher education institutions, family, education system, continuity of generations

References

1. Belarus' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945. [Belarus during the Great Patriotic War 1941–1945]. A. A. Kovalenya (head of the team of authors), A. M. Litvin, V. I. Kuz'menko et al. Minsk, BELTA, 2005: 544 (in Russ.).
2. Danilov A. N. Historical memory in the culture of a modern city. Tsivilizatsionnyye sdvigi v razvitii sovremennogo goroda. Sbornik nauchnykh trudov [Civilizational shifts in the development of a modern city. Collection of scientific papers]. Ed. by T. I. Grabel'nykh. Irkutsk, IGU, 2021: 24–29 (in Russ.).
3. Znat', chtoby predvidet' ... Sotsiologicheskiye etyudy [To know to foresee... Sociological sketches]. Ed. by A. N. Danilov. Minsk, BGU, 2015: 359 (in Russ.).
4. Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti. Vol. 3: Belorusskaya gosudarstvennost': ot idei k natsional'nomu gosudarstvu (1917–1939 gg.) [History of Belarusian statehood: in 5 vol. Vol. 3: Belarusian statehood: from an idea to a national state (1917–1939)]. Ed. by V. G. Mazets, N. V. Smekhovich, S. A. Tret'yak; Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, Belaruskaya navuka, 2019: 639 (in Russ.).
5. Kovalenya A. A. To defend the truth of the great patriotic war. *Problemy upravleniya*, 2015: 2 (55): 25–32 (in Russ.).
6. Kotlyarov I. V. Gordit'sya slavoy svoikh predkov. Velikaya Otechestvennaya voyna v pamyati naroda: sotsiologicheskiye trendy [Be proud of the glory of your ancestors. The Great Patriotic War in the memory of the people: sociological trends]. *Belaruskaya dumka*, 2014: 8: 88–91 (in Russ.).
7. Lastovskiy A. L. Istoricheskaya pamyat' v sodержanii kul'turnoy identichnosti. [Historical memory in the content of cultural identity]. Vzaimodeystviye ustoychivosti i innovatsionnosti v razvitii belorusskogo obshchestva: sbornik nauchnykh trudov. [Interaction of sustainability and innovation in the development of Belarusian society: Collection of scientific papers]. Minsk, 2009: 284–299 (in Russ.).
8. Lashuk I. V. Social component of the historical memory of the great patriotic war in the public consciousness of the citizens in belarus: generational differences. *Sotsiologicheskyy al'manakh*, 2015: 6: 210–220 (in Russ.).
9. Mal'tsev L. S. Velikaya Otechestvennaya voyna: srazheniye za pravdu istorii [Great Patriotic War: the battle for the truth of history]. *Armiya*, 2009: 33: 1–7 (in Russ.).
10. Maretskiy A. I. Problema formirovaniya istoricheskoy pamyati u studencheskoy molozhzi [The problem of the formation of historical memory among students]. *Ekologiya kul'tury: XVII Mizhnar. Kiryla-Myafodziewskiya chytanni, prysvechanyya Dnyam slavyanskaga pis'menstva i kul'tury*. [Environmental Culture: XVII International Cyrill and Methodius Readings dedicated to the Days of Slavic Written Language and Culture]. Minsk, 2012: 62–68 (in Russ.).
11. Matusevich O. A. Basic approaches to the study of the historical memory of belarusians: challenges, achievements and prospects. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istoriya, filosofiya*, 2017: 2 (203): 74–78 (in Russ.).

12. Myslivets N. L. Sociological longitude as a research method of historical memory of the family. *Vesnik GrDU imya Yanki Kupaly. Ser. 5. Ekanomika. Satsyyalogiya. Biyalogiya*, 2016: 6: 2: 106–111 (in Russ.).
13. Education in the Republic of Belarus: short data book. Ed. by I. V. Medvedeva [et al.]. Minsk, Nacional'nyj statisticheskiy komitet Respubliki Belarus', 2021: 39 (in Russ.).
14. Bich M. V. Ab natsyyanal'nay kantseptsyi gistoryi gistarychnay adukatsyi w Respublitsy Belarus' [On the national concept of the history of historical education in the Republic of Belarus]. *Belaruski gistary`chny` chasopis*, 1993: 1: 15–24 (in Bel.).

The article was submitted on: October 26. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai L. Myslivets, Candidate of Sociological Sciences, Director of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

ТЕМА НОМЕРА

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

«Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска)

Ссылка для цитирования: Лебедева Е. В. «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 44–66. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

For citation: Lebedeva E. V. "Right to the city": experience of analysis of courtyard communities from the position of critical theory (by the example of Minsk). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 44–66. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

Лебедева Елена Викторовна¹

¹Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

Elena_lebedeva_bsu@tut.by

AuthorID ПИНЦ: 950267

Аннотация. Традиционно советский двор был представлен в городских исследованиях как сфера притяжения интересов большинства соседей. Однако перемены, произошедшие в постсоветский период (коммерциализация публичного пространства, расслоение и сегрегация горожан), значительно ослабили активность дворовых сообществ. В последнее время под воздействием ряда факторов (пандемия COVID-19, рост социально-политической активности) города, напротив, переживают этап значительного гражданского подъёма, традиции совместного проведения времени в жилых дворах постепенно возобновляются. Возрождение активности дворовых сообществ актуализирует изучение вопросов, связанных с восприятием горожанами своего «права на город», границ и возможностей его практической реализации, а также влияния коммуникативных факторов. Методологической основой анализа дворовых сообществ выступила неомарксистская интерпретация критической теории (А. Лефевр, Д. Харви, Д. Митчелл). Собранные в ходе исследования эмпирические материалы (результаты анкетного опроса, дополненные анализом содержания соседских чатов) выявили ряд принципиальных отличий «новых» дворовых сообществ от традиционных («советских»). В «советских» дворовых сообществах городское участие представляло собой не столько реализацию «права на город», сколько пример общинной (сельской) кооперации (форму низовой самоорганизации для достижения поставленных целей с наименьшими затратами). В случае с «новыми» дворовыми сообществами движущей силой выступает «урбанность» как возможность определять себя как горожанина, желание оставить свой след в городской среде. При этом «право на город» выходит за рамки его утилитарного понимания (как благоустройство городской среды) и приобретает черты символического самоопределения, становится правом на производство собственной идентичности. Формирующиеся на основе реализации собственного «права на город» дво-

ровые сообщества характеризуется умением достигать компромисса и выработать общепринятые правила коммуникации. При сохранении подобных тенденций «право на город» будет тесно коррелировать с такими понятиями, как «коммуникация», «публичная сфера», «форум», а его практическая реализация всё меньше будет привязана к непосредственному «отвоеванию» физических территорий и всё больше станет разворачиваться в коммуникативной плоскости.

Ключевые слова: городская среда, городское участие, «право на город», самоуправление, соседские сообщества, коммуникация, критическая теория

В литературе, посвящённой городской исследовательской традиции, 1950–1960-е гг. часто называют «золотым веком» советской дворовой культуры. Среди возможных катализаторов дворовой активности указываются и появление идеи благоустроенного двора [15, 16], и активное переселение в города сельских жителей, имевших более выраженную, чем у «классических» горожан, потребность в выстраивании взаимосвязей общинного типа [5], в результате чего «большинство жителей дома оказывается так или иначе вовлечено в дворовый быт» [15, с. 195], и даже стремление противостоять официальной идеологии, уход в «альтернативные» пространства, когда «неконтролируемые собрания людей в центральных открытых пространствах были нежелательны, и повседневные взаимодействия городских жителей были загнаны в приватную сферу или в пустые, ничейные места: кухни, гаражи, задние дворы и пустыри, формируя именно в этих зонах жизнь, альтернативную той, что была навязана государством» [8, с. 269]. Как бы то ни было, советский двор представлял собой сферу притяжения интересов большинства соседей. Любой «чужак», случайно оказавшийся в его границах, как и любой «нарушитель порядка», никогда не оставались без внимания. Любой играющий во дворе ребёнок, как и любое сушившееся в нём же бельё, всегда находился под присмотром. Во дворах формировались негласные соседские сообщества («коллектив жильцов»), которые выступали в роли носителя правил дворовой жизни («у нас так не принято»), принимали на себя ответственность за сохранность дворового имущества и даже выступали в роли арбитров в случае возникновения конфликтных ситуаций («пусть соседи рассудят»). Соседское сообщество в полной мере выступало «хозяином обобществлённых частей и территорий домовладения, в первую очередь – двора» [17, с. 157].

Культура дворовых сообществ: расцвет, упадок и снова расцвет

Советские дворы представляли собой классический образец общественного пространства – они обладали способностью создавать сообщество (объединять вокруг себя жителей близлежащих домов), обеспечивать

его узнаваемыми символами (неформальными лидерами, публичными персонажами), тем самым обозначая и закрепляя границы данного сообщества, выступать в роли «организационного пункта» (вовлекать жильцов в благоустройство двора, давать возможность соседям оперативно помогать друг другу), служить инструментом неформального контроля, устанавливая негласные правила сосуществования [11].

Произошедшие после падения советской системы экономические и политические перемены запустили процессы, которые в конечном итоге привели к значительному затуханию дворовой активности. В научном дискурсе по поводу города появился термин «кризис публичности» [30] – фактический «захват» публичного пространства, использование его в коммерческих целях, возрастающая боязнь незнакомцев («stranger danger»¹), расслоение и сегрегация жильцов, отчуждение и равнодушие к тому, что происходит за пределами собственной квартиры. Изменилось само понимание того, что означает «жить в городе». На смену «обитанию» (inhabit) как комплексу практик (социальная и культурная активность, способность к коллективному действию, самоорганизация, участие в жизни сообществ) пришло «жилище» (habitat) – отчуждение, разобщённость и подозрительность [29]. Иными словами, при сохранении прежней территориальной дистанции степень эмоциональной и социальной вовлечённости горожан значительно снизилась, а социальное (связующее) значение дворовой территории ушло на второй план.

Однако в последние годы дворовая культура постсоветских городов переживает своеобразное возрождение – наблюдается рост количества соседских чатов в социальных сетях и мессенджерах, возвращаются традиции дворовых праздников, чаепитий и субботников, отмечаются примеры успешной борьбы жителей двора за «свою» территорию (сквер, детскую площадку и пр.). Горожане всё чаще пытаются приобрести субъектность, «стать видимыми», заставить городских управленцев прислушаться к мнению «обычного человека». Среди ключевых факторов подъёма дворовой активности можно назвать пандемию COVID-19, которая, с одной стороны, способствовала росту т. н. «цифрового доверия» (доверия в социальных сетях) [4], а с другой – привела к существенным сдвигам в сфере локальной идентичности, вызванным значительным сужением «ареала обитания» горожан. Если ранее исследователи выражали опасения, что протекающие в городах глобализационные процессы угрожают сохранению локальной идентичности горожан [36], приводят к унификации и космополитичности городского сознания, то сегодня можно говорить об обратном явлении – увеличении внимания к тому, что находится рядом (своему району, своему двору). В силу невозможности перемещаться далеко от своего дома горожане были вынуждены переосмыслить ту территорию, которая всегда находилась в непосредственной близости от них. В Беларуси в роли одного из механизмов запуска дворовой активности выступил политический кризис, когда, наряду с демонстрациями на главных проспектах и площадях, горожане стали активно собираться у себя во дворах

¹ How stranger danger changed the way children play. 2009 // BBC. News. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8399749.stm> (дата обращения: 04.03.2021).

(в частности, такое поведение было характерно для минчан в период с сентября по декабрь 2020 года¹). При этом можно было наблюдать достаточно интересную трансформацию – начавшись с разного рода арт-интервенций (нанесение граффити, символов), дворовая активность достаточно быстро приобрела черты, характерные для советского периода, – совместные чаепития, соседские спортивные матчи, коллективное благоустройство территории и т.п. Российские исследователи также отмечают значимость конфликта для становления локальных сообществ [9]. Переплетение политических требований и житейских практик возвращает нас к дискуссии об идее «права на город» и её роли в современном гражданском участии [8], когда возрождение дворовых сообществ понимается как попытка заложить основу для становления *института местного самоуправления*.

Учитывая наметившийся подъём городской активности, темы дворовых сообществ, соседства и городского участия в последние несколько лет активно прорабатываются исследователями. Появляются работы, посвящённые роли «креативного класса» в городских преобразованиях [8], влиянию политического режима на ход борьбы за городское пространство [18], коммуникации локальных сообществ в социальных сетях [14], экономическому анализу социальной активности горожан [2], роли социального капитала в формировании феномена соседства [19], или же описанию конкретных практик и механизмов участия горожан в социокультурном развитии территорий [22]. Как правило, существующий исследовательский опыт сосредоточен в границах структуралистского конструктивизма – акцент делается на таких понятиях, как социальный капитал, сетевое взаимодействие, агенты и пр. Некоторые исследовательские вопросы, по-прежнему остаются открытыми. К примеру, не уделено должного внимания роли городского участия в преодолении феномена отчуждения (отстранённое, равнодушное отношение к собственному городу, эскапизм), неясны механизмы формирования границ активности локальных сообществ (границ «права на город»), не обозначена роль коммуникативных аспектов реализации «права на город». Исходя из этого, центральный исследовательский вопрос статьи был сформулирован следующим образом – являются ли современные принципы организации дворовых сообществ простой репликой советских коллективных практик, либо представляют собой качественно новую форму социальности, отличную от существовавших ранее, – местное самоуправление, основанное на желании реализовать своё «право на город»?

Методологические границы и эмпирическая основа исследования

Анализ активности соседских сообществ осуществлялся в русле неомарксистской интерпретации критической теории (А. Лефевр, Д. Харви, Д. Митчелл). Ключевой идеей, вокруг которой выстраивался

¹ «Раньше все жили обособленно, а теперь мы вместе». Белорусы устроили праздники во дворах // Onliner.by. URL: <https://realt.onliner.by/2020/10/10/ranshe-vse-zhili-obosoblenno-a-teper-my-vmeste-belorusy-ustroili-prazdniki-vo-dvorax> (дата обращения: 01.03.2022).

дизайн исследования, стала концепция «права на город», впервые озвученная Анри Лефевром [29] и за достаточно короткий период привлёкшая внимание множества городских исследователей (в частности, Д. Харви [28], Д. Митчелл [31]). С точки зрения неомарксизма городское публичное пространство (в данном случае жилой двор) рассматривается как площадка для репрезентации борьбы, конфликтов, или же острых социальных противоречий. Иными словами, это территория, которую необходимо «отвоевать» у каких-либо внешних сил, «стать видимыми», обратить на себя внимание, показать альтернативные точки зрения (создать «пространство репрезентации» в терминологии Дона Митчелла [31, с. 35]). «Отвоевание» такого пространства может означать как его активное преобразование «в соответствии с нашими сокровенными желаниями» [28, с. 92], так и нахождение в границах данного пространства, даже вопреки желанию «вышестоящих инстанций» (т. н. «коллективная власть тел»). Место в данном случае имеет первостепенное значение, поскольку только в публичном пространстве право на город может быть заявлено и реализовано [31]. Исходя из этого, в исследовании особое внимание было уделено описанию пространственных практик горожан (манипуляций с элементами дворовой территории, соседских праздников и чаепитий).

Различают несколько линий трактовки понятия «право на город» [21, 28, 29]. Во-первых, как права человека в городе – право иметь «крышу над головой», достойную зарплату, право на безопасность, защиту чести и достоинства и пр. Во-вторых, как право на «урбанность» – право на городской образ жизни, на культуру городского досуга, на возможность определять себя как горожанина. В-третьих, как право на «производство» пространства – допуск к принятию решений о преобразовании городской среды, а также непосредственное участие в таком преобразовании. В-четвёртых, как право менять город «под себя» – право каждой из социальных групп, «обитающих» в городе, воспроизводить характерный для неё образ жизни. И, наконец, как право «остаться» в городе – возможность противостоять механизмам и процессам (экономическим, политическим, культурным), которые «вытесняют» горожан за пределы городской черты (например, вынуждают уехать в случае значительного роста цен на жильё, или же делают невозможным нахождение в общественных пространствах, вводя запреты на сборы и массовые мероприятия). По мнению Лефевра, «право на город» означает «право на участие в производстве пространства на всех его уровнях». При этом можно выделить воспринимаемое пространство (*perceived space*) – объективное пространство физических объектов, с которыми люди взаимодействуют в повседневной жизни; задуманное/постигаемое пространство (*conceived space*) – совокупность идей и представлений о том, как должно выглядеть окружающее людей пространство, что оно собой представляет и почему; жилое пространство (*lived space*) как комбинация воспринимаемого и задуманного [29]. Иными словами, «право на город» – это возможность участвовать в производстве «городских

совместностей» (к которым относятся не только конкретные места, но и культурные практики, интеллектуальные схемы, аффективные сети, социальные институции). Диалектика «городской совместности» переключается с идеей Лефевра о «производстве пространства» [13], когда город – это и источник общего, и принимающий его резервуар [27].

Ещё одной важной в данном случае характеристикой «права на город» является его оспариваемый характер. Разные типы социальной дифференциации, присутствующие в городе (пол, возраст, семейный статус, доход, образ жизни и пр.), а также различия в возможностях мобильности, временных перспективах приводят к разной оценке имеющихся общих ресурсов (в одном случае дворовая территория – это место для игр и отдыха, а в другом – парковочное место). Реализация «права на город» почти всегда подразумевает конфликт, поиск компромисса и сотрудничество (в идеале – межсекторное). При этом на фоне всех субъектов, сталкивающихся в борьбе за реализацию «права на город» (городские власти, частные компании, горожане), координирующая роль государства будет расти – его первостепенной задачей станет управление и наблюдение за процессом формирования городских совместностей [33], тогда как локальные сообщества будут вынуждены объединяться и организовывать коллаборации. В связи с этим особое внимание в ходе исследования было уделено коммуникативным аспектам реализации «права на город» (в частности, онлайн-коммуникации соседей). Развитая цифровая инфраструктура играет важную роль в процессах производства и воспроизводства городского пространства. Внимание к соседским онлайн-коммуникациям позволяет «переосмыслить не только организацию соседских сообществ, но и устройство коллективного политического действия» [23, с. 45].

Второй категорией, важной для данного исследования, стало понятие «дворовое сообщество», которое рассматривалось преимущественно в духе экологической традиции, как некий социальный субъект, обладающий относительно высокой степенью социального единства [7] и имеющий определённый «ареал обитания» (от состояния которого в значительной степени зависит качество жизни членов сообщества). В этом смысле «сообщество – это «группа домохозяйств, расположенных в одном месте и связанных друг с другом функциональной взаимозависимостью, более тесной, чем аналогичная взаимозависимость с другими группами людей в рамках социального поля, к которому принадлежит сообщество» [26, р. ix]. При определении объекта исследования принимались во внимание две характеристики дворовых сообществ – *локальность* (принадлежность к определённой территории¹), а также *социальная плотность* (интенсивность взаимосвязей внутри сообщества выше, чем между отдельными членами сообщества и внешней средой). Близким термином здесь является термин «соседство» (*neighborhood*) – сообщество, которое возникает в результате естественного разделения города на сегменты (жилые дворы) [23].

¹ По этой причине за рамки эмпирического анализа были выведены соседские сообщества, не имеющие чётких границ территориального единства – слишком широкий «ареал обитания», преимущественная виртуальность совместных практик и пр.

Эмпирической основой исследования стали результаты анкетного онлайн-опроса, проведённого в Минске в сентябре–октябре 2020 года. Выборка формировалась методом «снежного кома» (респондентов, заполнивших анкету, просили отправить ссылку на неё ещё нескольким своим знакомым). Всего в опросе приняло участие 300 человек, из них 44,0% – мужчины, 56,0% – женщины (26,1% в возрасте от 18 до 25 лет, 21,3% – 26–35 лет, 36,0% – 35–45 лет, 13,0% – 46–60 лет, 3,7% – 60 и старше). 69,3% опрошенных имеют высшее образование, 10,7% – среднее специальное, 20,0% – учащиеся и студенты. Стоит отметить ряд методологических ограничений, связанных со спецификой сбора эмпирических данных (онлайн-опрос методом «снежного кома»). По сравнению с генеральной совокупностью, респонденты в достигнутой выборке представляют более молодую возрастную группу, а также имеют более высокий уровень образования. Фактически результаты опроса отражают мнение наиболее молодой и образованной части горожан (так называемых «ранних последователей» или «раннего большинства»).

Для удобства эмпирического измерения опросный лист охватывал три плоскости (ракурса) практической реализации «права на город»: ценностный (воспринимаемое смысловое содержание городского участия, его мотивы, оценка собственной роли как горожанина); символический (соотношение утилитарного и эстетического компонентов в городском участии) и событийный (отношение к соседским встречам как к формам городского участия).

Поскольку коммуникативные аспекты реализации права на город составляли важную часть предмета исследования, в качестве дополнительного метода сбора эмпирических данных использовался качественный анализ содержания «соседских чатов» города Минска за период с августа по сентябрь 2020 года. «Соседские чаты» должны были соответствовать следующим критериям: основные участники чата должны быть соседями (проживать в одном доме или нескольких домах, расположенных рядом); преимущественная тематика сообщений чата должна концентрироваться вокруг событий, касающихся непосредственно места проживания участников (благоустройство территории, организация праздников, помощь соседям в решении каких-либо проблем и пр.). По указанным критериям было отобрано шесть чатов, расположенных в различных районах города (два – в районах с новостройками, четыре – в районах смешанной застройки, преимущественно 1970–2000-х гг.).

Городское участие: субботник «по старой памяти» или тактический урбанизм?

Пространственный подход – это один из лучших способов понять соседское гражданское участие, поскольку домовладельцы видят себя не столько социальными агентами, сколько собственниками определённой территории [34], чьи интересы заключаются в первую очередь в её пре-

образовании в соответствии с собственными интересами. Исходя из этого первая задача исследования состояла в описании типичных практик городского участия.

По результатам опроса степень активного участия в преобразовании придомовой территории для минчан довольно низкая – регулярно это делают только 4,7% респондентов, ещё около 20% горожан имеют эпизодический опыт городского участия (1–2 раза в год) (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Участие в практиках по преобразованию городской территории, %
Participation in practices for the transformation of the urban area, %

Участвовали ли Вы когда-либо в благоустройстве, украшении, преобразовании городской территории по собственной инициативе (самостоятельно либо совместно с соседями, другими горожанами)?	2020
Да, участвую регулярно	4,7
Да, участвую несколько раз в год (редкое, эпизодическое участие, короткий опыт участия, недавно стал участвовать)	19,7
Нет, но я хотел бы принять участие в таких инициативах	41,0
Нет и не планирую	15,7
Я ничего не слышал о таких инициативах	19,0

Наиболее активно участвуют в благоустройстве придомовой территории женщины в возрасте от 46 до 60 лет. Очевидно, это связано с отчасти сохранившейся советской традицией дворовых субботников (тем более, что типичными практиками по преобразованию городской среды являются посадка цветов, деревьев (18,7%) и уборка территории (12,3%)). Стоит отметить, что, несмотря на изначально присутствующую в советском обществе политизированность субботника как формы коллективного действия, он никогда не воспринимался советскими горожанами как акт реализации своего «права на город». Это было скорее проявлением общинности, соседской солидарности, в чём-то даже конформизма («все вышли, как я могу не выйти?») [11], желанием реализовать собственные утилитарные цели (например, «заработать отгулы») [25]. Такой тип городского участия связан с решением повседневных задач по благоустройству городской среды (в первую очередь руководствуясь собственными интересами («чтобы было красиво», «самим же будет приятно посмотреть»)). Речь в данном случае идёт скорее не о реализации собственного «права на город» (как желания участвовать в производстве городского пространства, символически обозначить своё место в городе, высказать своё мнение и т.п.), а о низовой самоорганизации для достижения поставленных целей с наименьшими затратами («вкладчину»). Городское участие по типу «субботника» слабо связано с «урбанностью», о которой говорил Лефевр (как особый образ жизни, характеризующийся широким спектром интересов за пределами приватного пространства), оно в меньшей степени способствует формированию чувства ответственности за свой город, привязанности к нему, желанию взаимодействовать с другими горожанами (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Ценностный ракурс городского участия, %
Value perspective of urban participation, %

Согласие с высказываниями	Участие в благоустройстве городской территории	
	Да	Нет, но хотел бы
Я не чувствую большой привязанности к городу, в котором живу (допускаю возможность переезда, если появится такая возможность)	35,6	23,6
Я в основном провожу время в своей квартире, либо возле своего дома и не интересуюсь тем, что происходит в других местах	13,7	8,9
Я ощущаю свою ответственность за благоустройство и привлекательность своего города	21,9	35,0
Я хорошо осведомлен о жизни в своём городе (о происходящих событиях, новостях, интересных людях, новых местах и т. п.)	41,1	48,8
Я готов прийти на помощь своим соседям, другим горожанам в трудных жизненных ситуациях	64,3	70,7

Принципиально иную точку зрения представляют респонденты, которые на момент проведения опроса не имели опыта коллективного преобразования городской среды, однако хотели бы принять участие, если появится такая возможность. Они представляют собой наиболее многочисленную группу – 41% (в равной степени мужчины (47%) и женщины (53%) в возрасте преимущественно до 45 лет). В этом случае движущей силой выступает именно упомянутая выше урбанность – возможность определять себя как горожанина, желание оставить свой след в городской среде. Интерпретировать подобную активность можно, используя понятие «тактического урбанизма» [6]. Термин «тактический урбанизм» (англ. Tactical Urbanism) наполнился своим содержанием под влиянием идей М. Лайдона, основателя одноименного движения, которое появилось в США и практически сразу стало международным. Тактический урбанизм обозначает определённый подход к пониманию городского развития, основанный на использовании краткосрочных, низкочастотных, масштабируемых «вмешательств» для того, чтобы спровоцировать долгосрочные изменения (т. н. «теория малых дел»). При внешней схожести традиционного «субботника» и тактического урбанизма их суть различна. Если в первом случае городское участие представляет собой исключительно желание «привести в порядок» свой двор, то во втором уже появляется потребность выразить недоверие к городским властям, готовность взять ответственность за принятие решений на себя. Тут уместно вспомнить девиз тактического урбанизма (в понимании Лайдона) о том, что нелепо поручать ликвидацию последствий и исправление ситуации тем, кто сам и виноват в возникших проблемах [10]. В соответствии с этим принципом переустройство города силами самих горожан превращает их из простых потребителей городской среды в активных участников городского плани-

рования, которое в дальнейшем может перерасти в нечто большее (к примеру, принять форму муниципальных программ по поддержке местного самоуправления). В логике неомарксизма тактический урбанизм можно осмыслить как преодоление сложившегося отчуждения между человеком и городом, модернизацию городской среды «снизу», приведение в соответствие «новых» ценностей городской жизни и «старых» пространственных отношений. Ключевой мотивацией участия в практиках тактического урбанизма выступает как раз попытка «реализовать свои права» на городскую среду (особенно учитывая тот факт, что активизация дворовых сообществ в Беларуси совпала по времени с глубоким политическим кризисом). Подтверждает данное предположение и тот факт, что большинство респондентов (88,7%) уверены в своём праве самостоятельно преобразовывать (изменять, украшать, благоустраивать) территорию своего города или района проживания на основе собственных предпочтений (и только 2,3% полагают, что любыми преобразованиями городской территории должны заниматься только городские власти или коммунальные службы).

Подобный феномен Лефевр называет «городской демократией» [29] – важнейшей чертой «урбанности» как образа жизни, производной от таких качеств, как разнообразие и различие. В данном случае – желание уйти от типового оформления жилых дворов, стремление к творчеству, индивидуальности, самовыражению. Об этом говорит степень согласия с утверждением: «Горожане имеют право не только использовать городские ресурсы, но и менять город по своему усмотрению – менять названия улиц, наносить изображения, рисунки, организовывать городские праздники» (по шкале от 1 – полностью не согласен до 10 – полностью согласен) (см. рис. 1).

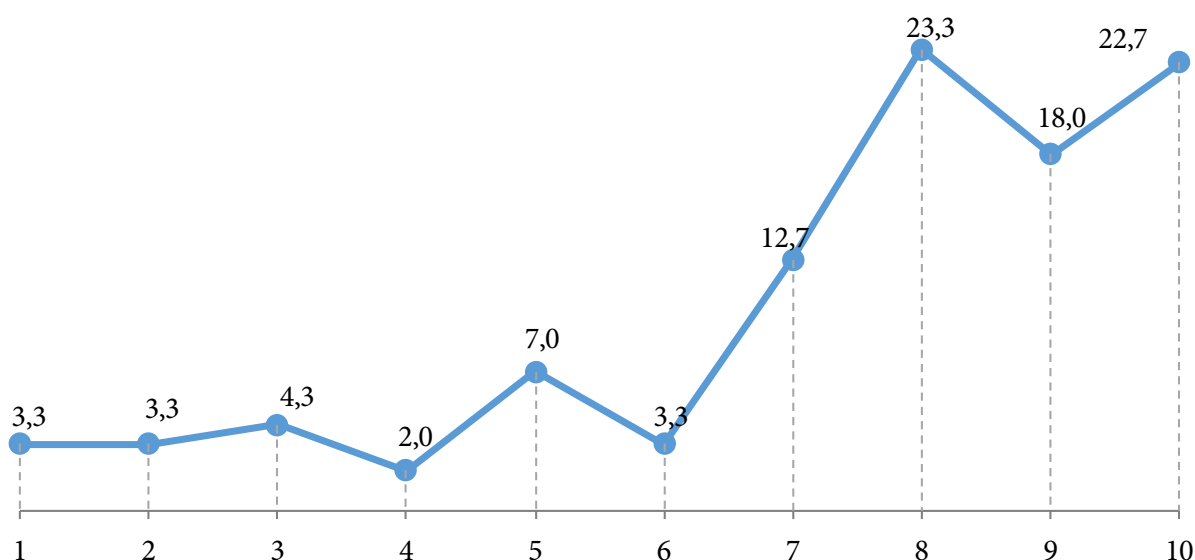

Рис. 1. Субъективное восприятие права на преобразование городской среды (2020), %
 Figure 1. Subjective perception of the right to transform the urban environment (2020), %

Осознание своего «права на город» постепенно начинает выходить за рамки его утилитарного понимания (как благоустройство городской среды) и приобретает черты символического самоопределения – 82,0% респондентов согласны с тем, что горожане обладают

правом коллективно создавать, выбирать и размещать на видимых участках городской территории символы своего района (при условии, если это не нарушает общепринятых морально-этических норм) и только 11,3% полагают, что созданием и размещением любых символов должны заниматься городские власти и коммунальные службы. Такая возможность упоминается и в «соседских» чатах («*Есть идея сделать логотип нашего чата, улицы или даже рестайлинг района*»).

Кроме того, 80% горожан, принявших участие в исследовании, хотели бы иметь возможность принимать участие в «дворовых» праздниках (совместные чаепития, концерты, ярмарки) вместе со своими соседями, при этом 61,9% респондентов готовы выступить в роли организаторов (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Событийный ракурс городского участия, %*
Event perspective of urban participation, %

Могли бы Вы выступить в роли организатора (участвовать в организации) какого-нибудь городского события, в том числе в своём районе (совместный праздник с соседями, субботник, ярмарка, уличный концерт и пр.)?	2020
Да, если всё будет организовано в рамках закона	21,6
Да, если мне ничего не будет угрожать (если я буду в безопасности)	22,4
Да, если у меня будут доступные ресурсы (в том числе материальные)	44,1
Нет, это исключено	38,1

*Сумма ответов больше 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов.

В данном случае обнаруживается новая трактовка «права на город» как права на производство собственной идентичности, ослабление репрессивной функции городской среды (когда чиновники самостоятельно решают, «чего хотят люди», – какие деревья и где именно посадить, какого цвета должны быть скамейки во дворе, когда именно и где пройдёт городской субботник и пр.). В этом ракурсе «право на город» иллюстрирует «желаемое будущее», которое должно сложиться в результате коллективного действия горожан – проекция себя на окружающую среду, выражение себя через свойства городской среды и городской среды через собственную картину мира («создавая город, человек переделывал и себя») [32, р. 3].

Однако тут важен принципиально «низовой» характер дворовой активности, а не её имитация, инициированная «наверху»¹. Оперируя категориями неомарксизма, речь в данном случае идёт об универсальном социальном единстве, которое имеет ненасильственный характер, но при этом не является аморфным и релятивистским. Такое единство «не должно быть центрированным какой-либо субстанцией, но иметь событийную точку притяжения; оно должно обеспечивать солидарность людей, но не оборачиваться новым тоталитаризмом» [1, с. 38].

¹ Как, например, КОТОС (коллегиальный орган территориального самоуправления), эффективность которого, в силу отсутствия реальных полномочий, достаточно невысока.

Но в таком случае встаёт вопрос об ограничениях реализации собственного «права на город». Такой вопрос задавался в ходе анкетного опроса. Результаты исследования показали значительный приоритет внутренних, общечеловеческих, моральных барьеров, над внешними, формализованными (идеология, законодательство). При этом в наименьшей степени на восприятие границ городской активности влияет соответствие принимаемых действий государственной идеологии (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Ограничения для реализации собственного «права на город», %
Restrictions for exercising one's own «right to the city», %

В каких случаях право горожан на изменение городской территории, организацию городских событий или участие в них должно быть ограничено?	2020
Если их действия наносят вред, могут быть опасны для других людей	89,0
Если их действия наносят вред внешнему облику города, ухудшают его состояние, выводят из строя городскую инфраструктуру	83,3
Если их действия оскорбляют других людей, вызывают общественное возмущение, доставляют дискомфорт другим людям	63,0
Если их действия противоречат действующему законодательству	55,0
Если их действия противоречат официальной государственной идеологии	11,6

Речь идёт о «гражданском мире», для которого характерны внимание индивидов к коллективным интересам и стремление к коллективным действиям во имя общего блага, в том числе демонстрация единения в формах физического присутствия (особенно в конфликтных ситуациях, символически объединяясь против официальных властей) [3]. Иными словами, подобные показатели могут говорить, во-первых, о зарождающихся процессах формирования гражданского общества (в отношении городского населения) и, во-вторых, о назревшем противоречии между существующими идеологическими и законодательными нормами и коллективно разделяемыми представлениями о «правильном» поведении («низы не хотят по-старому, верхи не могут по-новому»).

Д. Харви отмечал, что, когда речь идёт о реализации «права на город», частные запросы одних социальных групп будут находиться в постоянном конфликте с запросами других [21]. В этом смысле право на город может оказаться своеобразной ловушкой («*local trap*»), когда локальные интересы какой-либо части местных жителей (к примеру, активистов) затмевают интересы более широкой части общественности, что является прямым противоречием самой идеи «городской демократии» [35, р. 1923]. Особенно это актуально при низком уровне доверия горожан друг к другу и отсутствии сплочённости (по результатам проведённого нами опроса только 15,3% минчан доверяют людям, с которыми живут по соседству, 13,6% ощущают поддержку со стороны соседей). Разрешить данное противоречие можно, договорившись об «общественном благе», когда любые преобразования городской среды допустимы лишь в тех случаях, когда они соответствуют представлениям о том, что в данном сообществе признано «общим благом».

Границы собственного «права на город» не всегда могут быть верно определены соседями, что часто приводит к локальным конфликтам. В повседневной онлайн-коммуникации частные интересы (к примеру, желание жить в благоустроенном дворе) артикулируются многими пользователями (вырабатываются приемлемые для всех параметры и критерии благоустройства двора), постепенно переходят в плоскость «общезначимых тем» (желание иметь доступ к принятию решений о благоустройстве собственного двора), после чего становятся основой для формирования новых ценностей (гражданские права и свободы, участие, ответственность и т.п.). Тут уместно вспомнить концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса, которая представляет собой синтез «системы» (политических, нормативных, юридических категорий) и «жизненного мира» (повседневного взаимодействия, обыденных смыслов и языковых норм), превращает «приватное» в «политическое» [20]. На передний план в такой ситуации выходит проблема коммуникативных разрывов, а сама идея «права на город» перемещается в плоскость коммуникации с соседями.

«Право на город» как коммуникативная сфера: соседские чаты и онлайн-сообщества

Локальные сетевые площадки в условиях активизации городского участия выступают в роли одного из значимых ресурсов активизации практической деятельности – они помогают соседям познакомиться друг с другом, координировать свои действия, а также позволяют не только делиться друг с другом «локальным знанием», но и доводить информацию о местных проблемах до более широкой аудитории, «остаться в городе» [21], противостоять «вытеснению» за пределы городской черты (в том числе и символическому, как запрет на любые изменения).

Опрос показал, что потенциал соседской онлайн-коммуникации в Минске реализован не в полной мере – всего 38,5% опрошенных состоят в «соседских чатах» (из них 13,8% обозначают себя как активных участников). При этом 43,9% минчан отметили, что они практически не знакомы с соседями и не знают о существовании «дворовых» чатов. Неудивительно, что 49,7% горожан удерживает от непосредственного участия в преобразовании городской среды отсутствие знакомства с соседями, незнание того, с чего начать, к кому обратиться и пр., 12,2% опрошенных и вовсе опасаются конфликтов с соседями («сделаю что-то не то, кому-то не понравится»).

Возникает вопрос о том, есть ли связь между «соседскими» чатами и «правом на город»? Можно ли рассматривать их как механизм преодоления отчуждения, возможность «остаться в городе»? Для того, чтобы понять, насколько соседские чаты способствуют вовлечению горожан в преобразование городской среды и развитию городской демократии, был проведён качественный анализ их содержания.

С точки зрения правил «входа» участников соседские чаты можно разделить на две группы – «для всех» и «для своих». Такое разделение основано на гипотезе о том, что «коммуникация локальных сетевых

сообществ в социальных сетях происходит не просто в форме “публичных сетевых разговоров”, а балансирует между двумя режимами, которые можно условно назвать “соседским” и “гражданским” и которым соответствуют разные типы сетевых публик» [14, с. 48].

Дворовые чаты «для всех» максимально открыты, попасть в них может любой желающий (подтверждать свою принадлежность к «дворовому» сообществу не нужно), хотя «костяк» участников обычно составляют реальные жители. Взаимодействие концентрируется вокруг как локальных проблем (благоустройство двора, организация праздников), так и общеполитических и социальных вопросов. При этом разговоры характеризуются отсутствием формализованности и чётких границ между обсуждением частных вопросов и общественно значимых интересов и проблем. Однако пространственный фактор (непосредственно придомовая территория) в данном случае имеет второстепенное значение. Ключевым критерием участия в чате данного типа выступает не фактическое соседство, а близость взглядов и ценностей – то есть среди участников остаются те, кто разделяют ценностную картину мира друг друга, в то время как «несогласные» удаляются из чата администратором. Такие чаты отличаются более выраженной политической окраской, в них реже возникают внутренние дискуссии и противоречия, участники, как правило, открыто демонстрируют свои политические взгляды (могут звучать призывы к участию в акциях, предлагают подписать петиции и т.п.), встречается репост новостей из других чатов (также преимущественно политического толка). Учитывая данные обстоятельства, большинство участников подобных чатов прибегает к тактике максимальной анонимности (пользуются вымышленными именами, скрывают личные номера телефонов), что вызывает определённые трудности в идентификации «своих» (соседей) и «чужих» (остальных горожан).

Дворовые чаты «для своих» имеют принципиальное отличие – вход в них возможен только после подтверждения места проживания (функцию контроля выполняет администратор). Спектр механизмов идентификации в данном случае достаточно широк – начиная от просьбы сообщить администратору чата свой адрес и заканчивая необходимостью показать фотографию прописки в паспорте, поделиться геолокацией, либо продемонстрировать собственный вид из окна. Строгость подобных практик зависит от того, насколько тщательно дворовое сообщество охраняет свои границы от «чужаков». Преимущественная тематика сообщений в чатах «для своих» концентрируется вокруг локальных вопросов, хотя возможно и обсуждение глобальных событий, происходящих в стране (например, обсуждение выборов, конституционной реформы, санкций и пр.). Важной особенностью чата «для своих» является то, что ключевым критерием участия выступает фактическое соседство – участники могут не разделять политические взгляды друг друга, но состоять в одном чате и взаимодействовать исключительно по локальным вопросам («вне политики»). В связи с этим такой чат может иметь более дискуссионный характер, в нём могут возникать конфликты на почве разных политиче-

ских взглядов, которые, как правило, заканчиваются «уходом» в плоскость бытовых вопросов (что подтверждают цитаты из чатов: *«Этот чат для дома, а не для политики и выражения мнения. Кто-то против, кто-то за»*, *«Объективно в доме живут люди различных взглядов»*).

Несмотря на то, что в обоих случаях коммуникация привязана к определённому городскому пространству (жилому двору), *тип формирующихся взаимосвязей в чатах «для всех» и «для своих» различается*. Коммуникация в чатах первого типа («для всех») строится по принципу *«онлайн-сообщества»*, тогда как в чатах «для своих» мы уже имеем дело с *«сообществами онлайн»* (используя терминологию нидерландского теоретика новых медиа Яна ван Дейка) [37]. «Сообщества онлайн», которые формируются на основе чатов «для своих», не зависят исключительно от используемой локальной сетевой площадки, они могут комбинировать различные средства онлайн- и офлайн-коммуникации (в том числе и отдавая предпочтение последнему). Иными словами, они не были созданы исключительно благодаря Telegram-каналам и могут поддерживать своё существование и без них (при условии сохранения связующего элемента – интереса соседей друг к другу и собственному двору). Тогда как в случае с «онлайн-сообществами» их существование напрямую зависит от благополучия цифровой платформы, на которой они базируются (в случае блокировки таких чатов сложившиеся сообщества оказываются нежизнеспособными в офлайн-среде).

«Сообщества онлайн» представляют собой «сообщества практики», основанные *на общем*, а не на общении – на основе общих интересов, сконцентрированных на определённой территории, воспринимаемой всеми членами сообщества как «своей». Они позволяют горожанам увидеть альтернативные точки зрения, наглядно показывают многообразие существующих взглядов, развивают терпимость и формируют умение искать точки соприкосновения, достигать компромисса, вырабатывать общепринятые правила коммуникации, сначала как «правила чата» (*«Не нужно опускаться до оскорблений, нам всем жить в одном доме»*), после – как универсальные правила общения (*«Давайте проводить мероприятия, которые будут объединять людей, а не вносить дальнейший раскол»*). В силу достаточно жёсткой модерации, спонтанная коммуникация, возникающая в «сообществах онлайн» (networked public talk), имеет шанс превратиться в особую форму политической культуры [38].

Подобные гибриды реального и цифрового, материального и социального достаточно часто мобилизуются в рамках повседневного самоуправления. Цифровые платформы в этих процессах выходят за рамки инструментальной роли и становятся активными участниками городских преобразований. Результаты проведённого нами опроса показали взаимосвязь между знакомством с соседями и участием в коллективных практиках – чем активнее горожане общаются со своими соседями (в том числе и вне «соседских чатов»), тем более высока вероятность их участия в благоустройстве придомовой территории, дворовых праздниках, совместных чаепитиях и т. д. (см. рис. 2).

Рис. 2 Участие в преобразовании дворовой территории (2020 г.), %
 Figure 2. Participation in the transformation of the courtyard area (2020), %

Заключение

Проведённое нами исследование подтвердило тезис о том, что концепция «права на город» выходит за пределы условного доступа к уже существующим ресурсам городской среды. В это понятие необходимо вкладывать, прежде всего, возможность активного преобразования города, приведение его в соответствие с артикулируемыми потребностями горожан. Однако в дополнение к традиционным субботникам (привычка к которым у части горожан сохранилась со времён СССР) появляются новые формы городского участия. Для новых дворовых сообществ характерна т. н. «урбанность» – особый образ жизни, характеризующийся широким спектром интересов за пределами приватного пространства, возможность определять себя как горожанина, желание оставить свой след в городской среде. Городское участие в этом смысле тесно связано с такими аспектами, как чувство ответственности за свой город, привязанность к нему, желание взаимодействовать с другими горожанами. Ключевой мотивацией в данном случае выступает как раз попытка «реализовать свои права» на городскую среду, преодолеть сложившееся отчуждение между человеком и городом, быть «обитателями», а не «населением», производить не только пространство, но и новые конфигурации городской жизни («community-based» development and planning).

Городам, как и многим социальным системам, свойственно самовоспроизведение, которое можно сравнить с вирусным процессом проникновения, производства и расширения. Следовательно, отчуждение и неравенство на уровне жилого двора (как частный случай) стремится воспроизводить себя на более высоких уровнях (в масштабах города или страны в целом). Оспаривать своё «право на город» в данном контексте означает оспаривать социальные процессы, в которых они укоренены, отстаивать новые конфигурации городской жизни. Город – символ власти, одновременно является свидетельством «государственной» иллюзии: уверенности в том, что государство знает, как управлять, и умеет это делать наилучшим образом. Однако растущая самоорганизация, горизонтальное распространение эффективных моделей поведения, реализуемые установки на взаимопомощь («низовая» деконструкция социальности) способствуют институционализации новой функциональной нормативно-ценностной системы. Механизмы реализации «права на город» запустили процессы (ре)формирования соседских сообществ – на основе дарообмена (дворовые праздники, организованные «вкладчину»), производства локальной идентичности (создание и развитие символики своего района, улицы), модерации и поиска компромиссов («прямая дворовая демократия» в соседских чатах). С другой стороны, эти процессы осложнены такими факторами, как смена поколений, разрыв между старыми советскими представлениями о своём месте и своей роли в городе и новыми, чётких границ которых пока не сформировано (когда горожане на собственном, зачастую болезненном опыте пытаются их определить). В связи с этим «право на город» постепенно переходит в плоскость коммуникации с соседями, приобретает черты коммуникативного действия по Хабермасу, ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия.

Безусловно, имеющиеся эмпирические данные не позволяют уверенно экстраполировать сделанные в статье выводы на все российские и белорусские города, однако об определённых трендах судить всё же можно (учитывая то, что похожие черты соседства отмечаются и в российских исследованиях – к примеру [24]). Исходя из этого, можно предположить, что «право на город» всё теснее будет коррелировать с такими понятиями, как «сети», «коммуникация», «публичная сфера», «форум». В будущем (при благоприятных условиях) практическая реализация соседской коммуникации в меньшей степени будет привязана к непосредственному «отвоеванию» физических территорий и преимущественно станет разворачиваться в коммуникативной плоскости, предполагая вовлечение как можно большей части населения в общественно-политическую повестку, формирование сети лидеров и интеграцию индивидов с уже существующими социальными связями в формальные административные структуры, а также организацию информационной поддержки местного самоуправления и местного лидерства (*collaborative common*). В силу возможности сделать акцент на децентрализованной событийности и процессуальности социального, конструировании универсального социального единства, критическая теория имеет значительные перспективы в городских исследованиях, особенно посвящённых «праву на город».

Библиографический список

1. Белянская Л. В. Постмарксистский универсализм в контексте проблем глобализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 3 (29). С. 30–39.
2. Богданова Л. П., Смирнов И. П. Социальная активность городских сообществ: опыт исследования на примере средних городов Тверской области // Экология урбанизированных территорий. 2018. № 1. С. 50–57. DOI: 10.24411/1816-1863-2018-11050
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. М.: НЛЮ, 2013. 576 с.
4. Веселов Ю. В. Доверие в цифровом обществе // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. № 13 (2). С. 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202
5. Герасимова Е. Ю., Чуйкина С. А. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920-е – 1930-е годы / Под ред. Т. Вихавайнен. СПб.: Нева, 2000. С. 27–74.
6. Грибер Ю. А., Литвинова Т. Н. Тактический урбанизм как форма модернизации повседневности // Социодинамика. 2015. № 9. С. 1–19. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.9.16196
7. Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма и теории глобализации // Социология: 4М. 2001. № 13. С. 27–59.
8. Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство России до и после протестной волны 2011–2012 годов // Stasis. 2014. Т. 2. № 1. С. 260–295.
9. Кольба А. И., Кольба Н. В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. № 2. С. 160–179. DOI: 10.31249/poln/2019.02.08
10. Лайдон М., Гарсия Э. Тактический урбанизм. Краткосрочные действия – долгосрочные перемены / Пер. с англ. Л. Сумм, А. Огнева. М.: Strelka Press, 2019. 304 с.
11. Лебедева Е. В. Трансформация публичного пространства постсоветских городов // Социология. 2016. № 4. С. 107–115.
12. Ледяев В. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ВШЭ, 2012. 472 с.
13. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
14. Павлов А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 46–57.

15. Пиир А. Окно во двор (к описанию дворового пространства) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сборник статей. Вып. 2. СПб.: ЕУ в СПб., 2002. С. 194–230.

16. Пиир А. Для чего нужен двор? (Возрастные сообщества ленинградских дворов) // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 345–378.

17. Пиир А. «Утраченный двор» (к описанию феномена ленинградской дворовой культуры) [Les cours d'immeubles et leur culture: l'exemple de St. Petersburg] // L'URSS — un paradis perdu?: Le temps et ses representation dans la culture Russe. (Cahiers slaves. No. 11/12). Paris: Universite de Paris-Sorbonne (Paris IV) U. F.R d'Etudes Slaves, 2010. P. 149–171.

18. Тыканова Е., Хохлова А. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256.

19. Тыканова Е. В., Тенишева К. А. В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 2. С. 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.1

20. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. № 2. С. 123–136.

21. Харви Д. Социальная справедливость и город / Пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М.: НЛО, 2019. 440 с.

22. Чернега А. А. «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3. С. 51–77. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.3

23. Чернышева Л. А. Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 36–66. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.2

24. Чернышева Л., Гизатуллина Э. «ВКонтакте с соседями»: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. № 13(2). С. 39–71. DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71

25. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

26. Elias N. Towards a Theory of Communities. The Sociology of Communities: A Selection of Readings. Colin Bell and Howard Newby (ed.). London: Frank Cass & Co. Ltd., 1974. P. ix–xliii.

27. Hardt M., Negri A. Commonwealth. Cambridge: An Imprint of Harvard University Press, 2011. 434 p.

28. Harvey D. The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. 2003. № 27 (4). P. 939–941.
29. Lefebvre H. Writing on cities. Blacwell Publishers, 1996. 272 p.
30. Lofland L. H. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2009. 326 p.
31. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York: Guildford Press, 2003. 270 p.
32. Park R. On Social Control and Collective Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 274 p.
33. Parker P., Johansson M. Challenges and potential in collaborative management of urban commons // Multifaceted nature of collaboration in contemporary world. In T. B. Valic, D. Modic, U. Lamut, & T. Luckman (Eds). London: Vega Press, 2012. P. 92–113.
34. Purcell M. Neighborhood activism among homeowners as a politics of space // Professional Geographer. 2001. № 53(2). P. 178–194.
35. Purcell M. Urban Democracy and the Local Trap // Urban Studies. 2006. № 43 (11). P. 1921–1941.
36. Robins K. Prisoners of the City: Whatever Can a Postmodern City Be? // Space and Place: Theories of Identity and Location. Carter E., Donald J. and Squires J. (eds). London: Lawrence & Wishart, 1999. 399 p.
37. van Dijk J. The Network Society. Thouthand Oaks, New Delhi: Sage Publishing, 2006. 272 p.
38. Walker D. M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Michigan: University of Michigan, 2011. 308 p.

Статья поступила 26.10.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

“Right to the City”: Experience of Analysis of Courtyard Communities from the Position of Critical Theory (by the Example of Minsk)

Elena V. Lebedeva

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: Elena_lebedeva_bsu@tut.by

ORCID ID: 0000-0002-3138-337X

For citation: Lebedeva E. V. “Right to the city”: experience of analysis of courtyard communities from the position of critical theory (by the example of Minsk). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 44–66. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

Abstract. Traditionally, the Soviet courtyard was presented in urban studies as a sphere of attraction for the interests of most neighbours. However, the changes in the post-Soviet period (the commercialisation of public space, the stratification and segregation of citizens) significantly weakened the activity of courtyard communities. Recently, under the influence of a number of factors (the Covid-19 pandemic, the growth of socio-political activity), cities, on the contrary, are experiencing a significant civic upsurge, the traditions of spending time together in residential courtyards are gradually being renewed. The revival of the activity of courtyard communities actualises the study of issues related to the perception of citizens of their “right to the city”, the boundaries and possibilities of its practical implementation, as well as the influence of communicative factors. The neo-Marxist interpretation of critical theory (A. Lefevre, D. Harvey, D. Mitchell) has been used as the methodological basis for the analysis of courtyard communities. The empirical materials collected in the course of the study (results of a questionnaire survey, supplemented by the analysis of the content of neighbours chats) revealed a number of fundamental differences between “new” courtyard communities and traditional (“Soviet”) ones. In the “Soviet” courtyard communities, urban participation was not so much the realisation of the “right to the city” as an example of communal (rural) cooperation (a form of grassroots self-organisation to achieve the set goals at the lowest cost). In the case of the “new” courtyard communities, the driving force is “urbanity” as the ability to define oneself as a city dweller, the desire to leave one’s mark in the urban environment. At the same time, the “right to the city” goes beyond its utilitarian understanding (as the improvement of the urban environment) and acquires the features of symbolic self-determination, becomes the right to produce one’s own identity. Courtyard communities formed on the basis of the realisation of their own “right to the city” are characterised by the ability to reach a compromise and develop generally accepted rules of communication. If such trends continue, the “right to the city” will be closely correlated with such concepts as “communication”, “public sphere”, “forum”, and its practical implementation will be less and less tied to the direct “reconquest” of physical territories and will increasingly begin to unfold in the communicative plane.

Keywords: urban environment, urban participation, “right to the city”, self-government, neighbourhood communities, communication, critical theory

References

1. Belyanskaya L. V. Post-Marxist Universalism in the Context of Globalization Problems. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015: 3 (29): 30–39 (in Russ.).
2. Bogdanova L. P., Smirnov I. P. Social activity of urban communities: research experience on the example of medium-sized cities of the Tver region. *Ekologiya urbanizirovannykh territoriy*, 2018: 1: 50–57 (in Russ.). DOI: 10.24411/1816-1863-2018-11050
3. Boltanski L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sociologii gradov* [Criticism and justification of justice: Essays on the sociology of cities]. Transl. from Fr. by O. V. Coveneva. Moscow, NLO, 2013: 576 (in Russ.).
4. Veselov Yu. V. Trust in a digital society. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya*, 2020: 13 (2): 129–143 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2020.202
5. Gerasimova E., Chuykina S. Ot kapitalisticheskogo Peterburga k socialisticheskomu Leningradu: izmenenie social'no-prostranstvennoj struktury goroda v 30-e gody [From capitalist Petersburg to socialist Leningrad: changes in the social and spatial structure of the city in the 30s.]. *Normy i cennosti povsednevnoj zhizni: stanovlenie socialisticheskogo obraza zhizni v Rossii* [Norms and values of everyday life: the formation of a socialist lifestyle in Russia, the 1920s – 1930s]. T. Vikhavaynen (ed.). St. Petersburg, Neva, 2000: 27–74 (in Russ.).
6. Griber Y. A., Litvinova T. N. Tactical urbanism as a form of modernization of everyday life. *Sotsiodinamika*, 2015: 9: 1–19. (in Russ.). DOI: 10.7256/2409-7144.2015.9.16196
7. Dobryakova M. S. Issledovaniya lokal'nykh soobshchestv v kontekste pozitivizma, sub`ektivizma i teorii globalizatsii [Research of local communities in the context of positivism, subjectivism and the theory of globalization]. *Sotsiologiya: 4M*, 2001: 13: 27–59 (in Russ.).
8. Zhelnina A. “Hang-out”, creativity and the right to the city: urban public space in Russia before and after the protest wave of 2011–2012. *Stasis*, 2014: 2(1): 260–295 (in Russ.).
9. Kolba A. I., Kolba N. V. Urban conflicts as a factor in the civil and political activation of local communities. *Politicheskaya nauka*. 2019: 2: 160–179 (in Russ.). DOI: 10.31249/poln/2019.02.08
10. Lydon M., Garcia E. Tactical Urbanism. Short-term action for long-term change. Transl. from Eng. by Lyubov Summ, Alexey Ognev. Moscow, Strelka Press, 2019: 304 (in Russ.).
11. Lebedeva E. V. Transformation of the public space of post-Soviet cities. *Sotsiologiya*, 2016: 4: 107–115 (in Russ.).

12. Ledyayev V. Sociologiya vlasti. Teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskix soobshhestvax [Sociology of power. Theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: Izd. dom VHSE, 2012: 472 (in Russ.).
13. Lefevr A. Production of space. Transl. from Fr. by Irina Staff. Moscow, Strelka Press, 2015: 432 (in Russ.).
14. Pavlov A. V. Local city communities in social networks: between “neighborly” and “civic” communication. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2016: 5: 46–57 (in Russ.).
15. Piir A. Okno vo dvor (k opisaniyu dvorovogo prostranstva) [Window to the courtyard (to the description of the courtyard space)]. *Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika: Sbornik statey. Vyp. 2* [Anthropology. Folklore. Linguistics: Collection of articles. Edition 2]. St. Petersburg, EU v SPb., 2002: 194–230 (in Russ.).
16. Piir A. What is a yard for? (Age communities of Leningrad courtyards). *Antropologicheskiiy forum*, 2006: 5: 345–378 (in Russ.).
17. Piir A. “The Lost Courtyard” (describing the phenomenon of the Leningrad courtyard culture). *Cahiers slaves*, 2010: 11–12: 149–171 (in Russ.).
18. Tykanova E., Khokhlova A. The urban political regime in St. Petersburg: the role of real and imagined “growth machines” in the struggle for urban space. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2015: 2: 241–256 (in Russ.).
19. Tykanova E. V., Tenisheva K. A. Trapped by the “neighborhood effect”: social capital and activism in the new enclave condominiums. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2020: 2: 7–35 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.1
20. Habermas Y. The relationship between the system and the life-world in the conditions of late capitalism. *THESIS*, 1993: 2: 123–136 (in Russ.).
21. Harvi D. Social Justice and the City. Transl. from Eng. by E. Yu. Gerasimova. Moscow, NLO, 2019: 440 (in Russ.).
22. Chernega A. A. “The power of local communities”: practices, mechanisms and models of resident’s participation in sociocultural development of territories (on the materials of small towns and villages in the vologda region). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2020: 3: 51–77 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.3
23. Chernysheva L. A. Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing estate. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2020: 23(2): 36–66 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.2
24. Chernysheva L., Gizatullina E. “Vkontakte with neighbors”: features and practices of hybrid neighborhood in a large residential complex of St. Petersburg. *Laboratorium: Zhurnal social'nyh issledovaniy*. 2021: 13(2): 39–71 (in Russ.). DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71
25. Yurchak A. E`to bylo navsegda, poka ne konchilos`. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it ended. The last Soviet generation]. Moscow, NLO, 2014: 664 (in Russ.).
26. Elias N. Towards a Theory of Communities. Colin Bell and Howard Newby (ed.). *The Sociology of Communities: A Selection of Readings*. London, Frank Cass & Co. Ltd, 1974: ix–xliii.
27. Hardt M., Negri A. Commonwealth. Cambridge, An Imprint of Harvard University Press, 2011: 434.
28. Harvey D. The Right to the City. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2003: 27(4): 939–941.
29. Lefebvre H. Writing on cities. Blacwell Publishers, 1996: 272.
30. Lofland L. H. The Public Realm: Exploring the City’s Quintessential Social Territory. New Brunswick and London, Transaction Publishers, 2009: 326.
31. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York, Guildford Press, 2003: 270.
32. Park R. On Social Control and Collective Behavior. Chicago, University of Chicago Press, 1967: 274.
33. Parker P., Johansson M. Challenges and potential in collaborative management of urban commons. In T. B. Valic, D. Modic, U. Lamut, & T. Luckman (Eds). *Multifaceted nature of collaboration in contemporary world*, 2012: 92–113.

34. Purcell M. Neighborhood activism among homeowners as a politics of space. *Professional Geographer*, 2001: 53(2): 178–194.
35. Purcell M. Urban Democracy and the Local Trap. *Urban Studies*, 2006: 43 (11): 1921–1941.
36. Robins K. Prisoners of the City: Whatever Can a Postmodern City Be? Space and Place: Theories of Identity and Location. Carter E., Donald J. and Squires J. (eds). London, Lawrence & Wishart, 1993: 399.
37. van Dijk J. The Network Society. Thousand Oaks, New Delhi, Sage Publishing, 2006: 272.
38. Walker D. M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Michigan, University of Michigan, 2001: 308.

The article was submitted on: October 26. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Lebedeva, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Communication Technologies and
Public Relations, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ТЕМА НОМЕРА

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774

Идентификация новых религиозных движений в практике редакций и журналистов печатных СМИ

Ссылка для цитирования: *Мартинович В. А.* Идентификация новых религиозных движений в практике редакций и журналистов печатных СМИ // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 67–85. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774

For citation: Martinovich V. A. Identification of new religious movements in the practice of editorial offices and journalists of print media. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 67–85. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774

**Мартинович
Владимир Александрович¹**

¹Минская духовная академия Белорусского экзархата РПЦ,
Минск, Республика Беларусь

nrm2@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 806375

Аннотация. Социальные институты избирательно реагируют на религиозное многообразие современного мира. В результате формируется дисбаланс между фактически действующими в публичном пространстве новыми религиозными движениями и уровнем их идентификации социальными акторами. Новые религиозные движения, попадающие в разных странах в фокус внимания, по большинству своих характеристик нерепрезентативны для генеральной совокупности нетрадиционных религиозных сообществ этих стран. Тем не менее для социальных акторов они становятся референтным образцом при формировании представлений о феномене новых религиозных движений в целом. Чем выше уровень дисбаланса, тем в меньшей степени социальные представления о новых религиях соответствуют их фактическим характеристикам в конкретном регионе. Комплексное изучение идентификации новых религий позволяет объяснить происхождение распространяемых в обществе представлений и иллюзий о новых религиозных движениях, прояснить логику действий социальных акторов в конфессиональной сфере, до определенной степени предсказать их результаты. Аномально большие показатели дисбаланса для отдельных институтов общества требуют дополнительного анализа. Для печатных СМИ Республики Беларусь разрыв между идентифицированными и действующими в стране группами составляет более 700 организаций для периода 1988–2021 гг. Настоящая статья посвящена анализу факторов, влияющих на редакции и на журналистов печатных СМИ в процессе подготовки ими материалов по новым религиозным движениям в целом и их идентификации в частности. В качестве основных факторов выделены: государственное регулирование, политический заказ и цензура, запросы в редакцию от населения, яркий информационный повод, контакт журналиста с новым религиозным движением, конфликт религиозной группы с редакцией СМИ, личность и опыт журналиста, специализация жур-

налиста на теме новых религиозных движений, контакт журналиста с профессиональными сектоведами. Анализируется уровень влияния каждого фактора на идентификацию новых религиозных движений в прессе, вскрываются методологические проблемы анализа данной темы. Показывается, что в силу специфики феномена нетрадиционной религиозности и организации работы редакций и журналистов печатные СМИ могут только избирательно идентифицировать новые религии.

Ключевые слова: новые религиозные движения, идентификация религиозных организаций, печатные СМИ, нетрадиционная религиозность

Избирательность реакций социальных институтов достаточно хорошо изучена для широкого круга тем, но не для религии в целом и новых религиозных движений (далее – НРД) в частности. Не выделены качественные и количественные показатели селективности внимания к НРД, не разрешен целый ряд иных теоретико-методологических проблем и вопросов. Между тем от того, какие по своим характеристикам НРД попадают в фокус внимания, зависит специфика социальных представлений и иллюзий относительно НРД, которые, в свою очередь, влияют на действия и/или бездействие социальных акторов в конфессиональной сфере. Идентификация религиозных организаций в качестве НРД¹ является основной составляющей реакции социальных институтов на увеличивающуюся дифференциацию религиозного пространства страны либо на его фактически данное разнообразие. С нее начинается формирование позиции в отношении НРД вне зависимости от специфики аксиологической нагрузки и содержания соответствующего дискурса. Выявление конфигураций НРД, идентифицированных разными социальными акторами², анализ периодов активизации идентификации НРД³, изучение

¹ Автором документально зафиксировано более 545 терминов, используемых в общественном дискурсе в процессе идентификации НРД (напр. «секта», «культ», «новая религия», «деструктивная секта», «альтернативная религия» и т. д.). Методологически обязательным условием анализа теоретических проблем, связанных с процессом идентификации НРД, является «вынесение за скобки» всех определений «НРД» и иных терминов, используемых акторами в процессе идентификации. Также для целей настоящего исследования не имеет значение степень корректности и обоснованности отнесения социальными акторами к НРД тех или иных религиозных групп.

² Так, печатными СМИ наиболее часто идентифицируются в качестве НРД высокоструктурированные религиозные организации. В то же время средне- и слабоструктурированные НРД являются наиболее распространенными в обществе. В результате формируется представление о доминировании среди НРД высокоструктурированных, хорошо организованных, экономически независимых международных религиозных корпораций, хотя они в предполагаемой генеральной совокупности значительно уступают остальным типам.

³ В 1990-е гг. в странах бывшего СССР разные социальные институты обращают внимание на распространение нетрадиционной религиозности и активно идентифицируют НРД. Начиная с 2000-х гг. падает внимание к теме НРД и интенсивность процесса идентификации. В обществе распространяется мнение, что НРД наиболее активно действовали в 1990-е гг., а тема более не актуальна. Между тем в 2000–2010-е гг. доказуемо действовало в несколько раз больше НРД, чем в 1990-е гг.

рекурсивности и частотности этого процесса¹, а также исследование целого ряда иных вопросов позволяет объяснить генезис распространяемых в обществе представлений и иллюзий об НРД, прояснить логику действий акторов в конфессиональной сфере, до определенной степени предсказать их результаты.

СМИ являются одним из основных субъектов идентификации НРД в публичном пространстве. Освещение проблематики НРД в печатных СМИ анализировалось учеными с самых разных сторон, в том числе с особым фокусом на роли редакций и журналистов. Так, Дж. Ричардсоном и ван Дрилем изучалось отношение журналистов к написанию материалов по НРД [13], Дж. Дартом сравнивалось отношение репортеров к подготовке материалов по традиционным и нетрадиционным религиям [6]. С. Райтом исследовались факторы, влияющие на искажение журналистами информации по НРД [21], А. Шеффлер изучал их источниковую базу [14, с. 39–40]. Работа Б. Эвенсона посвящена анализу влияния религиозной веры журналиста на содержание его материалов [8]. Во всех случаях анализировалось содержание и качество журналистских материалов по НРД, но не влияние редакций и журналистов на изменение общего количества религиозных организаций, идентифицируемых в качестве НРД. В настоящей статье осмысливаются результаты предыдущих исследований автора² в свете документов, характеризующих всевозможные варианты пересечения редакций СМИ, журналистов и НРД³. Релевантные документы представлены на русском, белорусском, английском и немецком языках, касаются периодических изданий Республики Беларусь, России, Германии, Австрии, Швейцарии, Великобритании, США и др. стран, охватывают период с 1950 по 2021 г. Материалы включают: а) письма в редакции от населения по теме НРД (в том числе критические и благодарственные письма-реакции на уже опубликованные статьи); б) документы органов государственного управления и политических партий, предусматривающие проведение определенной политики СМИ в отношении НРД; в) документы НРД, фиксирующие их отношение к СМИ, а также их контакты с прессой разного уровня и характера (напр., декларации намерений относительно

¹ Среди идентифицированных НРД количество групп, созданных в России и Беларуси, почти в 3 раза превышает количество возникших в странах Запада. Однако «отечественные» НРД отличаются низким уровнем рекурсивности идентификации в разные периоды времени и низким уровнем частотности их идентификации в разных источниках в рамках каждого периода времени. Западные НРД имеют высокие показатели частотности и рекурсивности. В результате формируется весьма распространенное в общественном дискурсе, но некорректное представление о западном происхождении большинства НРД Беларуси. Между тем анализ стран создания 1142 НРД, деятельность которых документально зафиксирована в Беларуси, показывает, что большинство НРД было создано в самой Беларуси или России.

² Исследование идентификации НРД в печатных СМИ Республики Беларусь в 1988–2017 гг. [3], актуализированное данными на 2018–2021 гг. Исследование средств коммуникации, используемых НРД в Республике Беларусь в период 1988–2021 гг. [4].

³ С 1997 г. автором проводится мониторинг организованных форм нетрадиционной религиозности, а также анализ реакций на нее всех социальных институтов. Собран доступный для работы ученых архив объемом в 500 тысяч документов, содержащий информацию о 5700 НРД из 108 стран мира. В архиве собрано не менее 100 тысяч документов, прямо или косвенно связанных с проблематикой настоящей статьи.

СМИ, отчеты о проведенной работе со СМИ, программы совместных со СМИ мероприятий, списки их участников и др.); г) решения судов разных инстанций по тяжбам между НРД и СМИ; д) документы сектоведов, детально описывающие как их контакты со СМИ, так и их наблюдения за работой СМИ при освещении проблематики НРД; е) запросы СМИ в разные инстанции по теме НРД; ж) статьи в СМИ, описывающие процесс их подготовки, объясняющие причины внимания журналистов к теме НРД и др. Документы собраны методом доступной выборки. Статья не может претендовать на полноту охвата темы и рассмотрение всех релевантных для нее составляющих.

Идентификация НРД в печатных СМИ

Основным показателем участия социальных институтов в публичном обсуждении проблематики нетрадиционной религиозности является *объем внимания*, уделяемого теме НРД. Данный показатель выражается посредством двух переменных: а) количества обращений к теме НРД; б) количества идентифицированных НРД. Не всякое обсуждение темы новых религий сопровождается идентификацией НРД – установлением совпадения характеристик религиозной организации с одной из разновидностей НРД. В диахронической перспективе меняются значения переменных, а вместе с ними и объем внимания, уделяемого разными социальными институтами настоящей теме. На колебания в объеме внимания оказывают влияние самые разные внутренние и внешние факторы, в том числе отражающие характерные особенности организации и деятельности каждого института.

НРД для печатных СМИ относятся к группе тем, обладающих высоким информационно-развлекательным потенциалом, но в целом второстепенных на фоне материалов из области политики, экономики, общественной и культурной жизни. СМИ идентифицируют НРД в рамках критических и нейтральных материалов по нетрадиционной религиозности. Проведенные ранее исследования показывают, что в период с 1988 по 2021 г. печатными СМИ Беларуси идентифицировалось не более 12,5% от предполагаемой генеральной совокупности НРД, деятельность которых документально зафиксирована в Республике Беларусь¹. С другой стороны, 90,7% от общего числа НРД транслирует информацию о себе в обществе посредством общедоступных средств коммуникации [4, с. 80]. Таким образом, существует большая разбежка между публично действующими и публично идентифицируемыми НРД. То есть основная масса всех открыто действующих НРД в Республике Беларусь не распознается не только в качестве НРД, но и в качестве религиозных организаций в целом. Они не обсуждаются ни в нейтральном, ни в критическом ключе. Такое невнимание нельзя объяснить скрытым или тайным характером деятельности НРД, так как основная их масса публично

¹ 12,5% – уточнение на 1 октября 2021 г. результатов исследования 2017 г., в котором эта цифра составляла 12,2% [3, с. 61].

заявляет о себе в общественном дискурсе. Означенный результат требует глубокого, комплексного анализа и интерпретации. На выбранном высоком уровне обобщения значение имеют не индивидуальные факторы, влияющие на конкретное издание (напр., на редакцию газеты «Беларусь Сегодня» в избранный период времени), но выявление всей совокупности факторов, которые могут стимулировать либо тормозить процесс идентификации конкретных НРД в печатных СМИ разных типов и специализаций в разные периоды времени.

Печатные СМИ разнятся по количеству публикаций материалов по НРД. При этом большинство редакций четкой позиции по феномену НРД не имеет. Реклама и критика одних и тех же групп часто осуществляется на страницах одних и тех же изданий. Наиболее показательным является пример рекламы и критики корейского НРД Дами Сонгехэ в одном номере и на одной странице газеты «Вечерний Минск»¹. Как правило, они не имеют особого значения для редакции, которая может и не замечать такой непоследовательности в своих материалах. Даже регулярная реклама или критика одного и того же НРД в крайне редких случаях является результатом продуманной позиции редакции. Отношение к НРД может достаточно легко поменяться на противоположное, череда рекламных статей смениться серией критических материалов, либо наоборот. В то же время в редакциях СМИ существуют определенные критерии, согласно которым тот или иной критический материал расценивается в качестве подходящего для публикации. Они не касаются НРД, но отражают общую направленность и специализацию конкретного СМИ, установки значимых для издания политических, экономических, религиозных и иных организаций и институтов общества, рекомендации владельцев СМИ, личные приоритеты редакторов и журналистов. Далекое не все поступающие в редакцию материалы по НРД успешно проходят все фильтры и публикуются.

Среди множества факторов, влияющих на идентификацию НРД в материалах печатных СМИ, можно выделить: а) государственное регулирование, политический заказ и цензуру; б) запросы в редакцию от населения; в) яркий информационный повод; г) контакт журналиста с НРД; д) конфликт НРД с редакцией СМИ; е) личность и опыт журналиста; ж) специализацию журналиста на теме НРД; з) контакт журналиста с профессиональными сектоведами.

Государственное регулирование, политический заказ и цензура

В наиболее распространенном варианте государственное регулирование СМИ включает контроль над содержанием публикуемых материалов, т. е. сопровождается цензурой разной степени жесткости. В то

¹ *Критика:* Марчук Ф. «О дне и часе том никто не знает...» // Вечерний Минск. 1992. 23 окт. № 203. С. 1; *Реклама:* Евангельско-христианская церковь «Дами Сонгехэ» // Вечерний Минск. 1992. 23 окт. № 203. С. 1.

же время французский пример показывает, что госрегулирование может ограничиваться лишь общими правилами организации деятельности прессы, гарантировать свободу СМИ (в т.ч. от цензуры), соблюдение прессой принципов прозрачности, плюрализма мнений, независимости от монополий [1]. Во всех случаях госрегулирование само по себе не обязательно предполагает существование заказа на публикацию материалов по теме НРД. Если государственная идеология констатирует, что «в стране сект нет», либо «проблема сект уже успешно решена правящей партией», то никаких статей по НРД появляться не будет. Однако, ввиду фактической деятельности НРД во всех странах мира, они периодически в той или иной форме включаются в систему государственной пропаганды «борьбы со злом», и СМИ получают заказ на критику конкретных НРД. В рамках соответствующего дискурса может утверждаться, что НРД очень много либо, наоборот, очень мало, могут публиковаться списки НРД. Значение для настоящей темы имеет только указание журналистам обратить внимание на конкретные НРД, занимающиеся «вредительством». Вне зависимости от предполагаемого идеологией количества действующих НРД публично называться и идентифицироваться будет лишь малое, порой строго зафиксированное их число. При этом контроль над содержанием материалов влияет на уменьшение общего объема анти-сектантских материалов в целом и числа идентифицированных НРД. Это связано с нарушением механизмов естественной реакции общества на феномен нетрадиционной религиозности. НРД начинают критиковаться не тогда, когда возникает инициатива у различных социальных акторов, но когда такая критика будет допущена контролирующими прессу органами. Естественная критика НРД «снизу», которая имеет место практически всегда, строго ограничивается и имеет шанс пробиться на страницы СМИ только в тех случаях, если совпадает по времени своего появления с актуальной стратегией государства по критике НРД в СМИ, т. е. с наличием госзаказа на эту тему.

Вне зависимости от наличия системы государственного регулирования прессы заказ на тему НРД существует в большинстве стран. Стремление к соблюдению свободы прессы от влияний государства не является гарантом отдельных противосектантских инициатив на локальном уровне, исходящих от конкретных чиновников. Однако при нежестком госрегулировании, либо при его полном отсутствии заказ может иметь разные степени обязательности исполнения. Часто он обретает форму просьбы со стороны конкретного чиновника, которую лучше исполнить, так как «он ещё сможет пригодиться редакции или журналисту», либо ввиду того, что «с ним существуют добрые и теплые взаимовыгодные отношения в области обмена информацией». Так, во Франции материалы по НРД пресса публиковала по инициативе Межминистерской комиссии по мониторингу и противодействию культовым отклонениям. В Германии Министерство по делам молодежи, семьи и здоровья инициировало публикацию значительного количества анти-сектантских материалов в прессе [7, с. 9428]. В США Движение объеди-

нения активно критиковалось СМИ в том числе по инициативе сенатора Р. Дойла и конгрессмена Д. Фрэзера [17, с. 505–509]. В Сингапуре СМИ под влиянием государства активно критиковали Свидетелей Иеговы, но всячески воздерживались от публикаций по кришнаитам, т. е. «заказ» на критику одних НРД может включать табуирование критики других [16]. С другой стороны, политический заказ на критику сектантства при отсутствии цензуры, равно как и ни к чему не обязывающие просьбы чиновников о публикации материалов по НРД, способствует увеличению общего объема антисектантских материалов и количества идентифицируемых НРД: кристаллизация внимания на конкретных НРД не подавляет естественно возникающей критики иных групп, но задает лишь дополнительный стимул к воспроизводству антисектантского дискурса. Таким образом:

а) госзаказ на тему НРД в странах с системой госрегулирования СМИ, включающей цензуру содержания их материалов, влияет на уменьшение количества разных идентифицируемых НРД;

б) госзаказ и/или просьбы от политиков по теме НРД, не обязательные к исполнению, при отсутствии цензуры СМИ дают стимул к увеличению количества идентифицируемых НРД.

Запросы в редакцию от населения

В редакции печатных СМИ периодически приходят просьбы осветить деятельность конкретных НРД. Они могут исходить как от просто любознательной аудитории, так и от людей, считающих себя пострадавшими от той или иной группы. Существование множества писем от разных людей по одной теме является надежным индикатором ее популярности и серьезным стимулом к подготовке материала. В редакцию могут приходиться коллективные обращения граждан с просьбой критики отдельных НРД, либо помощи в разрешении той или иной острой проблемы. Показательна оговорка журналиста одной из газет о том, что в редакции собралось «более сотни писем родителей», жалующихся на НРД, что и стало стимулом к публикации материала¹. Иногда СМИ являются лишь одним из множества адресатов просителя, вместе с органами государственного управления, общественными и иными организациями. Это является дополнительным стимулом к внимательному отношению к присланному материалу. В своих письмах читатели могут не только просить о публикации статей, но и реагировать на уже выпущенные материалы. Они разделяются на две группы: а) письма – благодарности за материал по НРД; б) письма – критика содержания статьи. Последние негативно отзываются об опубликованном критическом материале, полагая позицию редакции слишком мягкой, либо, наоборот, неоправданно жёсткой

¹ Кисина З. Государство должно не только обеспечивать гражданам свободу совести, но и оградить молодежь от притязаний «гуру» на души // Советская Белоруссия. 1995. 13 окт. С. 2.

по отношению к НРД. Недовольство мягкостью критических статей, как правило, высказывают люди, считающие себя пострадавшими от НРД. Просьба подготовить материал с критикой НРД приведет к публикации статьи, если тема покажется редакции актуальной и интересной.

Запросы в редакцию являются важным фактором увеличения количества идентифицируемых НРД, т. к. просьбы могут поступать и относительно малоизвестных широкой публике, никогда и нигде не обсуждавшихся групп.

Яркий информационный повод

Периодически среди НРД случаются достаточно экстраординарные события, которые столь сильно выбиваются из повседневного контекста, что обращают на себя внимание одновременно большого количества самых разных СМИ. Такие яркие информационные поводы могут усиливать внимание прессы к уже критиковавшимся ранее НРД (напр., газовая атака Аум Синрикё в токийском метро, Народный храм с 923 убитыми, включая конгрессмена США) либо приводить к описанию новых и ранее не идентифицированных групп (напр., Пензенские сидельцы¹, Каула-Дхарма²). Наиболее громкие случаи не только порождают тысячи статей и репортажей в национальной и мировой прессе, но регулярно упоминаются при последующих репортажах о других НРД, создают своеобразный фон для публикаций материалов на тему НРД. Однако на увеличение числа идентифицируемых НРД влияют, прежде всего, мелкие и локальные конфликты вокруг НРД, которые недостаточно масштабны, чтобы создать информационный повод даже на уровне одной страны, но все же обращают на себя внимание одного или двух печатных СМИ. Такие локальные события вокруг НРД являются важным источником идентификации малых и средних по размеру НРД (клиентурных и аудиторных культов).

Контакт журналиста с НРД

Контакты редакций и журналистов с НРД могут проходить на уровне руководящего состава НРД и СМИ, сопровождаться длительным и серьезным сотрудничеством, активной рекламой и поддержкой НРД (напр., контакты Движения объединения Муна с газетами «Московские новости», «Известия», «За рубежом», «Правда», а также ТАСС и Гостелерадиокомпанией [12, с. 398]). Однако контакты такого уровня завершаются в большинстве случаев рекламой НРД, организацией множества совместных проектов с ними, но не анализируемой в насто-

¹ Пензенские сидельцы – псевдохристианское НРД, основано в России в начале 2000-х. В прессе стали активно обсуждаться с 2007 г., после того как 35 членов НРД, включая детей, закопались в подземных укрытиях в ожидании конца света.

² Каула-Дхарма – неоиндуистское НРД, основано в России в начале 2010-х, специализирующееся на пропаганде религиозных форм проституции. В прессе стало активно обсуждаться с 2016 г. после скандала с исчезновением малолетнего сына одной из последовательниц.

ящей статье идентификацией НРД. Релевантные для настоящего исследования встречи между журналистами и НРД имеют менее предсказуемый характер.

Во-первых, случайное и оказавшееся неблагоприятным соприкосновение с НРД в повседневной жизни часто завершается критической статьей. Журналист не планировал писать статью об НРД, но яркий негативный опыт побуждает его подготовить материал (напр., встреча на улице с чрезмерно навязчивым проповедником группы). Как правило, в таких статьях описывается случайный контакт с группой, подвигнувший журналиста взяться за перо¹.

Во-вторых, НРД может само попытаться наладить контакт со СМИ, посетив редакцию издания. Однако, если представители НРД будут неубедительны и не смогут заинтересовать журналистов, последние также могут опубликовать критический материал (см. приход «апостола» из Великого Белого Братства в редакцию газеты «Вечерний Минск»²).

В-третьих, журналист в процессе написания статьи по религиозной организации может испытывать сложности в выборе критического, нейтрального либо хвалебного модуса описания группы. В пользу всех вариантов у него могут быть аргументы, к одному из них он может даже склоняться. Для принятия более объективного и взвешенного решения он может посетить организацию. Однако такие визиты имеют непредсказуемый эффект. В одних случаях НРД может столь сильно позитивно впечатлить журналиста, что вместо изначально задуманной критической статьи он напишет рекламную³. В других посещение НРД может завершиться разгромной критикой организации [18, с. 69].

В-четвертых, сам журналист может выступать в роли пострадавшего от НРД. Например, Й. Соеджима, бывший редактор газеты Движения объединения «Sekai Nippo», вступил в конфликт с организацией, вышел из нее и опубликовал впоследствии множество критических статей по данному НРД в СМИ разных стран⁴.

Как бы ни был глубок опыт столкновения с конкретным НРД, он не наделяет журналиста пониманием ситуации в сфере нетрадиционной религиозности в целом. Тем не менее он является важным фактором идентификации ранее нигде не упомянутых НРД.

¹ См., например, критическую статью журналиста, написанную после «неприятных случайных встреч» со Свидетелями Иеговы: Калоша А. Дазволиць нельга забараніць, або аб чым сведчаць Сведкі Іеговы і на што яны не маюць права? // Чырвоная змена. 2001. 22 февраля.

² Рудковский А. Это белое «Белое братство»? // Вечерний Минск. 1993. 17 июня. № 122. С. 1.

³ Камяк Н. Черный лотос... «расцвел» в Беларуси, или сомнения не оправдались // Советская Белоруссия. 1992. 12 февр. № 27. С. 6.

⁴ Burgess J., Isikoff M. Moon's Japanese Profits Bolster Efforts in U. S. // Washington Post. 1984. 16 Sept. P. A01.

Конфликт НРД с редакцией СМИ

В некоторых случаях конкретные НРД выделяются из всего массива второстепенных для редакции групп, а их критика приобретает особый смысл и значение. Например, вне зависимости от степени обоснованности критического материала в издании, возмущение им НРД с жёсткой критикой в адрес редакции в большинстве случаев приносит прямо противоположный эффект: издание впервые обращает серьезное внимание на НРД. Под напором НРД его критика, изначально не являвшаяся для газеты сколько-нибудь важной, превращается в принципиально и последовательно отстаиваемую позицию. Особенно часто это происходит в тех случаях, когда НРД не предлагают варианты бесконфликтного разрешения ситуации, но пытаются говорить с редакцией с позиций силы, угрожают судами, издают публичные опровержения с критикой газеты. Переход от угроз к реальным судебным процессам многократно увеличивает внимание к НРД, приводит к новым критическим материалам. Все последующие статьи по группе тщательно выверяются юристами, а в долгосрочной перспективе их количество не уменьшается, в том числе потому, что иные издания обращают особое внимание на группу.

Конфликты такого масштаба закрепляют конкретное НРД в числе регулярно критикуемых прессой (см., напр., противостояние английского «Daily Mail»¹ с Движением объединения или американского «Time» с саентологией), но не имеют существенного влияния на увеличение количества идентифицируемых НРД в целом. Более того, противостояние с одним НРД никогда не влечет за собой конфликта с иными НРД. В процессе самых активных баталий издание может вполне спокойно рекламировать другие группы, которые по своим структурным и содержательным характеристикам будут однотипны с актуальным «врагом» редакции.

Личность и опыт журналиста

При отсутствии редакционного заказа и прочих влияний журналист оценивает степень актуальности темы НРД в соответствии с имеющимся у него жизненным опытом, а также набором знаний о религии и нетрадиционной религиозности. Он не может опереться на сведения о реальной ситуации в сфере НРД, т. к., во-первых, далеко не во всех странах они имеются; во-вторых, даже если они известны ученым, сам поиск этих исследований предполагает наличие устойчивого интереса к теме. Исследование Ричардсона подтвердило достаточно очевидные факты: а) журналисты по-разному относятся к разным НРД; б) их отноше-

¹ В 1979 г. Движение объединения подает в суд на газету «Daily Mail» за публикацию критической статьи с обвинением в клевете. Дело разбиралось в судах разной инстанции три года, дошло до Верховного суда Великобритании, где было поиграно НРД с выплатой газете крупной компенсации. Конфликт, растянувшийся на несколько лет, обратил внимание общественности на тему НРД и привел к появлению большого количества противосектантских статей. В 1983 г. газета за серию материалов против Движения объединения получила престижную награду «British Press Awards».

ние к НРД с течением времени может изменяться в любую сторону [13]. Уточняя, можно отметить, что журналисты, как и население в целом, обладают разной глубиной понимания темы и разной степенью чувствительности к нетрадиционной религиозности. Критическая статья по одному НРД не исключает членства журналиста в другом НРД. О степени актуальности темы НРД журналисты часто судят по частоте публикаций и репортажей на заданную тему в иных СМИ, по случайным высказываниям политиков, чиновников и общественных деятелей. Некорректность оценок актуальности темы может не только побуждать активнее писать про НРД, но, и наоборот, воздерживаться от данной темы. Так как большинство журналистов берется за тему НРД один или два раза в жизни, они непрофессионально подходят к поиску необходимой информации, подбору и анализу источников. Ещё до начала работы над материалом у них складывается какое-то отношение к НРД, которое во многом влияет на содержание, тон и характер окончательной версии статьи. Редко встречаются журналисты, которые подходят к теме с чистого листа, не имея никаких предшествующих знаний о НРД. Однако даже полное отсутствие предвзятого подхода не делает журналиста более компетентным в сложной проблематике нетрадиционной религиозности. Все это сказывается на качестве итогового материала. Релевантная для настоящего исследования способность найти информацию по ранее не идентифицированным НРД целиком зависит от уровня фактических знаний журналиста в области религиоведения, а также наличия у него навыков и умений применения этих знаний на практике. У подавляющего большинства из них систематического религиоведческого или богословского образования нет. НРД не скрываются, и материалы по ним легко доступны, если начать их целенаправленно искать, но эта задача оказывается для них слишком сложной. Неспособность найти нужную информацию может побудить журналиста оставить тему. Соответственно свободный поиск журналистом материалов по НРД будет влиять на увеличение количества идентифицируемых НРД только при наличии у него минимального набора специализированных знаний. В большинстве остальных случаев в поиске материалов он не выйдет за рамки уже известного и проработанного другими авторами числа НРД.

Религиозная вера журналиста также может оказывать серьезное влияние на его статьи в прессе, не только на материалы о НРД. Б. Эвенсен особо выделял религиозность журналистов в качестве основной причины их чувствительности к фальши и лжи, а также их неутолимой жажды правды. Для них подготовка всевозможных сенсационных расследований с разоблачениями политиков, чиновников, коммерсантов не в последнюю очередь НРД являлась частью глубоко личной борьбы за веру, правду, честь, достоинство человека. Общая конъюнктура СМИ, ориентированная на скандальные материалы, лишь совпадала с их изначальными интересами и устремлениями к утверждению правды и победы над ложью [8]. Религиозная вера журналиста может влиять на содержание его статей, но не является фактором, влияющим на увеличение количества идентифицируемых НРД.

Специализация журналиста на теме НРД

Журналисты могут специализироваться на написании критических материалов по НРД. В зависимости от степени погружения в заявленную проблематику они могут быть условно разделены на две группы.

К первой будут относиться «любители», пишущие по теме НРД на протяжении нескольких лет, но не погружающиеся в нее слишком глубоко. Они знакомятся с ключевыми экспертами в данной сфере, берут у них интервью по разным поводам, отслеживают новостную ленту, изучают доступную противосектантскую литературу и выпускают за время своего обращения к теме от 10 до 20 статей по НРД (в том числе под псевдонимом и без подписи). Они могут искренне интересоваться темой, но в силу целого ряда причин не остаются в ней надолго. Большинство журналистов Беларуси, специализирующихся на теме НРД, относятся к группе «любителей».

Вторая группа представлена профессионалами – журналистами, избравшими тему НРД в качестве основной темы своих интересов. Проблематике сектантства они посвящают десятилетия жизни и сотни статей в прессе. Многие из них собирают оригинальные документы и материалы по НРД, издают целые книги по нетрадиционной религиозности. Эти работы не содержат научного анализа темы, но изобилуют конкретными фактами и сильно варьируются по степени обоснованности материала. В качестве примера можно привести работы немецких журналистов К. П. Кримера и М. Дикенбергера [5] и П. Йенрича [9] по НРД в целом, труды швейцарского журналиста Х. Штамма [19] и др. Специализация журналистов может быть более узкой и включать отдельные НРД. Так, доктор математических наук Т. фон Рандоу, работавший журналистом в крупном немецком журнале «Die Zeit», специализировался на критике паранормальных явлений, шарлатанов, экстрасенсов, магов, колдунов и др. [11]. Немецкие журналисты Ф. Нордхаузен и Л. фон Биллербек писали статьи и книги по саентологии [10], американские журналисты М. Тэрри [20] и Д. Шутце [15] выпускали книги по сатанистам и латиноамериканским культам.

Журналистов, специализирующихся на теме НРД, на порядок меньше, чем авторов, пишущих без особой подготовки. При этом на Западе группа профессиональной специализации представлена в большей степени, чем в странах Восточной Европы. Во всех случаях специализация способствует расширению количества идентифицируемых НРД.

Контакт журналиста с профессиональными сектоведами

В предшествующих исследованиях нами уже отмечался комплексный характер взаимодействия печатных СМИ и представителей антикультуры школы сектоведения, не позволяющий свести материалы прессы к влиянию профессиональных «борцов с сектами» [2]. Тем не менее такой контакт имеет место, а инициатива может исходить от любой стороны.

Во-первых, журналисты являются частыми гостями на разных публичных мероприятиях, в том числе на конференциях сектоведов (см., напр., посещение журналистами изданий «Народная газета», «Вечерний Минск» и «Знамя Юности» антисектантской конференции украинского Родительского комитета «Порятунок» в г. Киев¹).

Во-вторых, журналисты по собственной инициативе либо по заданию редакции могут обращаться в антисектантские организации с просьбой о помощи в подготовке материала по НРД.

В-третьих, сектоведы могут сами предлагать журналистам написать статью по теме НРД и оказать всестороннюю поддержку в ее подготовке.

В материалах антикультовой школы сектоведения можно найти множество примеров работы со СМИ, а также теоретических обоснований ее важности и значимости. Более того, СМИ разных стран мира периодически дают рекламу не только НРД, но и работе сектоведов, с указанием их выходных данных². Однако прямой контакт с сектоведом не ведет автоматически к расширению диапазона критикуемых НРД в силу нескольких причин.

Во-первых, сектоведы антикультовой школы сильно отличаются по количеству организаций, которые ими идентифицируются в качестве НРД. Диапазон известных им НРД может варьироваться от нескольких десятков до нескольких тысяч наименований. Сектовед всегда будет знать о большем количестве НРД, чем обратившийся к нему журналист, но нередко о меньшем количестве НРД, чем *de facto* идентифицируется совокупностью печатных СМИ страны. Однако, даже если сектовед имеет документальную информацию о тысяче НРД, разбираться он будет в достаточно ограниченном их количестве, как правило, в наиболее крупных и известных группах. Вне всякого сомнения, при встрече с журналистом сектоведы периодически затрагивают и малоизвестные группы, но такая модель поведения не будет доминировать, а ориентация на общеизвестные группы более распространена.

Во-вторых, журналистов наиболее часто интересует либо конкретное НРД, которому посвящена статья, лишь наиболее известные, актуальные, большие и опасные группы. У них, как и у сектоведов, изначально нет интенции упомянуть как можно больше разных НРД. Приоритет отдается описанию ограниченного набора наиболее популярных, значимых и узнаваемых аудиторией НРД, большинство из которых уже кем-то описывалось ранее.

Несмотря на означенные ограничения, контакт с профессиональными сектоведами будет способствовать некоторому расширению диапазона идентифицированных НРД.

¹ Обращение к Председателю Верховного Совета Республики Беларусь Шушкевичу С. С. от 11 мая 1993 года. Минск: рукопись, 1993. 7 с. (архив автора).

² См., например: Спасем детей от духовной чумы // Советская Белоруссия. 1993. 20 мая. № 82. С. 3; Республиканское общественное объединение «ОЗОН» // Наш край. 1996. 25 апр. № 49. С. 4; Обязательная сектология // Первое сентября. 2001. 7 июля. № 49. С. 6.

Совокупный вес факторов

Сила воздействий на печатные СМИ в направлении увеличения и/или уменьшения количества идентифицируемых НРД определяется индивидуальной конфигурацией перечисленных факторов, активирующихся в разных странах в разные периоды времени. По силе влияния их можно условно распределить на три группы.

К первой группе наиболее мощного влияния будет относиться государственное регулирование, сопровождающееся цензурой и госзаказом на тему НРД, приводящее в конечном итоге к уменьшению количества идентифицируемых НРД. Спротивляться этому фактору в тех странах, где он присутствует, большая часть прессы не может. Единичные, часто подпольные, издания, выживающие под давлением, о проблематике НРД думают в последнюю очередь. К первой группе относятся также конфликты редакции с НРД, но они в большей степени влияют на поддержание у прессы интереса к теме в целом, чем на увеличение количества идентифицированных НРД.

Ко второй группе факторов среднего уровня влияния относятся: а) госзаказ в странах без системы жесткого госрегулирования и цензуры; б) яркий информационный повод; в) контакт журналиста с НРД. Редакции не должны, но склонны публиковать подобные статьи по НРД, так как в большинстве случаев они представляют собой достаточно интересные, часто эксклюзивные материалы. При желании они могут и воспротивиться означенным импульсам.

К третьей группе факторов слабого уровня влияния относятся: а) запросы от населения; б) личность и опыт журналиста; в) специализация журналиста на теме НРД; г) контакт с профессиональными сектоведами. Материалы, подготовленные под их воздействием, не являются приоритетными и рассматриваются на общих основаниях в свободной конкуренции со статьями по другим темам. Если они покажутся редактору интереснее других, их опубликуют. В противном случае статья станет в более или менее длинную очередь ожидания публикации, а может быть и забракована в целом.

За исключением крайне редких случаев моратория на публикацию материалов по НРД, практически все означенные факторы способствуют увеличению количества обращений печатной прессы к теме НРД (первая переменная). В то же время все основные факторы, которые хоть как-то способствуют увеличению количества идентифицированных НРД (вторая переменная), относятся к группе слабого и среднего влияния. Даже при активизации они требуют времени и в свою очередь обусловлены множеством обстоятельств (напр., состоянием нетрадиционной религиозности в стране, конфигурацией наиболее активных НРД и др.). Сильные факторы способствуют торможению увеличения количества идентифицированных НРД.

Можно предположить, что значение имеют не только факторы сами по себе, но и различные варианты их комбинации друг с другом. Одна из задач будущих исследований должна состоять в макси-

мально возможном уточнении веса выделенных факторов и их комбинаций в процессе идентификации НРД. Основная методологическая проблема при этом состоит в том, что анализа исключительно содержания самих статей часто недостаточно. В них может не содержаться никаких следов от обращения в редакцию пострадавших от группы, запроса со стороны госорганов либо контакта журналиста с означенным НРД или профессиональным сектоведом. Установление контакта с авторами статей далеко не всегда возможно: не все материалы подписаны, какие-то выпущены под псевдонимами, не все журналисты помнят либо готовы поделить контекстом появления своих же давних статей. Наконец, с увеличением исследуемого периода многие авторы статей 1990–2000-х гг. уже недоступны.

Важно учитывать, что сама интенция на поиск материалов по ранее не упомянутым НРД чужда СМИ. Даже при благосклонном отношении редакции к теме НРД в целом у нее не хватит ни постоянства внимания к теме, ни ресурсов на освещение деятельности всех НРД страны. С этой задачей не справляются даже специализированные СМИ, полностью посвященные теме НРД. Редакции и журналисты никогда с достоверностью не могут сказать, сколько НРД действует в стране. Публикуя материал о конкретном НРД, они не могут быть уверены в том, что первые рассказывают об этой группе и о ней никто и никогда ничего не писал. Даже в тех случаях, когда статьи журналистов увеличивают количество религиозных организаций, вовлекаемых в публичное обсуждение в качестве НРД, для них этот акт является лишь частью рутинного исполнения своей работы. Иначе говоря, ни отдельная редакция газеты или журнала, ни совокупность печатных СМИ не проводят целенаправленную политику по увеличению количества идентифицируемых НРД. Конечный итог в виде общего объёма внимания печатных СМИ к теме НРД в заданный период времени является производной от множества неконтролируемых процессов взаимодействия между НРД и социокультурной средой.

Избирательность внимания печатных СМИ к НРД не является вопросом их свободного выбора: пресса не может не быть избирательной в теме НРД в силу специфики феномена нетрадиционной религиозности и организации своей работы. Пресса может, например, освещать деятельность всех политических партий страны, но не может охватить весь сегмент НРД (подразумевается возможность упоминания в прессе всех политических партий страны, без учета степени полноты и корректности репортажей о них). В рамках новых исследований ещё предстоит выяснить: а) есть ли подобные ограничения системного характера в охвате всего диапазона НРД у иных социальных институтов; б) охватывается ли весь диапазон фактически действующих НРД всеми социальными акторами вместе взятыми. Можно предположить, что в общем зачете иные социальные институты уменьшат выявленную разбежку между публично действующими и публично идентифицируемыми НРД, представленную на примере печатных СМИ.

Общественные объединения, традиционные религии, органы государственного управления, ученые вполне могут идентифицировать группы, ранее не упомянутые печатными СМИ.

Анализ совокупности идентифицированных НРД в диахронической перспективе может показать колебания в объеме внимания общества к теме НРД. Наконец, сравнительный анализ динамики развития НРД с колебаниями в реакции на их деятельность всех социальных институтов впервые даст надежные эмпирические данные для исследования общественных реакций на феномен нетрадиционной религиозности.

Библиографический список

1. Анро П. Франция и Великобритания: особенности двух медийных моделей и управление медиасферой в Евросоюзе // Информация и общественное мнение: От репортажа в СМИ к реальным переменам / Под ред. Румин Ислам. М.: Альпина Пабли., 2019. С. 235–258.

2. Мартинович В. А. Антисектантский дискурс печатных СМИ: проблематизация роли антикультового движения // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 109–125. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8089

3. Мартинович В. А. Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 4. С. 56–65.

4. Мартинович В. А. Средства коммуникации новых религиозных движений в Республике Беларусь // Журнал БГУ. Социология. 2021. № 3. С. 75–83. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-75-83

5. Creamer K., Dickenberger M. Wer's glaubt, wird selig. Jugendsekten. Weinheim & Basel: Betz Verlag, 1982. 96 s.

6. Dart J. Covering Conventional and Unconventional Religions: A Reporters View // Review of Religious Research. 1997. Vol. 39: 2. P. 144–152.

7. Deutscher Bundestag. 121. Sitzung, den 1. Dezember 1978. Bonn: Deutscher Bundestag, 1978. S. 9387–9464.

8. Evensen B. The Evangelical Origins of the Muckrakers // American Journalism. 1989. Vol. 6: 1. P. 5–29.

9. Jennrich P. Die Okkupation des Willens. Macht und Methoden der neuen Kultbewegungen. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1985. 254 s.

10. Nordhausen F., Billerbeck L. Scientology. Wie der Sektenkonzern die Welt erobern will. Berlin: Ch. Links, 2008. 616 s.

11. Oepen I. Laudatio für Dr. Thomas von Randow // Skeptiker. 1995. Vol. 8: 2. S. 60.

12. Pak B. H. Truth is my sword. Volume 1. Collected speeches in the public arena. New York: HSAUWC, 1999. 541 p.

13. Richardson J., van Driel B. Journalists attitudes toward new religious movements // *Review of Religious Research*. 1997. Vol. 39: 2. P. 116–136.
14. Scheffler A. C. “Jugendsekten” in Deutschland. Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1989. 229 s.
15. Schutze J. *Cauldron of Blood: The Matamoros Cult Murders*. New York: Avon Books, 1989. 248 p.
16. Sebastian R., Parameswaran A. Hare Krishnas in Singapore: Agency, State, and Hinduism // *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*. 2008. Vol. 23: 1. P. 63–85.
17. Sherwood C. *Inquisition. The Persecution and Prosecution of the Reverend Sun Myung Moon*. Washington: Regnery Gateway, 1991. 705 p.
18. *Sommercamp im Wilden Westen. Bleibt freie Liebe Utopie? Vorzeichen eines neuen Lebensmodells*. Hrsg. Birger Bumb & Beate Möller. Radolfzell am Bodensee: Verlag Meiga, 1990. 200 s.
19. Stamm H. *Sekten. Im Bann von Sucht und Macht. Ausstiegshilfen für Betroffene und Angehörige*. Zürich: Kreuz, 1995. 220 s.
20. Terry M. *The Ultimate Evil*. New York: Bantan Books, 1987. 640 p.
21. Wright S. Media Coverage of Unconventional Religion: Any “Good News” for Minority Faiths? // *Review of Religious Research*. 1997. Vol. 39: 2. P. 101–115.

Статья поступила 26.10.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартинович Владимир Александрович, доктор теологии Венского университета, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой апологетики, Минская духовная академия Белорусского экзархата РПЦ, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774

Identification of New Religious Movements in the Practice of Editorial Offices and Journalists of Print Media

Vladimir A. Martinovich

Minsk Theological Academy of the Belarusian Exarchate of Russian Orthodox Church,
Minsk, Republic of Belarus

E-mail: nrm2@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2516-1153

For citation: Martinovich V. A. Identification of new religious movements in the practice of editorial offices and journalists of print media. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 67–85. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774

Abstract. Social institutions react selectively to the religious diversity of the modern world. As a result, an imbalance is formed between new religious movements actually operating in the public space and the level of their identification by social actors. The new religious movements that come into the focus of attention in different countries are, by most of their characteristics, unrepresentative of the general set of non-traditional religious communities in these countries. Nevertheless, for social actors they become a reference model in the formation of ideas about the phenomenon of new religious movements in general. The higher the level of imbalance, the less social perceptions of new religions correspond to their actual characteristics in a particular region. A comprehensive study of the identification of new religions allows to explain the origin of the ideas and illusions spread in society about new religious movements, to clarify the logic of the actions of social actors in the confessional sphere, and to a certain extent to predict their results. Abnormally large imbalances for individual institutions of society require additional analysis.

For the print media of the Republic of Belarus, the gap between the groups identified and operating in the country is more than 700 organisations for the period 1988–2021. The article is devoted to the analysis of the factors that influence the editorial offices and journalists of the print media in the process of preparing materials on new religious movements in general, and their identification in particular. The main highlighted factors are: state regulation, political order and censorship, requests to the editorial office from the population, a bright informational occasion, a journalist's contact with a new religious movement, a conflict between a religious group and the media editors, a journalist's personality and experience, a journalist's specialisation on the topic of new religious movements, a journalist's contact with professional sectologists. The article analyses the level of influence of each factor on the identification of new religious movements in the press, and reveals methodological problems of the analysis of this topic. It is demonstrated that, due to the specifics of the phenomenon of non-traditional religiosity and the organisation of the work of editorial offices and journalists, the print media can only selectively identify new religions.

Keywords: new religious movements, identification of religious organisations, print media, non-traditional religiosity

References

1. Anro P. Francia i Velikobritaniya: osobennosti dvuh medijnyh modelej i upravlenie mediasferoj v Evrosouze [France and Great Britain: features of two models of the media and the media sphere management in European Union]. *Information and public opinion: from reportage in Media to real changes*. Ed. by Rumin Islam. Moscow, Alpina Publ., 2019: 235–258 (in Russ.).
2. Martinovich V. A. The Anti-Cult Discourse of Print Media: Problematization of the Role of the Anti-Cult Movement. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, 2021: 27: 2: 109–125 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8089
3. Martinovich V. A. Identification of new religious movements in printed media in the Republic of Belarus. *Journal of Belarusian State University. Sociology*, 2017: 4: 56–65 (in Russ.).
4. Martinovich V. A. Means of communication of new religious movements in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2021: 3: 75–83 (in Russ.). DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-75-83
5. Creamer K., Dickenberger M. *Wer's glaubt, wird selig. Jugendsekten*. Weinheim & Basel, Betz Verlag, 1982: 96.
6. Dart J. Covering Conventional and Unconventional Religions: A Reporters View. *Review of Religious Research*, 1997: 39: 2: 144–152.
7. Deutscher Bundestag. 121. Sitzung, den 1. Dezember 1978. Bonn, Deutscher Bundestag, 1978: 9387–9464.
8. Evensen B. The Evangelical Origins of the Muckrakers. *American Journalism*, 1989: 6: 1: 5–29.
9. Jennrich P. *Die Okkupation des Willens. Macht und Methoden der neuen Kultbewegungen*. Hamburg, Hoffmann und Campe, 1985: 254.
10. Nordhausen F., Billerbeck L. *Scientology. Wie der Sektenkonzern die Welt erobern will*. Berlin, Ch. Links, 2008: 616.
11. Oepen I. Laudatio für Dr. Thomas von Randow. *Skeptiker*, 1995: 8: 2: 60.
12. Pak B. H. *Truth is my sword. Volume 1. Collected speeches in the public arena*. New York, HSAUWC, 1999: 541.
13. Richardson J., van Driel B. Journalists attitudes toward new religious movements. *Review of Religious Research*, 1997: 39: 2: 116–136.
14. Scheffler A. C. „Jugendsekten“ in Deutschland. *Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1989: 229.

15. Schutze J. Cauldron of Blood: The Matamoros Cult Murders. New York, Avon Books, 1989: 248.
16. Sebastian R., Parameswaran A. Hare Krishnas in Singapore: Agency, State, and Hinduism. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*, 2008: 23: 1: 63–85.
17. Sherwood C. Inquisition. The Persecution and Prosecution of the Reverend Sun Myung Moon. Washington, Regnery Gateway, 1991: 705.
18. Sommercamp im Wilden Westen. Bleibt freie Liebe Utopie? Vorzeichen eines neuen Lebensmodells. Hrsg. Birger Bumb & Beate Möller. Radolfzell am Bodensee, Verlag Meiga, 1990: 200.
19. Stamm H. Sekten. Im Bann von Sucht und Macht. Ausstiegshilfen für Betroffene und Angehörige. Zürich, Kreuz, 1995: 220.
20. Terry M. The Ultimate Evil. New York, Bantan Books, 1987: 640.
21. Wright S. Media Coverage of Unconventional Religion: Any “Good News” for Minority Faiths? *Review of Religious Research*, 1997: 39: 2: 101–115.

The article was submitted on: October 26. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Martinovich, Doctor of Theology (Vienna University),
Candidate of Sociological Sciences, Head of the Apologetics Department,
Minsk Theological Academy of the Belarusian Exarchate of Russian Orthodox Church,
Minsk, Republic of Belarus

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодёжи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы¹

Ссылка для цитирования: *Марин Е. Б.* Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодёжи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

For citation: Marin E. B. The structure of protest thinking and the idea of social protest among young people of generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022, Vol. 13. No. 1. P. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

Марин Егор Борисович^{1, 2, 3}

¹Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

³Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия

egor-marin@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 377935

Аннотация. В ходе исследования была проведена реконструкция представлений респондентов о пяти формах коллективного протестного поведения: петиции, митинге, забастовке, бунте и восстании с применением частного семантического дифференциала (СД) для оценки протеста. Полученные сырые данные СД были обработаны с применением метода факторного анализа, а также с применением методики расчёта семантических универсалий. Метод факторизации позволил выявить внутреннюю имплицитную структуру данных, редуцировав большой объём информации до нескольких факторов. Семантические универсалии представляют собой согласованные в группе оценки стимула по шкалам СД, что отражает общие для респондентов представления о стимуле.

В статье представлен анализ категориальных структур протестного сознания двух поколений молодёжи, чья активность играет особую роль в протестных акциях: представителей поколения «Y» (или миллениалов) и представителей поколения «Z» (или центениалов).

Метод факторного анализа позволил выявить актуальные для групп молодёжи поколения «Y» и поколения «Z» три интегральные оси (шкалы) оценивания различных форм протестной активности. Данные шкалы опосредуют формирование отношения молодёжи к протесту. Знание категориальной структуры протестного сознания молодёжи, понимание структуры и содержания имплицитных субъективных шкал оценивания различных форм протеста молодёжью позволяют моделировать ситуации генезиса и развития протестов, осуществлять прогноз и оценку социальной динамики. Анализ содержания представлений

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31-518 «Семантика протестного сознания и формы протестной активности российской молодёжи в контексте новых угроз безопасности Российской Федерации»

о протестных формах показал безусловно положительное отношение молодёжи к петиции и митингу. Эти формы протестной активности согласованно оценивались положительно во всех выборках. Образ забастовки в основном положительный, но есть особенности восприятия в разных регионах. Образ насильственных радикальных форм протеста, бунта и восстания заметно отличается от образа остальных форм протестной активности. Прежде всего, эти формы в наибольшей степени воспринимаются как сильные и активные среди всех форм протеста. Также молодёжь высоко оценивает их масштабность («большие»). Эти формы, кроме того, согласованно оцениваются как непривлекательные и некрасивые. Также молодёжь всех выборок считает их крайне агрессивными. Но негативные коннотации не означают неприемлемость насильственных форм протеста. Смысловой анализ показал амбивалентность содержания образов бунта и восстания. Респонденты в трёх выборках из четырёх считают их не чужими, не бессмысленными и не лицемерными. Для молодёжи это обладающие большой силой и масштабом, крайне агрессивные и непривлекательные, но не чужие и не бессмысленные формы протеста.

Ключевые слова: протест, политическое сознание, психосемантика, Дальний Восток, Москва, молодёжь, поколение «Y», поколение «Z»

Актуальность

Одним из наиболее значимых процессов, наметившихся в российском обществе последних лет, является выход на арену социальной и политической жизни молодых поколений, активных и амбициозных, быстро приобретающих опыт политической деятельности, выражения своей гражданской позиции. Поколения «Y» (или миллениалы, родившиеся в период 1982–2000 гг.) и «Z» (или центениалы, годы рождения которых начинаются с 2001 и далее) ещё мало изучены как политические акторы и являются фактором X в политическом пространстве России. И одним из наиболее динамичных направлений их активности является активность протестная.

В настоящей работе предпринимается попытка анализа структурно-содержательных характеристик протестного сознания молодёжи поколений «Y» и «Z». Протестное сознание включает все формы отражения сферы протестных явлений в сознании субъектов. Общественное сознание отражает протестные явления в форме представлений, взглядов, чувств и эмоций, общественных настроений. В отношении политического сознания протестное сознание является его частью.

Изучение их протестного сознания необходимо для адекватного прогнозирования их активности, предотвращения и разрешения конфликтов, выстраивания диалога между властью и гражданским обществом.

Изученность темы

Представления о политических, в том числе протестных, феноменах рассматриваются в рамках нескольких направлений.

В нашей стране наиболее активное изучение протестности ведётся российскими социологами. В рамках социологических исследований раскрывается социальная обусловленность протестного поведения.

Аналізу проблем современной российской протестности посвящены работы В. А. Артюхиной [2], О. Ю. Гараниной [7], Р. Х. Салахутдинова [19], О. И. Габа [6], Ю. А. Акуниной [1].

Изучению особенностей протестного сознания и протестного поведения молодёжи посвящены работы Г. В. Барановой [3], Ю. А. Красина, Д. В. Волкова [5], М. М. Назарова [11], Е. Н. Соломатиной [23] и др. Одним из перспективных направлений изучения молодёжи является поколенческий подход, применяемый во всё большем количестве исследований [17].

В некоторых работах предпринимается попытка междисциплинарного анализа проблемы молодёжного протеста. Так, О. И. Габа выделяет в протестном поведении субъективный (психологический) и объективный факторы (социально-политические условия). Среди наиболее значимых причин протестной активности молодёжи он называет завышенные притязания молодёжи к себе и окружающим, осознание невозможности самореализации в полной мере, внешние социальные и политические условия [6, с. 148].

В целом применение традиционных социологических методов и подходов дало возможность выявить многие характеристики протестного поведения и обуславливающие его причины.

Образы политических объектов, особенности восприятия политических явлений изучаются в рамках политической психологии. Крупным центром политической психологии и социологии в нашей стране является кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Е. Б. Шестопад [25; 26], А. Л. Зверев и И. С. Палитай [8], С. В. Нестерова [24] провели ряд продуктивных исследований и разработали свою методологию изучения образов политических феноменов. В рамках данной школы в образе политических объектов принято выделять рациональный и бессознательный компоненты, применяя для анализа этих явлений сочетание социологических, психологических и политологических методик и интерпретаций.

Формирование механизмов коллективного протестного поведения изучалось в контексте различных социально-психологических направлений. Можно упомянуть теорию относительной депривации Дж. Дэвиса и С. Стауффера [28]. К более новым относится модель коллективной активности, основанной на социальной идентичности, описанная в работах Мартина ван Зомерена с соавторами [29].

Модель ван Стакельберга (Штакельберга) описывает коллективное протестное поведение как реакцию группы на обиду, в которой интегрирующую роль играет процесс идентификации [32; 33].

В работах Каманса [35], а также Райта и Мохаддама [34] была выявлена зависимость путей осуществления протеста от мотивирующих протестное поведение эмоций.

Внимание исследователей было обращено и на роль современных социальных сетей в протестной мобилизации. В работах Кладерманса [31] и МакКлурга [30] было показано, как социальные сети становятся ресурсом для объединения недовольных.

Таким образом, особенностью социально-психологических моделей протестной активности является изучение формирующих протест коллективных психологических механизмов.

Кроме социологических методов начиная с 1990-х гг. в нашей стране для исследования политического сознания стали применяться методы психосемантики. Так, В. Ф. Петренко и О. В. Митина разработали свой подход к изучению политического менталитета методами психосемантики [15; 16]; ими было описано семантическое пространство политических партий [14], а также имидж государства и политических лидеров [12; 13].

Методы

В проведённом нами в 2020 г. исследовании протестного сознания и форм протестной активности молодёжи Дальнего Востока и Москвы применялась мультимодальная методология. В опросе использовались социологическая анкета для изучения политического и протестного участия, специализированный семантический дифференциал для оценки протеста и ассоциативная методика. Под политическим участием понимаются действия граждан с целью повлиять на функционирование политической системы и формирование политических решений, например электоральное поведение, участие в деятельности политических партий и движений. Протестное участие является разновидностью политического участия и предполагает участие в разных формах протестной активности, таких как митинги, перекрытие дорог, забастовки и т. д.

Методика семантического дифференциала (СД) предполагает, что респонденты оценивают каждую из предложенных форм протеста по предложенному в бланке СД набору характеристик, используя шкалу от 1 до 7.

В данной статье анализируются данные семантического дифференциала для оценки протеста.

Статья посвящена реконструкции представлений двух поколений молодёжи об основных формах социального протеста, выполненной с применением психосемантического подхода. Данный подход включает такие методы изучения психических явлений, которые позволяют изучить индивидуальные и групповые системы значений и смыслов и установить связи между ними.

Характеристика содержания и методики применения методов психосемантики представлена в работах В. Ф. Петренко [12], В. П. Серкина [20; 22] и А. Г. Шмелёва [27].

В ходе исследования была проведена реконструкция представлений респондентов о пяти формах коллективного протестного поведения: петиции, митинге, забастовке, бунте (стихийное массовое насильственное выступление против власти или её действий) и восстании (организованное выступление тех или иных социальных групп против политической власти, с целью её свержения), с применением частного семантического дифференциала для оценки протеста.

Респондентам было предложено оценить эти формы протеста с использованием методики семантического дифференциала (СД). СД представляет собой набор шкал, используемых для выявления субъективных представлений испытуемых. Нами был составлен рабочий вариант СД для оценки протеста, включающий 20 шкал. За основу был взят пилотажный вариант СД, который был применён нами чуть ранее [10].

Полученные исходные данные СД были обработаны с применением факторного анализа и методики расчёта семантических универсалий. Факторизация данных была проведена в программе СПСС 21 по методу главных компонент (Extraction Method: Principal Component Analysis. Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization).

Метод факторизации позволяет выявить внутреннюю имплицитную структуру данных, редуцировав большой объём информации до нескольких факторов. Особенностью факторов является устойчивая корреляция между несколькими шкалами СД, что позволяет описывать каждый фактор как интегральную категорию оценивания стимула. Если такая категория применяется при оценивании однородных явлений устойчиво, то она является неслучайной и отражает структуру мышления респондентов.

Кроме того, для обработки этих же данных СД была применена методика семантических универсалий, разработанная известным московским психологом Е. Ю. Артемьевой. Семантической универсалией называется список выделенных для данного стимула координат, одинаково оцениваемых значимым большинством однородной группы испытуемых [21]. Метод позволяет выявить согласованные в группе оценки стимула по шкалам СД, что отражает общие для респондентов представления о стимуле. Расчёт семантических универсалий по методу Е. Ю. Артемьевой позволил определить согласованные характеристики различных форм протестной политической активности.

В качестве стимулов предлагались формы протестного поведения, то есть молодёжь оценивала обобщённый образ протестных форм. Целью данной работы было не столько определить уровень протестной готовности и отношение к конкретным протестным событиям, сколько выявить имплицитную категориальную структуру оценивания протеста в целом.

Выборка

Опрос проходил в августе – начале декабря 2020 года на Дальнем Востоке и в Москве. Всего в исследовании принял участие 1241 респондент в возрасте от 15 до 30 лет, из них 56,2% – женщины. Две трети респондентов проживают на Дальнем Востоке России (в опросе участвовали представители всех регионов Дальнего Востока: Приморского, Забайкальского, Камчатского и Хабаровского краёв, Амурской, Магаданской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области, Республик Бурятия и Саха (Якутия), Чукотского автономного округа), одна треть – в Москве и Московской области. Выборка формировалась методом доступных случаев.

В соответствии с поколенческим подходом [18] выборка была поделена на две группы.

А. Поколение «Z» или центениалы: респонденты в возрасте от 15 до 19 лет, всего 748 наблюдений. 453 человека – представители Дальнего Востока, 295 человек – Москвы и Московской области. 55,5% – женщины. По социальному составу – школьники старших классов и студенты младших курсов.

Б. Поколение «Y» или миллениалы: 493 человека, возраст – от 20 до 30 лет. Из них 378 человек – представители Дальнего Востока, 115 – Москвы и области. 57,4% – женщины. По социальному составу это студенты, магистранты и работающие молодые люди.

Основной задачей опроса было изучить протестное сознание молодёжи Дальнего Востока, также была поставлена задача сравнить протестное сознание молодёжи Дальнего Востока и Москвы. При этом фактически полученная в Москве выборка оказалась меньше дальневосточной. На это повлияли такие факторы, как эпидемическая ситуация (опрос в Москве проводился осенью 2020 г.), а также насторожённость администрации учебных заведений по поводу целей данного опроса. Тем не менее полученные по Москве данные ввиду их новизны представляют интерес.

Фактор «Интеллектуальности и честности»

С применением факторного анализа данных семантического дифференциала (СД) были выявлены три общих фактора (категории) оценивания протеста (табл. 1).

Первую категориальную структуру протестного менталитета мы обозначили как фактор «Интеллектуальности и честности». Он встречается во всех реконструкциях без исключения, соответственно его структура отражает важную «ось» оценивания протеста молодёжью.

Таблица 1 (Table 1)

Общие факторы оценивания протеста респондентами

General factors of protest assessment by respondents

№	Наименование фактора
1	Фактор «Интеллектуальности и честности»
2	Фактор «Лицемерия и корыстности»
3	Фактор «Силы и агрессивности»

При оценивании протеста как для поколения «Z», так и для поколения «Y», наиболее важны такие его характеристики, как честность и интеллектуальность. При оценивании разных форм протеста респондентами, тесно связанными оказались такие дескрипторы СД, как «честный» и «интеллектуальный». Это означает, что при математической обработке данных СД выявились устойчивые корреляции оценки стимулов респондентами по данным характеристикам.

Это верно для молодёжи и Дальнего Востока, и Москвы. Связь этих двух характеристик, вероятно, неслучайна. На глубинном уровне сознания понятия интеллектуальный (разумный, осмысленный, обладающий развитым интеллектом) и честный оказались тесно связаны.

Как можно предположить, оцениваемый как интеллектуальный протест вызывает больше доверия у молодых людей. Возможна и обратная связь.

Такие признаки, как интеллектуальный и честный, для молодёжи поколения «Z» (как Дальнего Востока, так и Москвы) в высокой степени коррелируют с такими характеристиками, как привлекательный и красивый.

Дескрипторы «привлекательный» и «красивый» являются маркерами классической шкалы оценки Ч. Осгуда; их наличие в факторе позволяет говорить о положительной оценочной оставляющей, а именно, означает привлекательность «умного» и «честного» протеста для молодёжи этого возраста.

У поколения «Y» и поколения «Z» московской выборки фактор «Интеллектуальности и честности» включает в себя два семантических ядра: ведущее семантическое ядро включает дескрипторы интеллектуальный и честный (имеющие максимальную факторную нагрузку); второе семантическое ядро составляют дескрипторы свободный, справедливый и открытый.

При этом фактор «Интеллектуальности и честности» включает и дескрипторы классической триады Ч. Осгуда «оценка-сила-активность».

Категории интеллектуальности и честности у поколения «Y» коррелируют с категориями справедливости и свободы. Это проявилось во всех проведённых нами реконструкциях на материалах поколения «Y» без исключения. Это означает, что для более взрослого поколения «Y», эти категории являются очень важными. Вероятно, также это поколение шире осмысляет протест. Честный и интеллектуальный протест рассматривается как справедливый и свободный.

Такое сочетание дескрипторов в факторе позволяет предположить, что стиль «интеллектуальности» и честности-открытости в поведении организаторов и участников протестных акций будет восприниматься молодёжью всех изученных нами групп безусловно положительно и будет фактором формирования доверия к этим акциям.

И наоборот, запрет на участие в протесте со стороны, например, родителей или школы-вуза может быть проинтерпретирован представителем молодёжной аудитории как маркер ограничения их личной свободы и вызвать обратную реакцию, увеличивая доверие и интерес к мероприятию.

Фактор «Лицемерия и корыстности»

Следующая ключевая ось оценивания акций протеста отражена в факторе «Лицемерия и корыстности». Данный фактор присутствует также у всех выборок как поколения «Z», так и поколения «Y».

В составе фактора присутствуют такие шкалы, как «корыстный», «лицемерный», «коррупцированный» и «чужой».

Его присутствие во всех реконструкциях означает высокую значимость этих категорий. Для молодёжи важно, есть ли у протестных акций признаки личной заинтересованности организаторов или самих участников такие отрицательные черты, как корыстность и лицемерие. С этими двумя качествами также тесно коррелирует такая характеристика, как «коррупцированный». Это логично, поскольку коррупция и основана на мотиве обогащения в обход норм и закона.

Три эти характеристики – лицемерие, корыстность и коррупцированность – в сознании респондентов, как можно увидеть, устойчиво взаимосвязаны. Как можно предположить, при такой устойчивой связи этих категорий они будут влиять друг на друга. Протестную акцию, оцениваемую как лицемерную, молодые люди, вероятно, будут склонны воспринимать как корыстную по своей сути, и наоборот. Наличие признаков корыстности и обмана даст основание подозревать лидеров протеста в коррупцированности и оценивать саму протестную акцию негативно (агрессивная, страшная) или обесценивать её (характеризовать протест как бессмысленный). В восприятии молодёжи эти качества делают протест «чужим». Характеристика «чужой» является в общественном сознании маркером непривлекательности, антонимом характеристики «свой» в семантической оппозиции «свой — чужой».

Если учитывать особенности реконструкций, то для обеих выборок Москвы и для поколения «Y» Дальнего Востока корыстность и лицемерие делают протест бессмысленным. Коррупцированный протест для молодёжи лишён смысла как такового.

Фактор «силы и агрессивности»

Третья общая «ось» оценки протеста представлена фактором «Силы и агрессивности». Он реконструирован на трёх выборках: поколение Z – Дальний Восток, поколение «Y» – Дальний Восток и поколение «Y» – Москва.

Фактор состоит из сочетающихся дескрипторов классической триады Ч. Осгуда. Дескрипторы сильный, твёрдый и большой являются маркерами фактора «силы»; активный и быстрый – фактора активности, а агрессивный и злой – фактора оценки. Сочетание этих дескрипторов позволяет говорить о применимой к оценке протестных явлений интегральной шкалы «силы и агрессивности».

Входящие в фактор «Силы и агрессивности» категории, такие как сильный, большой и твёрдый, отражают силу и масштабы протестного процесса. При этом характеристики силы и размера тесно взаимосвязаны с такими шкалами, как агрессивный и злой. Можно предположить, что сила и размах могут быть и пугающими, возможно из-за неконтролируемого характера, а также из-за последствий.

У представителей поколения Y как Москвы, так и Дальнего Востока в состав фактора входит шкала «злой», и фактор приобретает значение «злой силы».

При ряде ограничений процедуры факторизации в анализируемой факторной структуре появляются дополнительные дескрипторы, позволяющие говорить об амбивалентности оценки различных форм протеста молодёжью по этой интегральной шкале. С одной стороны, чем сильнее, больше и активнее протест, тем более злым и агрессивным он видится представителям молодёжных групп. С другой стороны, несмотря на наличие негативных характеристик (агрессивный, злой и даже страшный), у некоторых исследуемых групп (например, поколение Z московской молодёжи) в структуре данного фактора появляются такие дескрипторы, как справедливый, открытый и свободный. Можно предположить, что молодёжь имплицитно чувствует связь между увеличением размера и масштаба протеста с его агрессивностью и злостью; но одновременно такой нарастающий по силе и масштабу протест становится более привлекательным для молодёжи справедливостью и свободой.

Таким образом, можно отметить практически полную идентичность полученных категорий протестного менталитета внутри одного поколения для Дальнего Востока и Москвы. То есть молодёжь разного возраста, проживающая в разных регионах, мыслит общими категориями. Однако между поколениями при совпадении основных характеристик есть особенности.

Представление о петиции

Далее мы представим качественный анализ результатов расчёта семантических универсалий (общее по всей выборке).

Расчёт семантических универсалий по методу Е. Ю. Артемьевой позволил выявить согласованные характеристики различных форм протестной политической активности. Семантические универсалии представляют собой согласованные в группе представления о стимуле, в качестве стимулов выступали формы протеста. Расчёт семантических универсалий проводится на основе данных семантического дифференциала. Этот метод даёт возможность выявить общие представления респондентов об изучаемом явлении, в данном случае о формах протестной активности.

Сами таблицы универсалий по каждому стимулу мы не приводим, чтобы не перегружать текст.

Выявленные посредством расчёта семантических универсалий устойчивые черты разных форм протеста позволяют дать им абсолютные оценки, а не только выявить актуальные категории оценивания этих явлений, получаемые при факторном анализе данных. Тем самым результаты расчёта семантических универсалий дополняют результаты факторного анализа.

Было определено, как молодёжь оценивает такую форму протеста, как петиция. Поясним, что петиция (от лат. *petition* – запрос) – это коллективное обращение (требование, запрос, прошение) к органам власти.

Петиция воспринимается представителями обоих поколений молодёжи Дальнего Востока и Москвы практически идентично. Представителями обоих поколений она согласованно оценивается как честная, свободная, открытая и справедливая (высокая степень положительного отношения).

Поколение «Y» Дальнего Востока рассматривает её также как «интеллектуальную». Соответственно, по фактору «интеллектуальности и честности» она оценивается положительно.

Кроме того, петиция во всех выборках рассматривается как не корыстная, не коррумпированная, а также не злая и не агрессивная (в представлении респондентов для стимула не свойственны отрицательные характеристики). Кроме того, молодёжь Москвы поколения «Y» и поколения «Z» оценивает петицию как «не страшную».

Это означает, что по факторам силы и агрессивности, а также лицемерия и корыстности она будет оцениваться молодёжью обоих поколений отрицательно.

Можно сказать, что образ такой формы протеста и волеизъявления, как петиция, привлекателен для молодёжи обоих поколений. В сознании молодёжи разных регионов она имеет целиком положительный имидж. Отсутствие негативных коннотаций в образе этой формы позволяет говорить о доверии респондентов к ней. Как можно предположить, молодёжь обоих поколений легко поддержит подписание петиций протестного характера.

Можно отметить, что возможность выдвижения коллективных общественных обращений к органам власти разных уровней предусмотрена Указом Президента России № 183 от 4 марта 2013 г. Выдвижение обращений осуществляется в форме общественных инициатив с помощью интернет-платформы «Российская общественная инициатива». Там же можно подписать обращение (инициативу). Если она набирает 100 000 голосов, её обязаны рассмотреть федеральные органы власти. Среди выдвинутых инициатив были и предложения от «Фонда борьбы с коррупцией» Навального. Данная платформа пока известна далеко не всем.

Более известным ресурсом общественных обращений является сайт петиций «Change.org». В отличие от первой, это неофициальная площадка (органы государственной власти не обязаны рассматривать размещённые на ней петиции), однако её популярность и широкое обсуждение в СМИ придаёт петициям силу общественного мнения.

Восприятие митинга как формы протеста

Образ митинга как формы протеста схож у обоих поколений, но имеет и различия.

В представлении молодёжи обоих поколений как Дальнего Востока, так и Москвы митинги не связываются с корыстностью, коррупцией и лицемерием. Это означает, что по оси «лицемерия и корыстности», применяемой для оценивания протеста, митинг с высокой долей вероятности будет оценён положительно. Митинг оценивается обеими группами как более активный, чем петиция. Оба поколения оценивают его как «открытый».

Во всех четырёх выборках митинг оценивается как «не чужой». Это означает, что при определённых условиях молодёжь может включиться в данную форму активности.

При этом из списка дескрипторов семантической универсалии стимула «митинг» (в сравнении с характеристиками петиции) исчез ряд характеристик. Так, молодёжь уже не оценивает митинг как не агрессивный, не злой и не страшный. Молодые люди осознают более сильную и неоднозначную энергетику этой формы протеста.

Восприятие данной формы протеста имеет внутри поколений почти идентичный характер в Москве и на Дальнем Востоке. А вот между поколениями есть важные различия.

Представителями младшего поколения «Z» Дальнего Востока и Москвы митинг, как и петиция, рассматривается как свободный и честный. У представителей поколения «Y» обоих регионов таких оценок нет. При этом для поколения «Y» двух регионов митинг согласованно оценивается как «не красивый», то есть в его образе появляется одна отрицательная характеристика.

Соответственно, есть существенные различия в восприятии митингов двумя поколениями: если младшее поколение «Z» склонно безусловно положительно воспринимать и в какой-то мере идеализировать митинги (воспринимая их как честную, свободную и активную форму волеизъявления), то старшее поколение оценивает их более сдержанно. Меньшее количество согласованных оценок в старшей группе свидетельствует о неоднозначности восприятия данной формы протеста в ней.

В целом можно резюмировать, что молодёжь относится к митингу более настороженно, но, тем не менее, положительно. Более старшие поколения воспринимают эту форму протеста амбивалентно, осознавая не только позитивный, но и агрессивный её потенциал. Юное поколение «Z» воспринимает митинги более идеалистично.

Представление о забастовке

В восприятии такой формы протеста как забастовка, между поколениями и регионами выявлены существенные различия.

Проанализируем сначала представление о забастовке представителей двух поколений. К общему в представлении об этой форме протеста молодёжи двух поколений можно отнести то, что забастовка не воспринимается как лицемерная и коррумпированная. Кроме того, оба поколения оценивают её как активную и большую.

В остальном образ забастовки у представителей двух поколений различается. Молодёжь поколения «Z» воспринимает забастовки позитивно, а представители поколения «Y» – более неоднозначно. Молодёжь поколения «Z» считает забастовку открытой, справедливой и свободной, но уровень выраженности этих качеств оценивается как не очень высокий (4 балла из 7 возможных при оценке шкал СД). Забастовка стереотипно воспринимается как честная, но и в этом случае уровень выраженности оценок невысокий.

Проведём сопоставление семантических универсалий с данными факторного анализа. Наличие дескриптора «честный» в составе семантической универсалии стимула «забастовка» позволяет говорить о том, что по фактору «Интеллектуальности и честности» забастовка будет оцениваться положительно.

В целом, у поколения «Z», оценки для этой формы протеста имеют тенденцию к среднему, то есть её образ положительный, но не яркий. Вероятно, она менее актуальна и привлекательна для молодёжи этого поколения, чем митинг. Для молодых людей такая форма протеста, как забастовка хорошо известна, но ассоциируется скорее с протестом рабочих.

Если восприятие забастовки поколением «Z» Москвы и Дальнего Востока практически совпадает (положительный, но не яркий образ), то образ этой формы протеста у представителей поколения «Y» двух регионов различен.

Для поколения «Y» Москвы это честная, открытая, активная и справедливая форма протеста (как и для поколения «Z»).

При этом поколением «Y» Дальнего Востока забастовка, напротив, оценивается как «агрессивная» и «злая» форма протеста. Молодёжь поколения «Y» Дальнего Востока не считает забастовку открытой, справедливой, свободной и честной. Для этого поколения данная форма протеста скорее всего оценивается с негативным оттенком.

При этом обоими поколениями типичная забастовка воспринимается как «не красивая».

Оба поколения молодёжи Москвы считают её «не чужой», т. е. в семантической оппозиции «свой – чужой» забастовка воспринимается скорее как «своя». Для Дальнего Востока не было чёткой оценки по этой шкале.

Причиной данных различий в представлениях о забастовках может быть более острая и жёсткая форма протекания забастовок на периферии, где трудовые конфликты меньше регулируются законом (Дальний Восток имеет большие проблемы с исполнением норм закона, на что обращал внимание и президент России).

Представление о бунте

Бунт оценивается двумя поколениями согласованно как активная и сильная форма протеста. Во всех выборках он оценивается как активный, агрессивный, сильный, твёрдый и большой. Такой состав дескрипторов говорит о выраженности категорий силы и активности в образе бунта.

Также согласованно он воспринимается как «не лицемерный» и «не корыстный», причём у младшего поколения обоих регионов эта оценка более выраженная. Не коррумпированным его считают все выборки, кроме поколения «Y» Дальнего Востока. То есть по оси «лицемерия и корыстности» бунт получит отрицательную оценку.

Данная форма протеста оценивается как «злая» и «агрессивная», причём степень согласованности выше у старшего поколения. Только в выборке поколения «Z» Москвы дескриптор «злой» отсутствует.

Наличие дескрипторов «сильный» и «агрессивный», в составе семантической универсалии стимула «бунт» позволяет говорить о том, что по фактору «силы и агрессивности» бунт будет оцениваться положительно. Молодёжь осознает силу и разрушительный потенциал этого явления.

Бунт для молодёжи обоих поколений одновременно «не привлекательный» и «не красивый». Кроме того, в образе бунта отсутствуют привлекательные для молодёжи признаки честности и интеллектуальности. Данная форма протеста непривлекательна и нежелательна как для поколения «Z» так и для поколения «Y».

Но в то же время бунт согласованно оценивается как не лицемерный, и не корыстный. Также он оценивается во всех четырёх выборках как «не чужой» в дихотомии «свой-чужой». Готовность молодёжи оценивать бунт больше как «свой», чем «чужой», несмотря на его осознаваемую непривлекательность, может означать, что при определенных условиях она может принять эту форму протеста и подключиться к ней.

Как мы полагаем, образ такой формы протеста, как бунт, у молодёжи обоих поколений амбивалентен. При непривлекательности и осознаваемой опасности эта форма для респондентов «не чужая» и воспринимается как несущая большой потенциал силы и активности.

Образ восстания

Восстание оценивается двумя поколениями согласованно как активная, большая и сильная форма протеста.

Также согласованно оно воспринимается как «не лицемерное» и «не корыстное». То есть по оси «лицемерия и корыстности» восстание получит отрицательную оценку.

Оба поколения согласованно оценивают восстание как «не привлекательное» и «не красивое».

Всеми выборками восстание оценивается как агрессивное явление.

Однако в трёх выборках из четырёх (кроме поколения «Y» Дальнего Востока) восстание оценивается как и «не бессмысленное», и «не чужое». То есть в дихотомии бессмысленный-осмысленный для молодёжи восстание скорее осмысленное явление.

В образе восстания заметны серьёзные различия между регионами по поколению «Y». Так, поколением «Y» Москвы восстание оценивается амбивалентно, как агрессивная, но не чужая и не бессмысленная форма протеста.

В отличие от Москвы поколением «Y» Дальнего Востока оно также оценивается как злая и страшная форма политики. Кроме того, поколением «Y» Дальнего Востока оно воспринимается как «не интеллектуальное», а дескриптор «не чужой» пропадает. Таким образом, восстание воспринимается поколением «Y» Дальнего Востока резко отрицательно. Наше исследование показало, что у молодёжи Москвы образ восстания оказался относительно более позитивным, чем у дальневосточной. Как представляется, на это может влиять осознание своего уязвимого положения жителями периферии (несмотря на их протестность), а также интуитивно воспринимаемая слабость государства

В целом, у трёх выборок, кроме поколения «Y» Дальнего Востока, образ восстания амбивалентен. Это непривлекательная, агрессивная, но и в максимальной степени сильная и активная форма протеста, воспринимаемая молодёжью как не чужая и не бессмысленная. Как мы полагаем, на глубинном уровне эта политическая форма может быть принята молодёжью обоих регионов поколения «Z». Для поколения «Y» Москвы это также может стать приемлемой формой протеста в самом крайнем случае.

Заключение

Таким образом, применение психосемантического инструментария позволило реконструировать и описать категориальную структуру протестного сознания двух поколений молодёжи, чья активность играет особую роль в протестных акциях. Метод семантических универсалий дал возможность определить основные характеристики представления о ведущих формах протестной активности.

Как показал проведённый анализ, в протестном мышлении обоих поколений наличествуют три основные оси оценивания протеста.

Первый реконструированный фактор, наиболее актуальный при оценивании различных форм протеста у молодёжи, состоит из дескрипторов: интеллектуальный, честный, свободный, справедливый и открытый. Фактор включает наиболее значимые для молодых людей положительные качества разных форм протестных явлений. Обладание этими качествами делает протест привлекательным. Они «легитимизируют» протест. И наоборот – если со стороны потенциального участника возникнет мнение о нарушении справедливости (интеллигентности, честности и т. д.), протест потеряет свою привлекательность.

Вторая ось оценивания протестных явлений – фактор «Лицемерия и корыстности». Любая форма протеста оценивается молодёжными группами с позиции наличия или отсутствия у протеста (его организаторов и участников) личной корыстной заинтересованности. Приписывание протестующим или организаторам протеста таких качеств, как личная корысть и лицемерие, формирует непривлекательный образ протеста, делает его для стороннего наблюдателя и потенциального участника «чужим», позволяет оценивать само протестное явление негативно (агрес-

сивный и страшный) или обесценивать его (характеризовать протест как бессмысленный). Данные признаки связаны в сознании молодёжи с такой характеристикой, как коррупционность.

Третья ось оценивания протестных явлений была обозначена как фактор «Силы и агрессивности». Она отражает взаимосвязь в сознании молодых людей силы и разрушительного потенциала протеста. Чем масштабнее, сильнее, больше и активнее протест, тем более злым и агрессивным он представляется молодёжи.

Однако наличие в составе фактора шкал свободный и справедливый (с меньшим факторным весом) показывает, что агрессивность может быть при определённых условиях легитимной. Проведённая реконструкция протестного мышления позволяет говорить об амбивалентности оценки протеста молодёжью: молодёжь чувствует связь между увеличением масштаба протеста с его агрессивностью и злостью, но одновременно такой протест повышенной силы и масштаба может стать более привлекательным для молодёжи как своей силой, так и справедливостью, открытостью и свободой.

Таким образом, метод факторного анализа позволил выявить актуальные для групп молодёжи поколения «Y» и поколения «Z» три интегральные оси (шкалы) оценивания различных форм протестной активности. Данные шкалы опосредуют формирование отношения молодёжи к протесту.

Знание категориальной структуры протестного сознания молодёжи, понимание структуры и содержания имплицитных субъективных шкал оценивания различных форм протеста молодёжью позволяют моделировать ситуации генезиса и развития протестов, осуществлять прогноз и оценку социальной динамики.

Применение метода расчёта семантических универсалий позволило выявить восприятие студенческой молодёжью разных форм протеста, определить, чем представление о мирных, ненасильственных формах протеста отличается от представления об его радикальных формах.

В целом безусловно положительное отношение у молодёжи к петиции и митингу. Эти формы протестной активности согласованно оценивались положительно во всех выборках. При этом поколение Y более сдержанно оценивает митинг, а младшее поколение скорее идеализирует его. Образ забастовки в основном положительный, но есть особенности восприятия в разных регионах.

Наиболее положительный образ у петиции – эта форма протеста получила наибольшее количество согласованно положительных характеристик у всех выборок молодёжи.

Образ насильственных радикальных форм протеста, бунта и восстания заметно отличается от образа остальных форм протестной активности.

Прежде всего, эти формы в наибольшей степени воспринимаются как сильные и активные среди всех форм протеста. Также молодёжь высоко оценивает их масштабность («большие»). Эти формы, кроме того, согласованно оцениваются как непривлекательные и некрасивые. Также молодёжь всех выборок считает их крайне агрессивными.

Но негативные коннотации не означают неприемлемость насильственных форм протеста. Смысловой анализ показал амбивалентность в образе бунта и восстания. Респонденты в трёх выборках из четырёх считают их не чужими, не бессмысленными и не лицемерными. Для молодёжи это обладающие большой силой и масштабом, крайне агрессивные и не привлекательные, но не чужие и не бессмысленные формы протеста. Не чужой, не лицемерный и не коррумпированный радикальный протест может получить доверие этих молодёжных групп в ситуации, которая заставит принять его непривлекательный и агрессивный характер.

Обращает на себя внимание также общая оценка всех форм протеста (за единичным исключением) во всех выборках как «не чужих». Молодые люди, как мы полагаем, допускают для себя возможность включиться в протест, даже радикальный. Условием участия в мирном протесте является его положительная оценка по оси «интеллектуальности и честности», и напротив, отрицательная оценка по оси «лицемерия и корыстности». То есть в данном случае важна рациональная оценка протеста.

Условия для участия в насильственном протесте связаны скорее с его аффективной составляющей, с особым накалом негативных эмоций, который может сделать приемлемым обычно непривлекательные «агрессивные» формы протестного поведения. Кроме того, нами замечена и склонность респондентов поколения «Z» видеть связь между масштабом и силой протеста с его справедливостью и свободой.

Можно отметить, что в ряде случаев представители поколения «Z» оценивают как мирные (митинг), так и насильственные формы протеста более положительно (в том числе у них степень выраженности положительных оценок выше) в сравнении с более сдержанными и неоднозначными оценками поколения «Y». Это может быть связано с идеализацией протеста центениалами, его созвучием возрастным особенностям данного поколения. Напротив, имеющие больше жизненного и политического опыта, в большей степени склонные руководствоваться рассудком молодые люди поколения Y проявляют больше сдержанности в оценках протестных форм.

Таким образом, в результате нашего исследования были выявлены структурно-содержательные характеристики протестного менталитета молодёжи поколения «Y» и поколения «Z» (с применением факторного анализа данных семантического дифференциала, расчёта семантических универсалий и сравнительного анализа данных этих двух методов). Полученные результаты могут представлять интерес для органов государственной власти, политических партий, неправительственных организаций, образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Акунина Ю. А. Молодёжные движения современной России: протест и созидание // Вестник МГУКИ. 2011. № 3 (41). С. 123–127.

2. Артюхина В. А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046
3. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152.
4. Бушуев Д. В. Специфика протестной активности российской молодёжи в современном трансформирующемся обществе: автореф. дис.... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2012. 15 с.
5. Волков Д. В. Протестные митинги в России конца 2011–начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 73–86.
6. Габа О. И. Молодёжь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144–151.
7. Гаранин О. Ю. Протестная активность молодёжи в условиях политической модернизации современной России: Автореф. дис.... канд. полит. наук. Краснодар, 2010. 28 с.
8. Зверев А. Л., Палитай И. С., Рогозарь А. И., Смутькина Н. В. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 40–54.
9. Красин Ю. А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 92–99.
10. Марин Е. Б. Представление о социальном протесте у молодёжи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 62–92. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699
11. Назаров М. М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 47–59.
12. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. С. 480.
13. Петренко В. Ф., Гладких Н. Ю., Митина О. В. Психосемантический анализ восприятия политических лидеров (на материале выборки студентов из Южной Кореи) // Вестник Московского университета. 2016. Серия 14. Психология. № 2. С. 64–87.
14. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: МГУ, 1997. 213 с.
15. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 16. Психология. Педагогика. № 3. С. 27–40.
16. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический подход в реконструкции политического менталитета: методы и примеры исследований // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 1. С. 50–64. DOI: 10.7868/S086958731701008X

17. Петрушина А. В. Протестное участие молодёжи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 337–346.

18. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029

19. Салахутдинова Р. Х. Факторы формирования протестного поведения молодёжи в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 4. Сер. 12. Вып. 4. С. 167–173.

20. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Учеб. пособие для вузов. М.: ПЧЕЛА, 2008. 378 с.

21. Серкин В. П. О возможностях метода семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2000. № 2. С. 74–79.

22. Серкин В. П. Решение задачи о случайности/не случайности ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций // Психодиагностика. 2009. № 4. С. 22–31.

23. Соломатина Е. Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2014. № 1. С. 103–107.

24. Шестопал Е. Б., Нестерова С. В. и др. Образы кандидатов в президенты 2012 в массовом сознании // Власть. 2012а. № 3. С. 186–190.

25. Шестопал Е. Б., Новикова-Грунд М. В. Восприятие образов двенадцати ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 168–191.

26. Шестопал Е. Б., Шутов А. Ю. и др. Образы лидеров в массовом сознании накануне президентских выборов // Полис. Политические исследования. 2012б. № 4. С. 160–174.

27. Шмелёв А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: МГУ, 1988. 208 с.

28. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation // Sociometry. 1959. Vol. 22. № 4. P. 280–296.

29. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // Psychological Bulletin. 2008. № 134. P. 504–535.

30. McClurg S. D. Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation // Political Research Quarterly. 2003. № 56. P. 448–464.

31. Klandermans B., Van der Toorn J., Van Stekelenburg J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action // *American Sociological Review*. 2008. № 73. P. 992–1012. DOI: 10.1177/000312240807300606
32. Van Stekelenburg J., Klandermans B., Van Dijk W. W. Combining motivations and emotion: The motivational dynamics of collective action participation. *Revista de Psicologia Social*. 2011. № 26. P. 91–104. DOI: 10.1174/021347411794078426
33. Van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. № 5–6. P. 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314
34. Wright S. C., Taylor D. M., Moghaddam F. M. The relationship of perceptions and emotions to behavior in the face of collective inequality // *Social Justice Research*. 1990. № 4. P. 229–250.
35. Kamans E., Otten S., Gordijn E. H. Threat and power in intergroup conflict: How threat determines emotional and behavioral reactions in powerless groups // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2011. № 14. P. 293–310.

Статья поступила 2.08.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марин Егор Борисович, кандидат исторических наук, доцент, Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия; кафедра истории, политологии и государственно-правовых дисциплин, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; Департамент психологии и образования, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

The Structure of Protest Thinking and the Idea of Social Protest of the Youth Generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow

Funding. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31-518.

Egor B. Marin^{1, 2, 3}

¹The Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

³Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

E-mail: egor-marin@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0409-5065

For citation: Marin E. B. The structure of protest thinking and the idea of social protest of the youth generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

Abstract. In the course of the study, a reconstruction of the respondents’ ideas about five forms of collective protest behaviour was carried out: petition, rally, strike, riot and uprising using a private semantic differential (SD) to assess the protest.

The obtained raw SD data were processed using the method of factor analysis, as well as the method of calculating semantic universals. The factorisation method allowed to reveal the internal implicit data structure, reducing a large volume of information to several factors. Semantic universals are group-agreed assessments of the stimulus according to the SD scales, that reflects general for all respondents ideas about the stimulus.

The article presents an analysis of the categorial structures of the protest consciousness of two generations of young people, whose activity plays a special role in protest actions: representatives of the generation “Y” (or millennials) and representatives of the generation “Z” (or centennials).

The method of factor analysis allowed to identify three integral axes (scales) for evaluating various forms of protest activity that are relevant for the youth groups of generation “Y” and generation “Z”. These scales mediate the formation of youth attitudes towards protest. Knowledge of the categorial structure of the protest consciousness of young people, understanding the structure and content of implicit subjective scales for evaluating various forms of protest by young people, allows us to model situations of the genesis and development of protests, to predict and evaluate social dynamics. Analysis of the ideas about protest forms showed an unconditionally positive attitude of young people to the petition and the rally. These forms of protest activity were consistently evaluated positively in all samples. The image of the strike is mostly positive, but there are peculiarities of perception in different regions. The image of violent radical forms of protest, rebellion and uprising differs markedly from the image of other forms of protest activity.

First of all, these forms are most perceived as strong and active among all forms of protest. Also, young people highly evaluate their scale (“large”). These forms, moreover, are consistently rated as neither attractive nor beautiful. Also, the youth of all samples consider them extremely aggressive. But the negative connotations do not mean that violent forms of protest are unacceptable. The semantic analysis showed the ambivalence of the content of the images of rebellion and uprising. Respondents in three out of four samples do not consider them alien, senseless or hypocritical. For young people, these forms of protest have great power and scale, are extremely aggressive and not attractive, but are not alien or senseless.

Keywords: protest, political consciousness, psychosemantics, Far East, Moscow, youth, generation “Y”, generation “Z”

References

1. Akunina J. A. Molodezhnye dvizhenija sovremennoj Rossii: protest i sozidanie [Youth movements in modern Russia: protest and creativity]. *Vestnik MGUKI*, 2011: 3 (41): 123–127 (in Russ.).
2. Artyuhina V. A. Sociological interpretation of social protest: reviewing basic contemporary approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 11: 30–34 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517110046
3. Baranova G. V. Metodika analiza protestnoj aktivnosti naselenija Rossii [The method of analysis of protest activity of the population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 10: 143–152 (in Russ.).
4. Bushuev D. V. Specifika protestnoj aktivnosti rossijskoj molodezhi v sovremennom transformirujushhemsja obshhestve [The specifics of the protest activity of Russian youth in contemporary transforming society]: avtoref. dis.... kand. sociol. nauk. Rostov-on-Don, 2012:15 (in Russ.).
5. Volkov D. Protestnye mitingi v Rossii konca 2011 – nachala 2012 gg.: zapros na modernizaciju politicheskikh institutov [Protest rallies in Russia in late 2011 and early 2012: the request for the modernization of political institutions]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, 2012: 2 (112): 73–86 (in Russ.).
6. Gaba O. I. Molodezh' kak sub'ekt protestnyh nastroenij [Youth as a subject of protest]. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2015: 1: 144–151 (in Russ.).
7. Garanin O. Y. Protestnaya aktivnost' molodezhi v usloviyah politicheskoy modernizacii sovremennoj Rossii [Protest activity of youth in the context of political modernization of modern Russia]: Avtoref. dis.... kand. polit. nauk. Krasnodar, 2010: 28 (in Russ.).
8. Zverev A. L., Palitaj I. S., Rogozar' A. I., Smul'kina N. V. Specifics of political perception in contemporary Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2016: 3: 40–54 (in Russ.).
9. Krasin Ju. A. Fenomen ulichnyh protestov i koleja rossijskogo vybora [The phenomenon of street protests and Russian choice track]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2012: 3: 92–99 (in Russ.).
10. Marin E. B. The idea of social protest among the youth of the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 1: 62–92 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699

11. Nazarov M. M. Politicheskij protest: opyt jempiricheskogo analiza [Political protest: an empirical evidence]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995: 1: 47 (in Russ.).
12. Petrenko V. F. Osnovy psihosemantiki [Fundamentals of psychosemantics]. St. Petersburg, Piter, 2005: 480 (in Russ.).
13. Petrenko V. F., Gladkih N. Ju., Mitina O. V. Psychosemantic analysis of political leaders perception (on the data of South Korea students). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija*, 2016: 2: 64–87 (in Russ.).
14. Petrenko V. F., Mitina O. V. Psihosemanticheskij analiz dinamiki obshhestvennogo soznaniya [Psychosemantic analysis of the dynamics of public consciousness]. Moscow, MGU, 1997: 213 (in Russ.).
15. Petrenko V. F., Mitina O. V. Psychosemantic analysis of the political mentality of society. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psihologija. Pedagogika*, 2015: 3: 27–40 (in Russ.).
16. Petrenko V. F., Mitina O. V. Psychosemantic approach to reconstruction of political mentality: research methods and examples. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 2017: 87: 1: 50–64. (in Russ.). DOI: 10.7868/S086958731701008X
17. Petrushina A. V. Protestnoe uchastie molodezhi v sovremennom rossijskom obshhestve [The protest participation of young people in contemporary Russian society]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2011: 1: 337–346 (in Russ.).
18. Radaev V. V. Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 15–33 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518030029
19. Salahutdinova R. H. The Factors of formation of the protest behavior of young people in modern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012: 4: 12: 4: 167–173 (in Russ.).
20. Serkin V. P. Reshenie zadachi o sluchajnosti / ne sluchajnosti asociacij: kriterij ocenki i validnyj nabor asociacij [Solving the problem of randomness / non-randomness of associations: evaluation criteria and a valid set of associations]. *Psihodiagnostika*, 2009: 4: 24 (in Russ.).
21. Serkin V. P. Metody psihologii sub#ektivnoj semantiki i psihosemantiki: Ucheb. posobie dlja vuzov [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics: Textbook manual for universities]. Moscow, PChELA, 2008: 378 (in Russ.).
22. Serkin V. P. O vozmozhnostyah metoda semanticheskikh universalij E. Yu. Artem'evoj [On the possibilities of the method of semantic universals by E. Y. Artemyeva]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psihologiya*, 2000: 2: 74–79 (in Russ.).
23. Solomatina E. N. Social protests in the modern world: sociological analysis. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki*. 2014: 1: 103–107 (in Russ.).
24. Shestopal E. B., Novikova-Grund M. V. Vosprijatie obrazov dvenadcati vedushhih rossijskih politikov (psihologicheskij i lingvisticheskij analiz) [Perception of the images of the twelve leading Russian politicians (psychological and linguistic analysis)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1996: 5: 168–191 (in Russ.).
25. Shestopal E. B., Nesterova S. V., Bukreeva O. V., Smul'kina N. V., Zatonskih A. V., Titov V. V. Obrazy kandidatov v prezidenty 2012 v massovom soznanii [Images of presidential candidates 2012 in the public mind]. *Vlast'*, 2012: 3: 186–190 (in Russ.).
26. Shestopal E. B., Shutov A. Ju., Volodenkov S. V., Gaman-Golutvina O. V., Lapkin V. V., Makarenko B. I., Mezhuev B. V., Mel'vil' A. Ju., Smul'kina N. V., Nesterova S. V. Obrazy liderov v massovom soznanii nakanune prezidentskih vyborov [Images of leaders in the public mind on the eve of the presidential election]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012: 4: 160–174 (in Russ.).
27. Shmelev A. G., Pohil'ko V. I., Kozlovskaja-Tel'nova A. Ju. Praktikum po jeksperimental'noj psihosemantike. Tezaurus lichnostnyh chert. [Workshop on experimental psychosemantics. Thesaurus of personality traits]. Moscow, 1988: 118 (in Russ.).
28. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation. *Sociometry*. 1959: 22: 4: 280–296.
29. Van Zomeren M., Postmes T., and Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin*, 2008: 134: 504–535.
30. McClurg SD. Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation. *Political Research Quarterly*, 2003: 56: 448–464.

31. Klandermans B., Van der Toorn J. and Van Stekelenburg J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action. *American Sociological Review*, 2008: 73: 992–1012. DOI: 10.1177/000312240807300606
32. Van Stekelenburg J., Klandermans B. and Van Dijk W. Combining motivations and emotion: The motivational dynamics of collective action participation. *Revista de Psicologia Social*, 2011: 26: 91–104. DOI: 10.1174/021347411794078426
33. Van Stekelenburg Jacqueliën; Klandermans Bert. The social psychology of protest. *Current Sociology*, 2013: 61: 5–6: 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314
34. Wright S. C., Taylor D. M. and Moghaddam F. M. The relationship of perceptions and emotions to behavior in the face of collective inequality. *Social Justice Research*, 1990: 4: 229–250.
35. Kamans E., Otten S. and Gordijn E. H. Threat and power in intergroup conflict: How threat determines emotional and behavioral reactions in powerless groups. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2011: 14: 293–310.

The article was submitted on: August 02. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor B. Marin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
The Maritime State University Named After Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia;
Department of History, Political Science and State and Legal Disciplines,
Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Department of Psychology and Education, Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

«Цифровое детство»: протестный потенциал школьников (результаты массового опроса в Ставропольском крае, 2020 г.)¹

Ссылка для цитирования: Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. «Цифровое детство»: протестный потенциал школьников (результаты массового опроса в Ставропольском крае, 2020 г.) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 108–128. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

For citation: Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y. “Digital childhood”: the protest potential of schoolchildren (results of a mass survey in the Stavropol region, 2020). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 108–128. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

**Бродовская
Елена Викторовна¹**

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

brodovskaya@inbox.ru

AuthorID РИНЦ: 280399

**Домбровская
Анна Юрьевна¹**

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

an-doc@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 768923

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема мобилизации школьных протестов в России и во всем мире. Исследователи ставят целью проанализировать протестный потенциал старшеклассников на примере одного из регионов России – Ставропольского края. Выбор данного исследовательского кейса объясняется рядом его характеристик. Ставрополье – это один из регионов – мишеней для внешнего информационного давления, это субъект Федерации, обладающий признаками рискогенного характера: многонациональный состав, моноэкономика, существенная социальная дистанция между стратами. Авторы формулируют гипотезу, согласно которой масштаб и характер влияния цифровых коммуникаций на выбор стратегии протестного поведения в большей степени зависит от места пользователя в информационном социально-медийном потоке и от его ценностных предпочтений и ориентаций.

В процессе проверки данного научного предположения проводится массовый опрос мето-

¹ Выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Детство в цифровом пространстве» (№ 20-010-00998 на 2020–2022 годы).

дом онлайн-анкетирования школьников Ставропольского края 15–18 лет (апрель – май 2020 г., N = 1250 респондентов, выборка репрезентативна по полу и территориальной принадлежности). Ключевой метод обработки базы данных – кластеризация методом K-средних (с применением программы SPSS Statistics 26.0) по следующим основаниям: характеристики политического поведения молодёжи в онлайн- и офлайн-пространствах и спектр типичных и допустимых реакций молодёжи на сообщения, призывающие к участию в акциях протеста.

Выявленные четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде Ставропольских старшеклассников: «зрители», «вовлеченные», «активисты», «лидеры», были проанализированы с позиций их ценностных ориентиров, места в пространстве социально-медийной коммуникации, специфики протестной активности.

Основными результатами исследования служит получение эмпирических свидетельств об особом ценностном профиле старшеклассников Ставрополя, имеющих наивысший протестный потенциал: деструктивные социальные установки и несформированность национально-государственной идентичности, которые комбинированы с максимальным прагматизмом жизненной стратегии. Авторы склонны диагностировать рискогенность представленной ситуации с позиций большого потенциала неконвенциональной направленности протестного поведения этих школьников в случае перевода их онлайн-активности в офлайн. Однако результаты исследования показали рассогласование ценностного выбора молодых «лидеров» и «активистов» протеста в сравнении с ценностными предпочтениями представителей кластеров «вовлеченных» и «зрителей». Это предопределяет низкую вероятность масштабирования хэдлинеров протеста среди школьников в Ставропольском крае.

Ключевые слова: протестный потенциал, старшеклассники, социальные медиа, онлайн-форматы протестной активности, типы протестного потенциала, иерархические позиции протестующих в социальных медиа, ценностные ориентации протестующих, массовый онлайн-опрос, кластерный анализ

Актуальность

В последние годы школьники стали проявлять политическую активность посредством участия в акциях, позволяющих выразить недовольство существующим порядком или действиями властей. По многим странам прокатились акции протеста, в которых активная роль принадлежала подросткам и ученикам старших классов. В октябре 2018 года высказывание премьер-министра Австралии Скотта Моррисона: «То, что мы хотим, – это больше обучения в школах и меньше активности в школах», взорвало школьников, которые организовывали протесты за сохранение климата. В ответ школьники организовали забастовки во всех столицах штатов под лозунгом «School Strike 4 Climate Action» [23]. В феврале 2019 года школьники Великобритании вышли «на забастовку» в рамках глобальной кампании действий по борьбе с изменением климата. Протесты имели место в более чем 60 городах, с приблизительно 15 000 участвующих. Форму акции запустила 15-летняя шведка Грета Тунберг, которая пропускала занятия, чтобы сидеть у правительственных зданий, обвиняя свою страну в несоблюдении Парижского соглашения по климату [18].

Дети в других странах последовали примеру десятков тысяч своих сверстников по всей Европе, которые проводили регулярные марши. Один из самых крупных протестов был проведен в Бельгии. Так, демонстрация в Льеже включала 15 000 человек, включая старших членов семей, присоединившихся к школьникам [17]. 15 марта 2019 г. молодые люди почти в 100 странах, включая Китай, Уганду, Новую Зеландию и Чили, провели забастовки в знак солидарности. Движение было главным образом организовано тремя школьниками: Вилласенор из Нью-Йорка, Хейвен Коулман из Колорадо и Исра Хирси из Миннесоты [19]. Другой пример связан событиями в Сербии. В июне 2019 года в Белграде десятки учеников школ митинговали в центре столицы, требуя отставки министра образования после того, как власти отложили экзамен по математике потому, что экзаменационные задания просочились в социальные сети. Размахивая транспарантами с надписями «Отставка» и «Вы украли наше будущее», дети маршировали, зажигали файеры и перекрывали движение транспорта [26].

Со «школьными протестами» Россия столкнулась двумя годами раньше. 26 марта 2017 года в десятках российских городов прошли антикоррупционные митинги, в которых значительную часть участников составили старшеклассники. В День России, 12 июня 2017 года прошла вторая волна протестных акций с массовым участием несовершеннолетних «цифровых граждан».

Настоящее исследование направлено на проверку гипотезы, согласно которой масштаб и характер влияния цифровых коммуникаций на выбор стратегии протестного поведения в большей степени зависит от места пользователя в информационном социально-медийном потоке и от его ценностных предпочтений и ориентаций. Для проверки данной гипотезы мы выбрали в качестве исследовательского пространства Ставропольский край.

Такая локализация обусловлена особыми характеристиками исследуемого субъекта РФ. Во-первых, Ставропольский край – часть федерального округа, являющегося мишенью для внешнего информационного давления. Во-вторых, Ставропольский край выражено обладает признаками рискогенного характера с точки зрения возможной взрывной социальной напряжённости: многонациональный состав, моноэкономика, существенная социальная дистанция между стратами и др.

Выбор в качестве эмпирического объекта исследования молодёжи в возрасте 15–18 лет связан со стремлением исследовать установки и стратегии «цифровых граждан».

Изученность темы

Темы цифровой социализации новых поколений и мобилизации их протестного потенциала посредством социальных медиа привлекают внимание целого ряда исследователей. Рассматривая основные теоретические подходы к изучению виртуальной сетевой протестной активности в запад-

ной и отечественной социологии, С. Г. Ушкин выделяет пять основных направлений: теорию «умной толпы», теорию минимизации затрат, теорию сетей и потоков, теорию солидаризации и социального перформанса, теорию слактивизма. По замечанию автора, «сближает эти теории то, что в каждой из них социальные сети фактически рассматриваются как эффективный информационный, мобилизационный, солидаризационный и синхронизирующий ресурс, где минимизированы временные, финансовые и эмоциональные затраты» [15, с. 10]. В свою очередь, Р. В. Савенков, Д. В. Щеглова указывают на эвристический потенциал двух подходов к изучению политического протеста: теории коллективного действия и мобилизации политических возможностей. «Первый обусловлен доминированием в современном политическом сознании символических ценностей и влияния их на масштабы эмоциональной протестной мобилизации, а второй – необходимостью анализа баланса сил и ресурсов, которые создают условия для эффективности протестного действия» [11]. «Цифровые медиа добавили творческие и неполитические способы участия в социальной и политической жизни, которые не только часто образуют основу политического участия, но и, как представляется, во множестве повседневных контекстов оказываются встроенными в то, что в конечном итоге превращается в политически значимые действия», – считает Р. В. Парма [9, 109]. При этом формы гражданского участия в цифровой сети часто оказываются более эффективными, чем политические, что также может быть отнесено к характеру протестных действий в цифровой среде [9]. В ходе многолетнего мониторинга Л. С. Рубан [10] исследует, как идёт формирование ценностей, взглядов и самосознания молодёжи в разных регионах Российской Федерации, каков уровень правовой культуры и законопослушания школьников, какова протестная активность и потенциал молодых людей, каким образом можно оказывать соответствующее и своевременное педагогическое воздействие на школьную молодёжь для профилактики девиантного поведения и противоправных действий. По мнению исследователя, «в идеале социальные институты должны формировать нормативные установки и образцы социальной деятельности, указывая границы допустимого и недозволенного – ограничивая свободу действий, определяя поведение, не укладывающееся в общепринятые нормы как отклоняющееся, и прибегая при необходимости к принуждению для его пресечения, т. е. к частичному ограничению свободы. С другой стороны, социальные институты должны обеспечивать реализацию свободы – ведь наибольшую устойчивость нормы, ценности и представления, декларируемые социальными институтами, обретают только через интериоризацию индивидами, утрачивая свой внешний и принудительный характер». Необходимость исследования протестного потенциала для решения прогнозных задач подчёркивает в своих исследованиях Я. А. Цуканов. Автор приходит к выводу, что потенциальные протестные действия в социальном прогнозировании должны являться структурным элементом протестной активности и быть обозначены в её определении на первичной стадии

исследования, что позволит не упустить из «прогнозного поля» индикаторы протестного потенциала и на «выходе» получить комплексный социальный прогноз протестной активности. На стадии завершения разработки прогноза (на конечном этапе) протестной активности объект прогнозирования преобразуется в протестный потенциал, поскольку спрогнозированное протестное (социальное) действие ещё не совершено [16, с. 252].

Десятые годы войдут в историю и политическую теорию в качестве примера того, как «застывшая» или потенциально возможная волна массового политического протеста обрела силу и обрушилась на самые разные по своему типу режимы и системы. Россия, несмотря на самобытность политических традиций и очевидную гибридность политического режима, оказалась в тренде, явным проявлением которого является пусть и нелинейный, но всё же рост протестного потенциала и протестной активности в социуме. Обозначенные обстоятельства породили несколько линий научной дискуссии о причинах и факторах влияния в отношении роста протестных установок.

Первая линия связана с попыткой ответить на вопрос о том, является ли масштабирование протестных настроений следствием применения цифровых технологий? Один из ответов дан в работе А. С. Ахременко, Д. К. Стукала и А. П. Петрова, на материалах эмпирического исследования установивших, что «социальные сети способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал, который может затем выплёскиваться на улицу. Сетевые связи между индивидами в онлайн-среде родственны связям в физической реальности. Цифровые платформы могут выступать центральными площадками формулирования коллективных целей и идентичностей» [1, с. 87]. Противоположное мнение выражено Р. Э. Бараш, В. В. Петуховым и Р. В. Петуховым, которые на основании исследований Института социологии РАН пришли к выводу о том, что потенциал политического и гражданского интернет-активизма оказался переоцененным, так как заметных различий в уровне активности между пользователями и непользователями социальных медиа не выявлено. Между тем цифровые коммуникации посредством «слабых сетей» вовлекли многих граждан в публичную политику, подтолкнули к участию в общественно-политической деятельности [2].

Вторая линия научной дискуссии отражает вопрос об изменении политической субъектности граждан. Иными словами, исследователи пытаются понять: становятся ли онлайн-пользователи более осознанными и самостоятельными в своём выборе стратегии политического, в том числе протестного, поведения? С одной стороны, ряд исследований свидетельствует о доминировании «псевдорационального» политического поведения социальных групп-мишеней управления интернет-контентом [3], [4].

С другой стороны, Н. Н. Седова убедительно демонстрирует трансформацию в мировоззренческих установках россиян, произошедшую после 2018 года. Фиксируется развитие Я-ориентированной модели

мировоззрения, когда на первый план выходит частная жизнь человека, а взаимодействие с окружающим миром оказывается, скорее, на периферии интересов [12].

Отдельное направление исследований репрезентирует расхождение мнений авторов в отношении модальности происходящих цифровых трансформаций. Позитивный вектор представлен в исследовании И. А. Бронникова, указывающего на то, что общество находится в активной фазе кризиса репрезентативной демократии и одновременно в процессе выработки политической субъектности «цифрового» поколения, самостоятельно создающего информационные поводы и новые виды кооперации, открытые для внешних связей [5, с. 73]. Тогда как расширение деструктивных практик молодёжи за счёт социальных интернет-сетей, где активизируется их неформальная самоорганизация, находится в центре внимания Л. В. Логиновой и В. В. Щеплановой [7].

Теоретический фундамент исследования составляют: концепция лидеров мнений П. Лазарфельда [22], теория мобилизации ресурсов, в частности классификация участников социальных движений Д. Маккарти и М. Зальда [27], концепция динамики протеста Дж. Джаспера [20], теория подталкивания Р. Тайлера [13, 14], теория цифрового гражданства К. Моссбергер [24, 25].

Методология исследования базируется на следующих подходах:

- сетевой подход (акторно-сетевая теория Б. Латура [21], отражающая идею относительно формирования и усиления акторов, прежде всего, во взаимодействии в сети);
- культурно-деятельностный подход (Л. С. Выготский [6], Ю. М. Лотман [8, с. 129–132]), позволяющий трактовать онлайн-сетевую коммуникацию в качестве дополнительного условия экстерииоризации и интериоризации.

Метод и выборка

Массовый опрос школьников Ставропольского края 15–18 лет осуществлён в формате онлайн-анкетирования (апрель – май 2020 г.). Выборочная совокупность составила 1250 респондентов, репрезентативна по полу и территориальной принадлежности (в соответствии со статистическими данными о представленности школьников 15–18 лет в муниципальных образованиях Ставропольского края). Ошибка выборки – с вероятностью в 95% не превышает 2,8%. В процессе отбора респондентов и их приглашения к участию в опросе по ссылке на электронную анкету использовались социальные сети «ВКонтакте», «Facebook» и микроблог «Twitter». В ходе обработки полученных эмпирических данных выборке подвергались все анкеты, имеющие незаполненные ответы, по итогам проверки осуществлен ремонт выборочной совокупности.

Кластеризация базы данных онлайн-опроса российской молодёжи осуществлена с применением программы SPSS Statistics 26.0. Перед применением кластерного анализа осуществлено преобразование исходных номинальных шкал в порядковые. Кластерный анализ методом K-средних реализовывался поэтапно в процессе обработки данных группировки по следующим параметрам: характеристики политического поведения молодёжи в онлайн- и офлайн-пространствах и спектр типичных и допустимых реакций молодёжи на сообщения, призывающие к участию в акциях протеста.

Данные характеристики социальной активности российской молодёжи стали основой кластеризации массива опросных данных, в ходе которой выделены четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде российской молодёжи: «зрители», «вовлечённые», «активисты», «лидеры».

Данная методика кластеризации применялась авторским коллективом в изучении стратегий цифрового гражданства российской молодёжи [4, с. 4–5]. Использование этой методики кластеризации в настоящем исследовании позволит выявить типы школьников по степени и характеру вовлеченности в протестную активность онлайн и офлайн, а также сопоставить удельный вес представителей этих различных кластеров среди ставропольских школьников и российской молодёжи в целом.

Результаты исследования

Согласно полученным данным (рис. 1), наименее численно представленным сегментом молодых россиян служит кластер «лидеров», их 5,6% среди старшеклассников школ Ставропольского края и 5,1% среди российской молодёжи. Этот кластер характеризуется готовностью осуществлять руководство и идейное сопровождение гражданских и политических протестных акций, это один из типов молодёжи, характеризующийся наибольшим уровнем протестного потенциала.

Ещё один редкий тип российской молодёжи – «активисты». Их 7,0% среди молодых россиян и ещё меньше среди старшеклассников Ставрополья – 4,5%. Они отличаются способностью к организационному сопровождению гражданских и политических акций, это своеобразные «правые руки лидеров», некий «менеджмент среднего звена» протестного движения. Их характерной чертой служит глубокая идейная поддержка протестных акций, бенефициями своего участия «активисты» видят реализацию идей социальной справедливости в их понимании, в отличие от «лидеров», центральной мотивацией которых, как правило, служит самопрезентация и самоутверждение в процессе мобилизации протестных настроений своей целевой аудитории.

Более трети опрошенной российской молодёжи (37,0%) и около пятой части старшеклассников Ставрополья (19,4%) – так называемые «вовлечённые» со свойственной им установкой на стороннее наблюдение

за политической и социальной жизнью страны, у них не наблюдается явно выраженных установок на деятельностный компонент в реализации протестного контекста гражданского активизма.

Наиболее распространённый кластер российской молодёжи – «зрители». И если в России в целом принадлежащих к этому кластеру 50,8%, то среди ставропольских школьников 15–18 лет – их 70,4%. Это, по сути, абсентеисты, изредка демонстрирующие пассивный интерес к гражданской и политической повесткам.

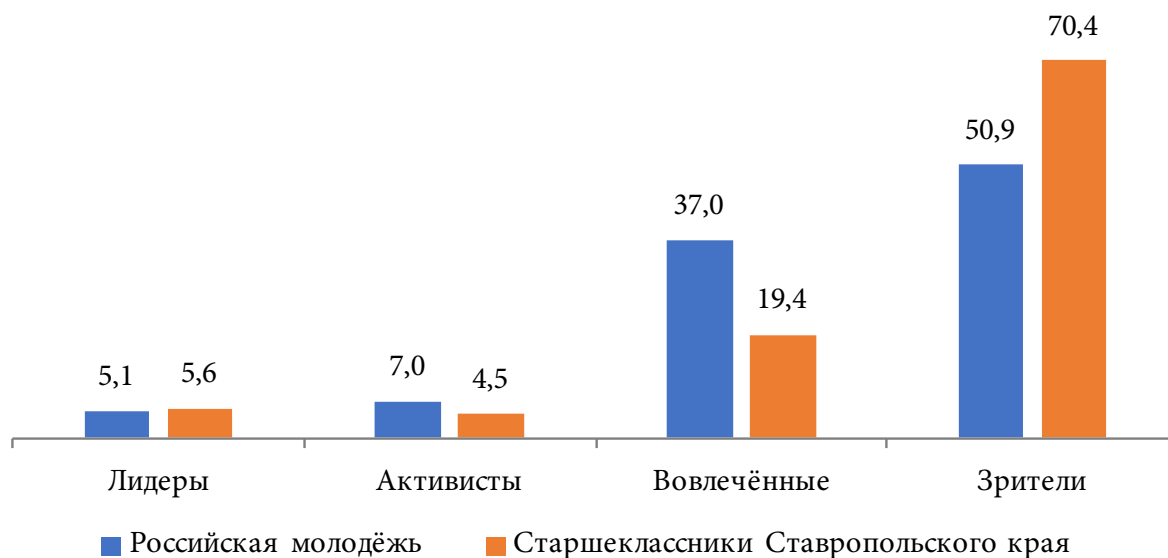

Рис. 1. Структура протестного потенциала российской молодёжи и социальной общности старшеклассников Ставропольского края, %

Figure 1. The structure of the protest potential of the Russian youth and the social community of high school students in the Stavropol Region, %

Таким образом, протестный потенциал старшеклассников Ставрополья существенно ниже среднероссийского показателя, характерного для молодёжи. Наиболее показательные эмпирические свидетельства абсентеичности и отстранённости школьников Ставрополья 15–18 лет представлены в распределениях их ответов на вопросы о частоте получения ими сообщений, призывающих к участию в акциях протеста, реакции на эти сообщения и вопрос о проблемах, поднимаемых в этих сообщениях (см. рисунки 2–4).

Согласно данным представлениям (рис. 2), модальным ответом ставропольских старшеклассников на вопрос об их реакции на получение сообщений, направленных на мобилизацию протестной активности, служит вариант «Не сталкивался с такими сообщениями» (44,3%). При этом аналогичный показатель, характерный для молодых россиян в целом, вдвое ниже – 20,8%. Совершенно очевидно, что в цифровом пространстве распространение таких сообщений, адресованных молодому поколению, происходит довольно равномерно, и, разумеется, не приходится говорить об отсутствии интереса онлайн-сетевых лидеров мобилизации протеста к отдельным регионам. Исходя из этого, следует заключить, что школьники Ставропольского края оставляют меньше

цифровых следов заинтересованности в вовлечении в протестную активность, что обуславливает менее активный «информационный обстрел» их аккаунтов в социальных медиа со стороны онлайн-лидеров протеста. Совокупно с теми ставропольскими школьниками 15–18 лет, которые игнорируют подобные сообщения (33,5%), доля всех ставропольцев этого возраста, не вовлечённых в протестную повестку с помощью призывов к участию в протестных акциях, составляет 77,8%, то есть абсолютное большинство опрошенных. Ещё чуть менее четверти (23,9%) ставропольских старшеклассников всё же прочитывают и внимательно знакомятся с ситуацией в ответ на получение протестно-ориентированных сообщений в социальных медиа. Однако этот интерес не имеет деятельностной основы, характерной лишь для статистически незначимой части старшеклассников Ставропольского края – только 3,3% респондентов заявили об обязательном участии в протестных акциях как реакции на полученные в социальных медиа призывы к протестной активности. Что касается такого формата реакции, как «общение с организаторами» на предмет оказания поддержки (5,7%) и «поиска единомышленников в своём кругу» (4,2%), то эта совокупно десятая часть школьников 15–18 лет Ставрополья, по сути, демонстрирует активную позицию по отношению к возможности быть ведущей силой протеста.

Рис. 2. Структура реакций на получение сообщений, направленных на мобилизацию протестной активности¹, %

Figure 2. The structure of reactions to receiving messages aimed at mobilising protest activity, %

¹ Сумма ответов на вопрос старшеклассников Ставропольского края больше 100%, так как вопрос допускал больше одного ответа одновременно [The sum of answers to the question of high school students in the Stavropol Region is above 100%, since the question allowed more than one answer simultaneously].

Рисунок 3 показывает разницу в интенсивности получения призывов к участию в протесте ставропольскими старшеклассниками и молодыми россиянами в целом. Фактически лишь десятая доля опрошенных Ставропольцев фиксирует высокую регулярность и интенсивность получения подобных писем в социальных медиа (9,4%), что втрое меньше аналогичного показателя среди всех молодых россиян. Также почти вдвое больше процент ставропольских старшеклассников, не охваченных, по их заявлению, данным типом информационных касаний в сравнении с долей молодого поколения россиян с аналогичной ситуацией (30,9% против 55,8%). Исходя из этого, следует сделать вывод о значительно меньшей представленности в ставропольском сегменте социальных медиа протестного контента в сопоставлении с распространенностью соответствующих информационных потоков в пространстве социальных медиа Рунета.

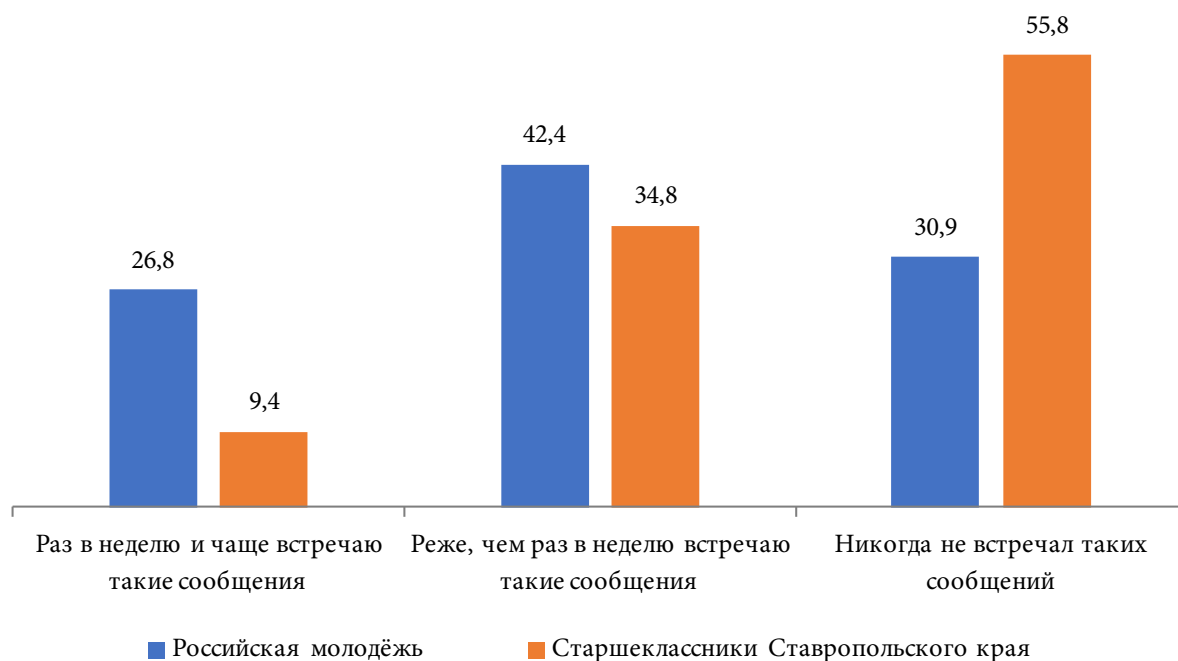

Рис. 3. Интенсивность получения призывов к участию в протесте, %
Figure 3. Repertoire of the protest information flow aimed at young people in social media, %

Анализируя тематический репертуар протестно-ориентированных сообщений, получаемых ставропольскими школьниками 15–18 лет (см. рис. 4), отметим, что почти четверть респондентов (23,7%) идентифицировали основную тему подобных сообщений как «борьба с коррупцией», почти пятая часть (18,6%) опрошенных назвали главной темой таких писем «ущемление прав граждан», примерно такая же доля респондентов отметила, что ведущая тема – «несправедливость решений Правительства РФ» (17,7%). Указанные тематические доминанты фактически полностью повторяют ключевые темы, характерные для призывов к участию в протестах, полученные молодыми россиянами в целом, однако, с гораздо меньшей статистической выраженностью (см. рис. 4).

Рис. 4. Репертуар протестного информационного потока, направленного на молодежь в социальных медиа, %

Figure 4. Repertoire of the protest information flow aimed at young people in social media, %

Исходя из этого, отметим, что в ходе распространения информационных потоков, нацеленных на мобилизацию протестной активности, в сегменте ставропольских социальных медиа делаются ставки на те же триггеры протестных настроений, что и во всём пространстве Рунета, – «социальная несправедливость и неравенство», «гражданские несвободы», «обвинение Правительства РФ в существующих в стране социальных и экономических проблемах».

В итоге следует сделать заключение о том, что, несмотря на значительно более низкий уровень протестной повестки, характерной для ставропольских старшеклассников в сравнении с таковым уровнем у российской молодежи в целом, всё же число «лидеров» и «активистов» протестной деятельности обеих целевых аудиторий исследования вполне сопоставимо. Так называемые «профессиональные революционеры», как правило, исходят не из объективного состояния социальной и экономической сфер, не учитывают объективные факторы социального и экономического развития региона, страны, они готовы поддерживать активность по конструированию проблем, созданию и распространению протестной повестки.

Подтвердить эти заключения позволяют кросс-табуляционные данные, показывающие сопряжение между принадлежностью ставропольских старшеклассников к кластерам, выделенным по уровню протестного потенциала, и распространённостью среди этих типов респондентов различных форматов политической и гражданской активности. Потенциал

готовности «лидеров» и «активистов» к мобилизации протестных настроений среди своего окружения и целевых групп отражен в довольно значительной распространённости в этих кластерах следующих типов активности (см. рис. 5): получение информации из актуальных политических ресурсов оппозиционных политических сил (45,2% «лидеров» и 37,3% «активистов»); участие в деятельности онлайн-сообществ, обсуждающих политические темы (45,2% «лидеров» и 33,9% «активистов»); ведение блога или видеоблога, затрагивающего политические темы (31,5% «лидеров»); организация группы волонтеров, добровольцев для участия в мероприятиях политического характера (23,3% «лидеров» и 13,6% «активистов»), модерирование онлайн-сообщества политического толка (21,9% «лидеров»).

Рис. 5. Распространённость политической активности в разных группах старшеклассников Ставропольского края, %

Figure 5. The prevalence of political activity in different groups of high school students in the Stavropol Region, %

Сопоставление распространённости пассивных (получение информации о политической жизни страны) и активных (производство и опубликование собственного политико-ориентированного контента, ведение

собственных онлайн-сообществ, блогов и т. д.) среди старшеклассников Ставрополья, принадлежащих к различным кластерам, подтверждает первую часть выдвинутой авторами гипотезы – предположение о зависимости стратегии протестного поведения пользователя от его места в информационном социально-медийном потоке. «Лидеры» и «активисты» занимают позицию драйверов информационных потоков политического и гражданского содержания.

Вторая часть гипотезы, представленная в постановочной части статьи, касающаяся возможной взаимосвязи стратегии протестного поведения старшеклассников и их ценностных предпочтений и ориентаций, подтверждается данными рисунка 6.

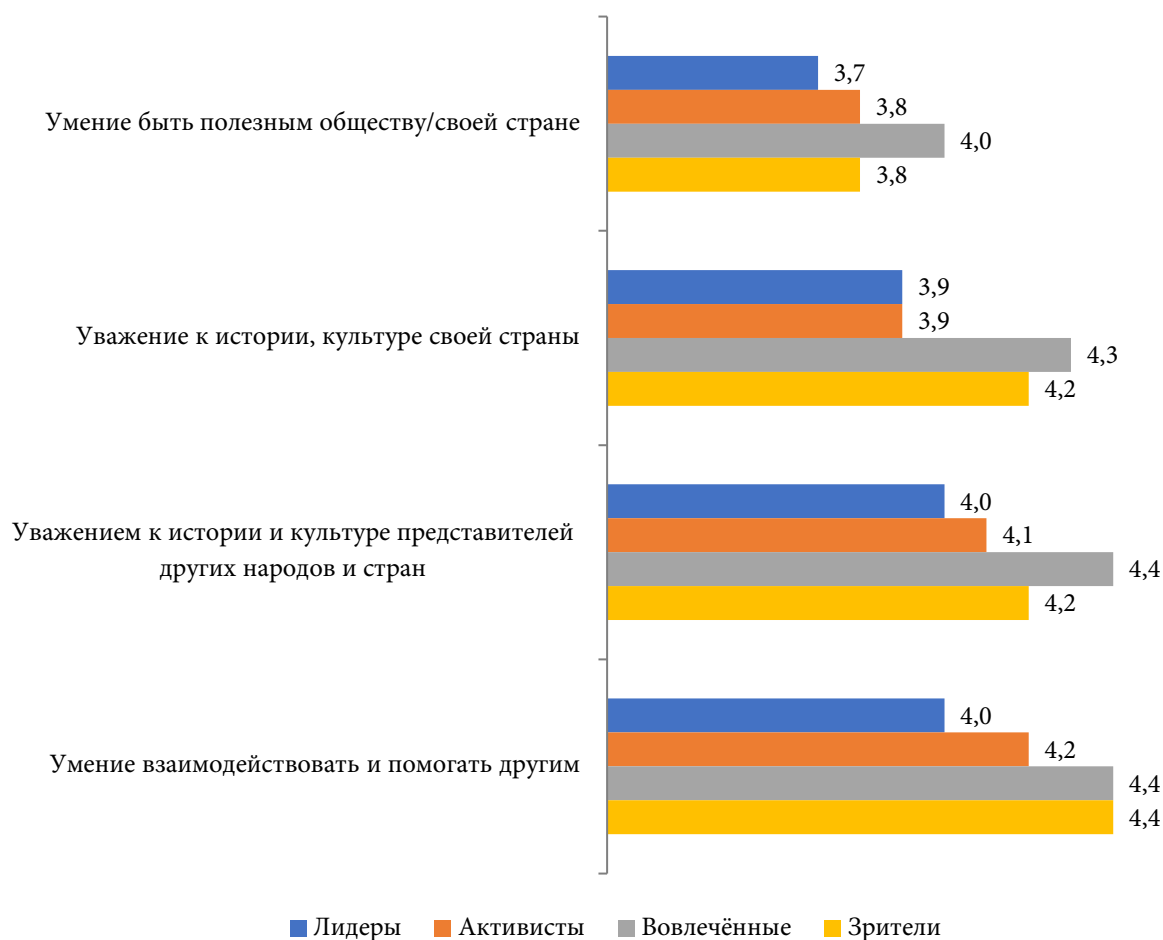

Рис. 6. Оценка развитости указанных способностей / личностных качеств в разных группах старшеклассников Ставропольского края, в баллах: 1 – абсолютно нет способности; 5 – максимально развита
Figure 6. Evaluation of the development of mentioned abilities / personal qualities in different groups of high school students in the Stavropol Region, in points: 1 – absolutely no ability; 5 – developed to its maximum

У «лидеров», по их оценкам, ниже, чем у всех остальных, развито уважение к истории и культуре своей страны и других народов и стран, ниже, чем у остальных, развито умение помогать другим, менее развито умение быть полезным обществу/своей стране. Другими словами, «лидеры» – несколько в большей степени прагматики, чем представители

остальных кластеров, «лидеры» в своей активности по конструированию критических настроений среди своего окружения и целевых сообществ исходят не из целей социального развития общества, в меньшей степени, чем остальные, осознают необходимость уважения к историко-культурному наследию Родины.

Мотивы, побуждающие «лидеров» к реализации присущей им стратегии протестной активности, можно «извлечь» из их ценностных ориентаций, представленных на рисунке 7.

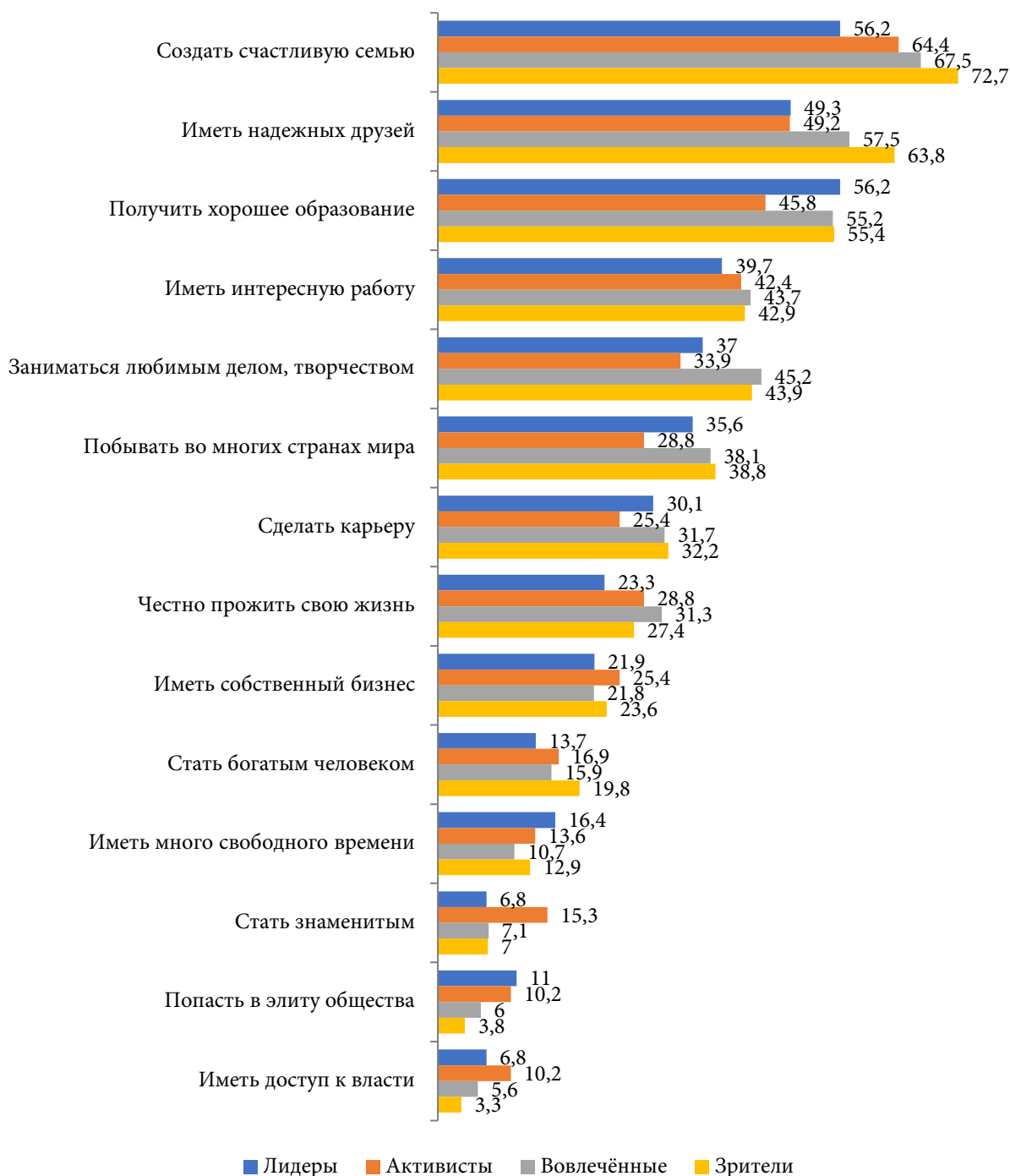

Рис. 7. Ценностные ориентации разных групп старшекласников Ставропольского края, %

Figure 7. Value orientations of different groups of high school students in the Stavropol Region, %

Согласно данным рисунка 7, в более явном выражении у «лидеров» протестной активности представлены такие прагматичные ценности, как «попасть в элиту общества» (11,0% против 3,8% – у «зрителей») и «получить хорошее образование» (56%), что показательно характеризует мотивацию их социальной позиции и действий. Напротив, такая ценность, как «прожить свою жизнь честно», у «лидеров» представлена значительно меньше – 23,3% против, например, 31,3% – у «вовлечённых». Отметим также, что среди своих версий ответов на вопрос о жизненных приоритетах «лидеры» указали «Помогать Навальному», «Уехать из России», что отражает их неконвенциональную позицию и негативную государственную идентичность.

Таким образом, вторая часть гипотезы о значимости специфики ценностных ориентиров в процессе формирования стратегии протестной активности также подтвердилась: активные и неконвенциональные политические и гражданские стратегии «лидеров» взаимосвязаны с их прагматическими ценностями, в отдельных случаях – безусловно критическим отношением к действующей власти и негативной государственной идентичностью.

Социально-демографическое портретирование старшекласников, принадлежащих к различным кластерам протестного потенциала, показало, что отличия в возрасте и гендерной принадлежности «лидеров», «активистов», «вовлечённых» и «зрителей» выражены довольно слабо. Наблюдается едва заметный перевес юношей среди «активистов» (5,4% – юношей, 4,0% – девушек), а также представительниц феминной гендерной группы среди «зрителей» (71,2% – девушек и 69,1% – молодых людей). Также фактически статистически незначимая разница наблюдается в возрасте кластеров: 18-летних немного больше (6,5%), чем 15-летних (5,7%). Эти данные также свидетельствуют о преимуществе таких факторов формирования протестного потенциала, как ценностные ориентации старшекласников и их место в иерархии ролей в социальных медиа и несущественной значимости социально-демографических характеристик целевой аудитории исследования в данном процессе.

Выводы

В последние годы «детские протесты» или, иными словами, протестные акции с участием подростков и старшекласников школ перестали быть исключительными практиками, о чём свидетельствуют многочисленные, прежде всего, зарубежные примеры мобилизации несовершеннолетних граждан. Данная тенденция проявляет себя и в России, что связано с таргетированным управлением информационными потоками в социальных медиа. Так, каждый третий старшекласник Ставропольского края ежемесячно получает «приглашение» принять участие в акции протеста. При этом вовлечённые в протестную информационную повестку молодые «цифровые граждане» исследованного

субъекта федерации чётко идентифицируют репертуар протеста в российских социальных медиа: борьба с коррупцией, защита ущемлённых прав, недовольство несправедливыми решениями правительства. Учитывая тот факт, что аналогичная идентификация социально-медийного репертуара гражданского и политического протеста была зафиксирована ранее в рамках всероссийского исследования молодёжи, можно сделать вывод относительно сложившейся информационно-коммуникационной инфраструктуры и лидеров общественного мнения протеста в РФ.

Ярким маркером роста протестного потенциала в обществе является политизированность подростков и молодых людей, не достигших совершеннолетия. Несмотря на то, что в ролевой структуре молодых онлайн-пользователей – носителей протестных настроений в Ставропольском крае доля «вовлечённых» существенно ниже, чем в целом по стране, количество «лидеров» и «активистов» вполне сопоставимо с общефедеральными данными. «Лидеры» и «активисты» протеста — это действующее ядро, как правило, переносящее гражданскую и политическую активность в онлайн-пространство. Важно отметить, что их число среди школьников старших классов в Ставропольском крае не меньше, чем в среднем по России. Тревожным фактом выступают данные, согласно которым молодые «драйверы» протеста на Ставрополье обладают особым ценностным профилем: деструктивные социальные установки и несформированность национально-государственной идентичности соседствуют с предельным прагматизмом личных жизненных целей. Опасность представленной ситуации заключается в том, что переведённый из онлайн в офлайн протестный потенциал носителей такого ценностного профиля, с большой долей вероятности, приобретёт неконвенциональную направленность. Вместе с тем позитивным является несоответствие ценностного выбора молодых «лидеров» и «активистов» протеста исследуемого региона ценностному запросу «вовлечённых» и «зрителей», благодаря чему в ближайшее время масштабирование числа драйверов протеста среди школьников в Ставропольском крае не предвидится.

Дальнейшее исследование протестного потенциала школьников предполагает проведение мониторинговых замеров для определения динамики изменения настроений. Для более полного и объёмного представления о ситуации следует расширить набор применяемых методов исследования. Для определения мотиваций и ценностей потенциальных участников протестных действий помимо онлайн-опроса требуется применение глубинных онлайн-интервью. Социологические методы исследования следует дополнить методами киберметрического анализа, в частности апробированной методикой исследования политических процессов по цифровым маркерам в социальных медиа [3]. Отработка различных методов на одном регионе позволяет построить общую гибридную методологию, которую можно будет масштабировать на «проблемные» кейсы, весь СКФО и всю Российскую Федерацию. Одной из возможных перспектив исследования может стать сравнительное исследование про-

тестного потенциала школьников и студентов для определения социальных, институциональных и коммуникативных факторов политической социализации.

Библиографический список

1. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06

2. Бараш Р. Э., Петухов В. В., Петухов Р. В. Информационно-коммуникационные факторы формирования новых практик гражданского активизма // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4 (12). С. 99–125.

3. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 79–104. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.06

4. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01

5. Бронников И. А. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64–78.

6. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1–6. М., 1982–1984. URL: <http://ипби.пф/images/Bibl/SSV1.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

7. Логинова Л. В., Щепланова В. В. Деструктивная гражданская активность молодёжи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. №. 2. С. 98–108. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.9

8. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. Т.1. Таллинн, 1992. 479 с.

9. Пырма Р. В. Протестные настроения российской молодёжи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9(6). С. 100–110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110

10. Рубан Л. С. Современное девиантное поведение и отношение молодёжи к его проявлениям // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2. С. 318–333. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333

11. Савенков Р. В., Щеглова Д. В. Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 4. С. 555–563. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563

12. Седова Н. Н. Самодостаточность и активизм в мировоззренческих установках россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 9–25. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6796
13. Талер Р., Санстейн К. Nudge: Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Пер. с англ. Е. Петровой М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.
14. Талер Р. От Homo economicus к Homo sapiens // Логос. 2014. № 1(97). С. 141–154.
15. Ушкин С. Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «слактивизму» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 3–12. DOI: 10.14515/monitoring.2015.3.01
16. Цуканов Я. А. Теоретико-методологические основы социального прогнозирования протестной активности // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. №5. С. 248–254. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-248-254
17. British schoolchildren to join Europe-wide protest “strikes” over climate change. The World Economic Forum. 01 Feb. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/belgian-school-children-on-strike-protest-climate-change/> (дата обращения: 01.06.2020).
18. Climate strike: Schoolchildren protest over climate change. BBC. 15 February 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-47250424> (дата обращения: 01.06.2020).
19. “It Will Be Too Late for My Generation”. Meet the Young People Organizing a Massive Climate Change Protest // TIME. 14 March, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/5550823/climate-change-protest-schoolchildren/> (дата обращения: 01.06.2020).
20. Jasper J. M., Duyvendak J. W., eds. Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 322 p.
21. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. N. Y.: Oxford University Press, 2005. 301 p. URL: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
22. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People’s Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N. Y.: Columbia University Press, 1944. 384 p.
23. Less activism, more learning – Australia’s PM rebukes schoolchildren protesting climate change. CNN. November 26, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/26/australia/australia-pm-climate-protest-scli-intl/index.html> (дата обращения: 01.06.2020).
24. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Massachusetts: The MIT Press, 2007. 240 p.

25. Mossberger K., Wu Y., Crawford J. Connecting citizens and local governments? // *Social media and interactivity in major U. S. Cities Government Information Quarterly*. 2013. № 30 (4). P. 351–358. DOI: 10.1016/j.giq.2013.05.016

26. Serbian schoolchildren protest over maths test leak // REUTERS. June 19, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-protests-students/serbian-schoolchildren-protest-over-maths-test-leak-idUSKCN1TK21A> (дата обращения: 01.06.2020).

27. Zald M. N., McCarthy J. D. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick, N. J., 1987. 435 p.

Статья поступила 17.12.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бродовская Елена Викторовна, доктор политических наук, профессор Департамента политологии, директор Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Домбровская Анна Юрьевна, доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, главный научный сотрудник

Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

“Digital Childhood”: The Protest Potential of Schoolchildren (Results of a Mass Survey in the Stavropol Region, 2020)

The article was prepared based on the results of studies carried out as part of the implementation of the RFBR grant “Childhood in the Digital Space” (No. 20-010-00998 for 2020–2022).

Elena V. Brodovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: brodovskaya@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0001-5549-8107

Anna Yu. Dombrovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: an-doc@yandex.ru;

ORCID ID: 0000-0002-2015-2349

For citation: Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., “Digital childhood”: protest potential of schoolchildren (results of the mass pool in Stavropol region in 2020). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 108–128. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

Abstract. The article deals with the actual problem of mobilising school protests in Russia and around the world. The researchers aim to analyse the protest potential of high school students on the example of one of the regions of Russia – the Stavropol region. The choice of this research case is explained by a number of its characteristics. The Stavropol region is one of the regions targeted by the pressure of external information. It is a subject of the Federation that has signs of a risky nature: a multinational composition, a mono-economy, a significant social distance between strata.

The authors formulate a hypothesis according to which the scale and nature of the influence of digital communications on the choice of protest behaviour strategy to a greater extent depends on the user’s place in the informational social media flow and on his value preferences and orientations.

In the process of verifying this scientific assumption, a mass survey by online questionnaire method was conducted among schoolchildren in the Stavropol region aged 15–18 years (April–May 2020, N = 1250 respondents, the sample is representative by gender and territorial affiliation). The key database processing method is K-means clustering (using SPSS Statistics 26.0) on the following grounds: the characteristics of the political behaviour of young people in online and offline spaces and the range of typical and acceptable reactions of young people to messages calling for participation in protests.

The identified four types of carriers of different levels of protest potential among Stavropol high school students: “spectators”, “involved”, “activists”, “leaders”, were analysed from the standpoint of their value orientations, their place in the space of social media communication, and the specifics of protest activity.

The main results of the study are empirical evidence of a special value profile of Stavropol high school students who have the highest protest potential: destructive social attitudes and an unformed national-state identity, that are combined with the maximum pragmatism of a life strategy. The authors tend to diagnose the risk level of the presented situation from the standpoint of the great potential of the non-conventional orientation of the protest behaviour of these schoolchildren in the event that their online activity is transferred offline. However, the results of the study showed a discrepancy between the value choices of young “leaders” and “activists” of the protest in comparison with the value preferences of the representatives of the “involved” and “spectators” clusters. This predetermines the low probability of scaling protest headlines among schoolchildren in the Stavropol region.

Keywords: protest potential, high school students, social media, online formats of protest activity, types of protest potential, hierarchical positions of protesters in social media, protesters’ value orientations, mass online survey, cluster analysis

References

1. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Web or text? Drivers of Protest Spread on Social Media: Theory and Data Analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020: 2: 73–91 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
2. Barash R. E., Petukhov V. V., Petukhov R. V. Information and communication factors in the formation of new practices of civic activism. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2015: 4 (12): 99–125 (in Russ.).
3. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N. Development of methodology and techniques for intelligent search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2017: 5: 79–104 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.06
4. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2019: 5: 3–18 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01
5. Bronnikov I. A. Crisis of representative democracy and new practices of civic activism. *PolitBook*, 2018: 1: 64–78 (in Russ.).
6. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenij: V 6 t. [Collected works: In 6 volumes]. Vol. 1–6.* Moscow, 1982–1984. Accessed 06.01.2020. URL: <http://ipbi.rf/images/Bibl/SSV1.pdf> (in Russ.).
7. Loginova L. V., Shcheblanova V. V. Destructive civic activity of young people: theoretical and methodological conceptualization. *Logos et Praxis*, 2019: 18: 2: 98–108 (in Russ.). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.9
8. Lotman Yu. M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta [Semiotics of culture and the concept of text]. In *Selected articles. Vol. 1.* Tallinn, 1992: 479 (in Russ.).
9. Pyrma R. V. Protest moods of Russian youth in the digital network. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2019: 9 (6): 100–110 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110
10. Ruban L. S. Today's deviant behavior and the youth's attitudes to its manifestations. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2018: 18: 2: 318–333 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333
11. Savenkov R. V., Shcheglova D. V. Theories of collective behavior and resource mobilization: elaboration on the concepts for the analysis of political protest. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, 2018: 20: 4: 555–563 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563
12. Sedova N. N. Self-Sufficiency and Activism in the Worldview of Russians. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2019: 4: 9–25. (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6796

13. Thaler R., Sunstein K. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Transl. from Eng. by E. Petrova. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2017: 240 (in Russ.).
14. Thaler R. From Homo economicus to Homo sapiens. *Logos*. 2014: 1 (97): 141–154 (in Russ.).
15. Ushkin S. G. Methodological approaches towards studying network protest activity: from the “smart crowd” towards “slactivism”. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2015: 3: 3–12 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2015.3.01
16. Tsukanov Ya. A. Theoretical and methodological foundations of social forecasting of protest activity. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, 2017: 12: 5: 248–254. (in Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-248-254
17. British schoolchildren to join Europe-wide protest “strikes” over climate change. The World Economic Forum. 01 Feb. 2019. Accessed 01.06.2020. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/belgian-schoolchildren-on-strike-protest-climate-change/>
18. Climate strike: Schoolchildren protest over climate change. BBC. 15 Feb. 2019. Accessed 01.06.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-47250424>
19. “It Will Be Too Late for My Generation”. Meet the Young People Organizing a Massive Climate Change Protest. TIME. 14 March, 2019. Accessed 01.06.2020. URL: <https://time.com/5550823/climate-change-protest-schoolchildren/>
20. Jasper J. M. and Jan Willem Duyvendak, eds. *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2015: 322.
21. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. N. Y.: Oxford University Press, 2005: 301. Accessed 01.06.2020. URL: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf>
22. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The People’s Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign*. New York, Columbia University Press, 1944: 384.
23. Less activism, more learning – Australia’s PM rebukes schoolchildren protesting climate change. CNN. November 26, 2018. Accessed 01.06.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/26/australia/australia-pm-climate-protest-scli-intl/index.html>
24. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. *Digital Citizenship: The Internet, Society and Participation*. Massachusetts, The MIT Press, 2007: 240.
25. Mossberger K., Wu Y., Crawford J. Connecting citizens and local governments? *Social media and interactivity in major U. S. Cities Government Information Quarterly*. 2013: 30(4): 351–358.
26. Serbian schoolchildren protest over maths test leak. REUTERS. June 19, 2019. Accessed 01.06.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-protests-students/serbian-schoolchildren-protest-over-maths-test-leak-idUSKCN1TK21A>
27. Zald M. N., McCarthy J. D. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick, New Jersey, 1987: 435.

The article was submitted on: December 17. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Brodovskaya, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science, Director of the Center for Political Studies, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Anna Y. Dombrovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Political Science, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЁЖЬ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778

Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи¹

Ссылка для цитирования: Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778

For citation: Kostina E. Y., Orlova N. A. Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778

**Костина
Елена Юрьевна¹**

¹Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

kostina.eyu@dvfu.ru

AuthorID ПИНЦ: 353409

**Орлова
Надежда Александровна¹**

¹Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

orlova.na@dvfu.ru

AuthorID ПИНЦ: 169897

Аннотация. В настоящее время актуальным в социальной повестке является поиск групп и индивидов, которые могут стать движущей силой развития современного российского общества. Традиционно именно молодёжь рассматривается как социальная группа, лишенная груза прошлого и ориентированная на инновации, трансформации и реформы. Современные молодые люди живут в весьма противоречивом мире, сталкиваясь с большими социальными проблемами, чем другие возрастные когорты ранее. Так, реалии рыночной экономики и глобализации социальных процессов и взаимодействий накладываются на ценности и идеи свободы выбора, самореализации, жизненного успеха, а также на стремление активно участвовать в жизни общества. Открытым остается вопрос о готовности молодёжи нести социальную ответственность за выбранные формы и способы влияния на социальные процессы и явления, так как ответственность за внедряемые инновации — это

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00768

обратная сторона социальной и гражданской активности. В статье представлен анализ данных, полученных авторами в ходе социологического исследования социальной, гражданской активности молодёжи, а также социальной ответственности представителей данной социально-демографической группы. Исследовательский проект был реализован в декабре 2020 г. в форме анкетного опроса молодёжи Приморского края, а также глубинных интервью. Подчеркивается, что особую значимость в исследовании данной проблематики играет региональное измерение жизненных позиций молодых людей, в поле социальной активности в целом, в понимании и осмыслении гражданской активности своего поколения, в частности и в оценке собственной позиции в координатах инклюзии-эксклюзии. Акцентируется внимание на необходимости такого диалога между обществом, властью и молодёжью, который не сводится к декларациям, но основан на обязательном развитии механизмов вовлечения молодёжных групп в социально ответственные практики, на стимулировании конкретных молодёжных инициатив, проектной и творческой деятельности.

Ключевые слова: молодёжь, социальная активность, социальная ответственность, доверие, ценностные ориентации

Молодёжь в современном обществе: возможности неочевидного выбора

Современный социум – среда очень неоднородная, и важнейшими её параметрами, наряду с усиливающимися глобальными тенденциями развития, являются неопределённость и нелинейность происходящего. Основным общественным трендом становится повышение всеобщего риска. Эта ситуация вносит дополнительную и, условно говоря, «современную» сложность в социальное бытие и развитие молодёжи как социально-демографической группы. Многовариантность стоящего перед молодыми людьми выбора, его неочевидность и неоднозначность обусловлены затруднённой формированию универсальных нравственных ценностей и моральных ориентиров, по этой причине современный человек вынужден жить в условиях постоянных неразрешимых моральных дилемм [18]. Человек в современном обществе, как никогда до этого, оказывается лишённым привычного прежним поколениям набора внятных жизненных выборов, сегодня в каждой ситуации он вынужден генерировать собственный выбор в весьма неопределённых ценностно-нормативных условиях.

Острее всего данная ситуация сказывается на молодёжи, чьи выборы в начале построения жизненной стратегии определяют направление их жизни в будущем. Зарубежные исследователи обращают внимание на то, что представители молодого поколения сейчас вынуждены сталкиваться с более серьёзными социальными вызовами, чем другие возрастные когорты во времена своей молодости, особо выделяя проблемы с получением заработка/дохода, жилья, занятости. Всё это ограничивает возможности молодёжи утвердиться в качестве самостоятельных взрослых в том же темпе, что у более ранних поколений [22,

24]. В. А. Смирнов, кроме того, отмечает, что старшие поколения, как держатели финансового и социального капитала, занимают более выгодные позиции в социальном пространстве [12, с. 73]. Особо подчёркивается, что такое отставание будет сохраняться, так как неопределённость на рынке труда, связанная с глобализацией, скорее всего будет создавать всё новые риски в течении всей жизни современной молодёжи [19, 21, 22], что во многом подтвердила социальная ситуация, сложившаяся в период пандемии. Остаётся надеяться, что молодые люди в попытке преодолеть любые ограничения пойдут путем наращивания собственной социальной активности.

Социальная активность и социальная ответственность молодёжи в предметном поле научных исследований

Традиционно молодёжь рассматривалась как социальная группа, лишенная груза прошлого опыта и ориентированная на трансформации и реформы. Хотя, конечно, это характерно не для всей молодёжи, это, скорее, её «идеальный» образ. В повседневной жизни молодёжь более склонна демонстрировать и транслировать социальные ценности, принятые в данном обществе, а не открыто противопоставлять себя его устоям. Данная двойственность обуславливает фрагментарность молодёжной субъектности и во многом этим можно объяснить, что целенаправленного и долгосрочного внимания к социальной активности молодёжи нет со стороны отечественных и зарубежных исследователей. Чаще всего всплески внимания к активизму данной социальной группы вызывают различные события, происходящие в той или иной стране, на фоне которых становится заметна «энергия», которая движет молодёжью. Согласно результатам опроса, проведенного ВЦИОМ, на протяжении последних лет актуальным остается запрос на участие молодежи в общественной и политической жизни страны (90% – 2017, 90% – 2019)¹. Полученные данные можно объяснить стремлением общества к изменениям, желанием вырваться из ситуации застоя, когда социальная активность молодёжи рассматривается как «неотъемлемый компонент обновления и социального развития, который строится на высокой разноформатной и разновекторной активности молодёжи в целях осуществления социальных преобразований “здесь и сейчас”» [16, с. 595].

Современные молодые люди живут в весьма противоречивом мире: реалии рыночной экономики, глобализации социальных процессов и взаимодействий, с которыми они сталкиваются повсеместно (технологизация и диджитализация коммуникаций и отношений, платные образовательные услуги, различные формы и факторы социального расслоения

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozhnyj-aktivizm-obshhestvennaya-polza> (дата обращения: 11.05.2021).

и неравенства, снижение межпоколенческой мобильности, откладывание и усложнённость жизненных стартов), накладываются на ценности и идеи свободы выбора, самореализации, жизненного успеха. Они также ограничивают возможности молодых изменить свою жизнь и жизнь общества, занять активную социальную и гражданскую позиции. По мнению И. В. Арендачук, социальная активность «проявляется в способности субъекта осознавать смысл решения общественных задач на основе соотнесения их с собственной системой ценностей» [1, с. 289]. Движущими факторами социальной активности выступают потребности, удовлетворение которых имеет социальное значение, а также ценности молодёжи [13].

В некоторых случаях исследователи смешивают понятия социальная и гражданская активность. Так, Е. Л. Омельченко определяет их как синонимичные через «или» и объясняет, что под ними можно понимать «желание участвовать, включаться в общественные преобразования, как потребность найти своё место, определить направленность жизни, обрести идентичность» [8, с. 66]. Гражданская активность молодёжи может быть одновременно созидательной и разрушительной для общества.

Граница между правильно/неправильно, конструктивно/деструктивно определяется в первую очередь возможностью достижения социального согласия относительно перспектив общественного развития. Стоит заметить, что принудительно заставить молодёжь идти курсом, декларируемым государством и обществом взрослых, будет довольно сложно. Э. Рейнсфорд отмечает, что именно позитивное отношение молодёжи к сложившейся социально-политической системе побуждает к участию в формальной политической жизни страны, а негативное приводит к участию в протестах [27]. Соответственно, необходима постоянная, государственная программа действий, ориентированная на формирование гражданской активности и ответственности молодёжи, создание условий, в которых молодёжь имела бы реальную возможность влиять на принимаемые политические решения в стране [14].

К сожалению, на практике текущие социальные, экономические и политические реалии российского общества ограничивают доступ представителей молодежи к возможностям реального общественного влияния и участия. Иногда это имеет вид «принудительных» практик либо составления формальных документов (повесток, программ). Очень слабо участие молодых людей в принятии и реализации управленческих решений, связанных как с интересами данной социальной группы, так и с интересами общества и государства в целом. Это приводит к выбору молодёжью стратегии самоисключения, добровольного отказа от социальной, политической и гражданской активности. Л. Гудков из Левада-Центра¹ указывает на то, что современной российской молодёжи свойственны «ком-

¹ Гудков Л. Молодым в стране не хватает воздуха // Независимая газета (от 01.03.2016). URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2016-03-01/9_young.html (дата обращения: 30.06.2021). АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

пенсаторные или инфантильные мечтания – это индикатор утраты самой идеи о том, что общество можно изменить, что оно способно к трансформации – другому состоянию, более открытому, свободному, демократичному и прочее». К. Г. Сохадзе говорит о том, что нельзя однозначно и категорично называть современную молодёжь аполитичной и неактивной, так как молодёжь «опирается на устойчивую (интериоризированную в ходе социализации) систему ценностей, которая не подкрепляет активную гражданскую позицию и заинтересованность в волонтерской деятельности или в социальной активности в целом» [13, с. 360], но при этом демонстрирует усиливающийся запрос на включение в общественную деятельность, пусть и на близкой социальной дистанции. Ч. Фуксо справедливо полагает, что если не предоставить молодёжи продуктивного гражданского участия, то нас ждёт неудовлетворённость целого поколения, которая приведёт или к аномии, или деструктивным протестам [25].

Отечественные исследователи Л. И. Никовская и И. А. Скалабан обращают внимание на то, что современного молодого человека не привлекают длительные социальные или гражданские проекты, направленные на системные изменения, им больше интересно участие в так называемом «движении одной проблемы» (то есть не регулярное членство в экологической организации, а участие в движении в защиту Химкинского леса) [9, с. 50]. Во многом это делает подписание петиций, бойкотирование и протесты более привлекательными для них, чем иные отложенные формы гражданского участия, такие как, например, голосование на выборах [23]. Для молодых людей важно через социальную активность и общественное участие получить и использовать возможность самореализоваться, самопрезентовать, получить одобрение значимых групп, а не добиться одобрения обществом «взрослых». В целом, ориентация молодёжи на «короткие жизненные проекты» [6, с. 58] связана с возросшей краткосрочностью социальных взаимодействий в современном обществе, «уплотнением» социального времени и сокращением «социальных жизней». Это приводит к тому, что и социальная ответственность становится феноменом всё более краткосрочным, тактическим, не предполагающим длительных обязательств субъекта за принятые решения и поступки.

Ранее было отмечено, что молодёжь традиционно рассматривается как наиболее активная возрастная группа, которая занимает важное место в общественном воспроизводстве культурных, социальных, политических, экономических и общественных практик. Присущая молодым людям склонность к инновациям и готовность к изменениям порождает амбивалентное отношение к этой социально-демографической группе, что позволяет смотреть на молодёжь как на своеобразных «спасителей». По мнению П. Мосс, именно они могут вывести общество из кризиса ценностей, кризиса экономики и в целом из кризиса цивилизации [26]. Соответственно, от молодёжи ждут готовность браться за долгосрочные проекты, но готово ли молодое поколение взять на себя такую ответственность, ведь «реальная способность и готовность индивидов принимать

ответственные решения в условиях растущей нравственной неопределённости отстаёт от социального запроса на такую готовность» [4, с. 56]. Социальная ответственность – это не врождённое качество личности, но результат целенаправленного формирования. Уровень социальной ответственности показывает степень социальной зрелости индивида.

Иными словами, есть две основные проблемы, препятствующие инновационной активности молодёжи: её ограничение со стороны государства и современные социальные процессы, от власти не зависящие (неопределённость на рынке труда и связанные с ней риски, потребность в самореализации и самопрезентации и т. п.). Логично предположить, что в условиях социально ограниченных возможностей вкупе с возрастной незрелостью, небольшим жизненным опытом, вариативностью жизненных сценариев молодые люди пытаются искать компромисс в отношениях с такой средой, компенсировать ограниченность одних видов активности другими.

Естественно, что в таких обстоятельствах представители молодого поколения ориентируются на личную материальную и финансовую защищённость.

Методология исследования

Дальний Восток максимально удалён от федерального центра и в целом от европейской части страны, при этом, обладая географической, социально-экономической и демографической спецификой, он во многом уникален для России, поскольку является объектом стратегических интересов и целей государства. Большинство субъектов региона представляют собой приграничные территории, по мнению А. В. Винокуровой, приграничье – «территориальное образование, имеющее свои характерные особенности, которое, структурируя собственное пространство, задаёт систему координат для формирования целевых ориентаций и жизненных стратегий местных сообществ» [2, с. 190]. Основную часть приграничных субъектов Дальневосточного федерального округа можно отнести к регионам, для которых характерны неблагоприятные тенденции, связанные с ухудшением различных аспектов повседневной жизнедеятельности людей, следствием чего является интенсивный отток населения с данных территорий. Согласно статистическим данным, уезжают, в основном, лица трудоспособного возраста и квалифицированной части трудовых ресурсов, при этом наибольшая миграционная активность в этой группе свойственна населению в возрасте 20–30 лет [5, с. 130]. Среди тех, кто не уехал, большую долю составляют те, кто хотел бы это сделать, но не смог. Такое желание характерно именно для молодых людей, составляющих основной ресурс развития дальневосточных территорий. Закономерно становится вопрос – кто будет жить на Дальнем Востоке? Кто (представители каких групп населения) готов стать движущей силой динамичного развития региона? В этой

связи исследование, направленное на изучение социальной активности и социальной ответственности молодого поколения, проживающего на дальневосточных рубежах страны, через призму их субъективных оценок, представляется своевременным и тематически актуальным.

Исследовательский проект был реализован в декабре 2020 г. в форме анкетного опроса ($N = 1\ 049$) молодёжи Приморского края, а также глубинного интервью ($N = 10$) с представителями молодого поколения, занимающими активную социальную позицию. Репрезентативность данных количественного исследования обеспечивалась типом выборки – квотная, отбор реализован по критериям возраста и пола, репрезентирует по ним структуру генеральной совокупности. В ходе пилотажа не было выявлено сложностей в восприятии и заполнении респондентами опросного бланка.

Качественное исследование, реализованное авторами, состояло из серии глубинных интервью (критерии отбора информантов – возраст от 18 до 30 лет; проживание на территории Приморского края; наличие опыта проявления социальной активности не менее одного года). Гайд интервью был структурирован тематически и включал следующие структурные блоки: личная активность и интересы; оценка социальной активности молодёжи в целом.

Социальная активность и ответственность молодёжи

Сложно осуществлять исследование, если разговариваешь с респондентами на разных языках. Возможно, современная молодёжь по-иному определяет для себя социальную активность? Так, по результатам проведённых интервью можно констатировать, что молодёжь социальную активность интерпретирует следующим образом: *«когда группа людей продвигает какой-то свой интерес», «активная гражданская позиция», «способность привлекать внимание и делиться своим», «активное участие в жизни общества/города», «деятельность по совершенствованию общества», «участие в политических мероприятиях», «включённость человека в социальные процессы», «возможность что-то изменить».* Стоит отметить, что во многом в своих умозаключениях разделяют устоявшиеся в науке подходы к определению социальной активности. Социально активного человека они определяют следующим образом: *«общественный человек», «тот, кто всегда помогает своим друзьям, коллегам, а также и другим людям», «он окружает себя людьми, и люди для него всё», «человек, который занимается разными видами деятельности, у которого обязательно есть хобби», «который следит за политической жизнью в стране и в принципе имеет активную позицию».*

Молодой человек в современном обществе занимает переходную позицию от иждивенческого зависимого положения к социальной роли полноправного члена общества, ответственного за себя, за других и за общество в целом. А. А. Пронина указывает, что тенденции развития

современного общества таковы, что формируют определённый «социальный заказ» на социальную активность, на человека, который может ставить и достигать в своей деятельности социальнозначимые цели [10, с. 145]. Отметим, что значительное число респондентов согласны с необходимостью участия молодёжи в социально полезной деятельности (78,3%). При этом только 52,8% из опрошенных молодых людей указали на то, что им приходилось за последние несколько лет участвовать в какой-либо общественной деятельности, причем 34,8% из них делали это по своей инициативе, 18% – по просьбе друзей и знакомых, а 3,6% – под давлением со стороны администрации учебных заведений и организаций, где они учатся или работают. Становится очевидным, что «запрос» на социальную активность со стороны молодёжи есть. Часть молодых людей находится еще в иждивенческой позиции, ждёт возможности реализоваться в этом направлении. Необходимо на разных уровнях государственного управления с обязательным участием молодёжи разрабатывать программы по вовлечению молодых людей в социальную активность и формированию у них ответственности за развитие общества [9].

В этой связи особый интерес представляют формы социальной активности, которые предпочитает выбирать молодёжь в рамках своей деятельности. Так, К. Г. Сохадзе выделяет следующие формы: личностная, групповая/коллективная, направленная на реализацию интересов определённых социальных общностей, личностно-институциональная (в рамках формальных объединений) [13, с. 355]. Респонденты в интервью указали на то, что их больше привлекает деятельность в коллективе, даже если это и сложнее, по их мнению, она даёт лучший результат, а также более привычна молодым людям: *«добиваться успеха в группе лучше, так как растёт и развивается не один человек, а вся группа», «в команде лучше и эффективнее; делегируя полномочия, работа идет быстрее и успешнее; всегда есть, кто поможет», «мне комфортно в группе и нравится прислушиваться к мнению других», «лично для меня ближе: вместе – мы сила»*. Лишь двое отметили, что им не нравится зависимость результата от других людей, поэтому они предпочитают работать самостоятельно.

Молодёжь можно назвать «социальным ресурсом», необходимым для преобразования общества. В данном контексте речь в первую очередь идёт о гражданском участии, которое включает в себя участие в политической жизни (членство в политической партии, написание петиции и участие в протестах), непосредственно гражданское участие (членство в общественных организациях, волонтерство), а также психологическое взаимодействие, то есть внимание к общественным и политическим событиям [17]. Гражданскую позицию молодого поколения можно проследить через интерес, который они проявляют к политической жизни в стране. Результаты нашего опроса показали, что участники разделились на две практически равные группы (49,7% – следят за политической ситуацией, 50,3% – не делают этого).

Участие в выборах является одним из индикаторов политической активности/неактивности населения. Несмотря на распространённое мнение о том, что молодёжь значительно реже голосует на выборах, чем представители старших поколений, полученные данные свидетельствуют – электоральная активность молодёжи находится на достаточно высоком уровне. Так, принимали участие в выборах различного уровня 61,5% ответивших. Среди других форм гражданской активности наиболее распространёнными являются поддержка петиций (56,4%) и коллективных писем (35,7%). Сообщили, что когда-либо участвовали в митингах и акциях протеста, 21,8% и 13,3% респондентов, соответственно.

Характеризуя непосредственное гражданское участие молодёжи, можно констатировать, что когда-либо участвовали в деятельности волонтерских организаций 51,6% опрошенных, в деятельности общественных объединений или организаций 50,0%. Каждый второй респондент занимался благотворительностью, 21,2% были задействованы в разработке и реализации социальных или гражданских проектов. При этом 12,3% молодых людей выступали в качестве создателей молодёжных движений и организаций.

Российские исследователи А. А. Желнина и Е. В. Тыканова говорят о локальном активизме как о «коллективных действиях горожан, их самоорганизации для участия в городском управлении, в том числе направленном на предотвращение нежелательного развития городских территорий» [3, с. 164]. Нам показалось важным рассмотреть вопрос относительно границ ответственности, которую молодёжь готова нести. Они определяются прежде всего характером сложившихся социальных связей, степенью их «близости/удалённости». Молодые люди чувствуют ответственность прежде всего за тех, с кем их связывают самые близкие социальные связи. В первую очередь это семья и коллеги по работе, то есть те, с кем молодой человек общается постоянно. Только 38,7% в полной и значительной мере ощущают ответственность за происходящее в доме или дворе, 26,4% – за происходящее в городе. Каждый четвёртый потенциально готов стать локальным активистом, делая город, в котором он живет, лучше и комфортнее. Думается, что это немало.

Наше исследование показало, что ответственность молодёжи имеет территориальные, пространственные границы. Она снижается при переходе на уровень региона и страны. Так, совершенно не чувствуют ответственность и полагают, что не имеют возможности повлиять на происходящее в стране, 35,9% и 45,9% респондентов соответственно.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что все респонденты полагают, что могут повлиять только на те процессы, которые происходят вокруг них. По всей видимости, это объясняется их неуверенностью в себе. Необходимо обучение и информирование молодых людей о способах и инструментах социальной активности в той или иной области, на том или ином уровне принятия управленческих и политических решений.

В рамках исследования респондентам было предложено дать оценку собственной деятельности в координатах социальной активности/неактивности. Полученные результаты свидетельствуют, что менее половины (41%) опрошенных позиционируют себя социально активными членами общества. Ответившие положительно в основном определяли свою социальную активность через принадлежность к общественным организациям, осуществление волонтерской деятельности, участие в различных мероприятиях и в целом в жизни общества, а также «активную жизненную позицию». Отсутствие времени (учёба, работа, семья), интереса, концентрация внимания только на удовлетворении своих потребностей, забота о своём благополучии и благополучии своей семьи – такие объяснения преобладали в ответах респондентов, относящих себя к социально неактивным.

Итак, достаточно большая часть молодёжи Приморского края находит условия для реализации своих инициатив посредством социально-активной деятельности, что говорит о наличии «запроса» на социальную активность не только со стороны общества, но и со стороны представителей этой социально-демографической группы. Пассивность в данном поле во многом объясняется *я*-ориентированными позициями (установками). Электоральная активность молодёжи довольно высока, более половины респондентов принимали участие в выборах. Среди не электоральных форм гражданской активности преобладают подписание петиций и коллективных писем. Кроме этого, каждый второй респондент осуществлял непосредственное гражданское участие через такие практики, как деятельность в волонтерских организациях, общественных объединениях, в благотворительности, каждый пятый – в разработке и реализации социальных или гражданских проектов. Уровень принятия на себя социальной ответственности зависит от степени близости по отношению к людям и объектам, входящим в её предполагаемый круг.

Подводя итог

Результаты исследования свидетельствуют о возрастающей потребности молодёжи Приморья влиять на принятие решений (что подтверждает популярность волонтерских практик, желание участвовать в актуальных для молодёжного сообщества общественных проектах и программах); готовности к повышению общественной активности при условии полезности и «интересности» дела. Иными словами, есть основания говорить о потенциале социальной ответственности у приморской молодёжи, который может реализоваться при условии активного диалога между обществом, властью и молодёжными группами. Этот диалог не должен сводиться к декларациям, но должен быть основан на обязательном развитии механизмов вовлечения молодёжных групп в социально ответственные практики, на стимулировании конкретных молодёжных инициатив, проектной и творческой деятельности.

Наше предположение об ориентации молодых людей исключительно на личное благополучие не подтвердилось. Однако молодёжь Приморья проявляет относительно высокую социальную активность на локальном уровне, но при этом не чувствует возможности влиять на социальные и политические процессы на уровне региона и страны.

Библиографический список

1. Арендачук И. В. Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодёжи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 287–307. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307
2. Винокурова А. В. Дальневосточные регионы российско-китайского приграничья: актуальные проблемы и тренды социально-экономического и демографического развития // Социологическое прочтение настоящего и контуры будущего. Материалы международной научно-практической конференции. Минск: БГУ, 2020. С. 190–192.
3. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
4. Зарубина Н. Н. Молодёжь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 52–63.
5. Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Рубина А. Е. Региональная демографическая политика как составляющая социального благополучия населения (на материалах Приморского края) // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 4. С. 126–136. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00044
6. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 57–67.
7. Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
8. Омельченко Е. Л. Молодёжный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследования социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59–86.
9. Подъячев К. В., Халий И. А. Государственная молодёжная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276

10. Пронина А. А. Ответственность как доминирующая характеристика социальной активности молодёжи // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2019. № 39(58). С. 145–149.

11. Серегин А. Н. Методика исследования социальной активности студенческой молодёжи // Тексты докладов III Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН, 2008. URL: https://www.isras.ru/publications_bank/1227106570.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

12. Смирнов В. А. Молодёжная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3(359). С. 72–80.

13. Сохадзе К. Г. Социальная активность Российской молодёжи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363

14. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 2007. 299 с.

15. Халий И. А., Подъячев К. В. Молодёжная политика как фактор социального развития: концептуальные противоречия // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. С. 464–495.

16. Щебланова В. В., Логинова Л. В., Зайцев Д. В., Сурков И. Ю. Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 595–610. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610

17. Barrett M., Zani B. Political and civic engagement: Multidisciplinary perspectives. London: Routledge, 2015. 584 p.

18. Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2013. 224 p.

19. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity, 2016. 223 p.

20. Bessant J., Farthing R., Watts R. The Precarious Generation: A Political Economy of Young People. London: Routledge, 2017. 238 p.

21. Buchholz S., Hofacker D., Mills M., Blossfeld H. P., Kurz K., Hofmeister H. Life Courses in the Globalization Process: The Development of Social Inequalities in Modern Societies // European Sociological Review. 2009. Vol. 25. P. 53–71.

22. Churchill B., Denny L., Jackson N. Thank God you're here: The Coming Generation and their Role in Future Proofing Australia from the Challenges of Population Ageing // Journal of Social Issues. 2014. Vol. 49 (3). P. 373–392. DOI: 10.1002/j.1839-4655.2014.tb00318.x

23. Dalton R. J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation // *Political Studies*. 2008. Vol. 56. P. 76–98.
24. Denny L., Churchill B. Youth Employment in Australia: A Comparative Analysis of Labour Force Participation by Age Group // *Journal of Applied Youth Studies*. 2016. Vol. 1 (2). P. 5–23.
25. Fuchs Ch. The self-organization of social movements // *Systemic Practice and Action Research*. 2006. Vol. 19. No. 1. February. P. 101–137. DOI: 10.1007/s11213-005-9006-0
26. Moss P., Moss G. Toward a new public education: making globalization work for us all // *Child development perspectives*. 2008. Vol. 2. Iss. 2. P. 114–119. DOI: 10.1111/J.1750-8606.2008.00051.X
27. Rainsford E. Exploring youth political activism in the United Kingdom: What makes young people politically active in different organisations? // *British Journal of Politics and International Relations*. 2017. P. 1–17. DOI: 10.1177/1369148117728666

Статья поступила 12.12.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Костина Елена Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, директор Департамента социальных наук,

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Орлова Надежда Александровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук,

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778

Social Activity and Social Responsibility in the Ideas and Practices of Modern Youth

The reported study was funded by RFBR, project No. 19-011-00768.

Elena Yu. Kostina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

ORCID ID: 0000-0003-4482-9497

Nadezhda A. Orlova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: orlova.na@dvfu.ru

ORCID ID: 0000-0002-1892-0097

For citation: Kostina E. Yu., Orlova N. A. Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778

Abstract. Currently, the search for groups and individuals that can become the driving force behind the development of modern Russian society is relevant on the social agenda. Traditionally, it is the youth that is seen as a social group, devoid of the burden of the past and focused on innovation, transformation and reform. Today's young people live in a very contradictory world, facing greater social problems than other age cohorts faced previously. Thus, the realities of a market economy and the globalisation of social processes and interactions are superimposed on the values and

ideas of freedom of choice, self-realisation, success in life, as well as the desire to actively participate in the society life. The question of the willingness of young people to bear social responsibility for the chosen forms and ways of influencing social processes and phenomena remains open, since responsibility for innovations being introduced is the other side of social and civic activity. The article presents an analysis of the data obtained by the authors in the course of a sociological study of the social, civic activity of young people, as well as the social responsibility of representatives of this socio-demographic group. The research project was implemented in December 2020 in the form of a questionnaire survey of the youth of Primorsky region, as well as in-depth interviews. It is emphasised that of particular importance in the study of this issue are the regional dimension of the life positions of young people, in the field of social activity in general, in understanding and comprehending the civic activity of their generation, in particular, and in assessing their own position in the coordinates of inclusion-exclusion. Attention is focused on the need for such a dialogue between society, government and youth, that is not limited to declarations, but is based on the mandatory development of mechanisms for involving youth groups in socially responsible practices, on stimulating specific youth initiatives, project and creative activities.

Keywords: youth, social activity, social responsibility, trust, value orientations

References

1. Arendachuk I. V. Dynamics of Value and Meaning Characteristics of Social Activity of Modern Youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018: 15(3): 287–307 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307
2. Vinokurova A. V. Dal'nevostochnye regiony rossijsko-kitajskogo prigranich'ya: aktu-al'nye problemy i trendy social'no-ekonomicheskogo i demograficheskogo razvitiya [Far Eastern Regions of the Russian-Chinese Borderlands: Current Problems and Trends in Socio-Economic and Demographic Development]. In *Sociologicheskoe prochtenie nastoyashchego i kontury budushchego. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Sociological reading of the present and contours of the future. Materials of the international scientific-practical conference]. Minsk, BGU, 2020: 190–192 (in Russ.).
3. Zhelnina A. A., Tykanova E. V. Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2019: 22(1): 162–192 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
4. Zarubina N. N. The Youth in Terms of Anomie: Who Will Take the Responsibility for the Future of Russia? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2016: 2: 52–63 (in Russ.).
5. Kostina E. Yu., Orlova N. A., Rubina A. E. Regional demographic policy as a component of social wellbeing of population (on the materials of Primorsky krai). *Narodonaselenie*, 2019: 22: 4: 126–136 (in Russ.). DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00044
6. Krivosheev V. V. Korotkie zhiznennye proekty: proyavlenie anomii v sovremennom obshchestve [Short life projects: manifestation of anomie in modern society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009: 3: 57–67 (in Russ.).
7. Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017: 6: 43–60 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
8. Omel'chenko E. L. Molodezhnyj aktivizm v Rossii i global'nye transformacii ego smysla [Youth activism in Russia and global transformations of its meaning]. *Zhurnal issledovaniya social'noj politiki*, 2005: 3: 1: 59–86 (in Russ.).
9. Podyachev K. V., Khaliy I. A. The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities. *RUDN. Journal of Sociology*, 2020: 20(2): 263–276 (in Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276
10. Pronina A. A. Responsibility as the dominant characteristic of social activity of youth. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Pedagogicheskie i psihologicheskie nauki*, 2019: 39(58): 145–149 (in Russ.).
11. Seregin A. N. Metodika issledovaniya social'noj aktivnosti studencheskoj molodyozhi [Methodology for studying the social activity of student youth]. *Teksty dokladov III Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa* [Texts of the reports of the III All-Russian Sociological Congress]. Moscow, IS RAN, 2008. Accessed 12.06.2021. URL: https://www.isras.ru/publications_bank/1227106570.pdf (in Russ.).

12. Smirnov V. A. Youth politics: a systematic description. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 3(359): 72–80 (in Russ.).
13. Sohadze K. G. Social activity of the Russian youth: the scope and restraining factors. *RUDN. Journal of Sociology*, 2017: 17: 3: 348–363 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363
14. Khaliy I. A. Sovremennyye obshchestvennyye dvizheniya: innovatsionnyy potentsial rossiyskikh preobrazovaniy v traditsionalistskoy srede [Modern social movements: innovative potential of Russian transformations in traditionalist environment]. Moscow, IS RAN, 2007: 299 (in Russ.).
15. Khaliy I. A., Podyachev K. V. Youth policy as a factor of social development: conceptual contradictions. In *Self-regulation of youth life: methodology and social practices: monograph* / Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevsky et al. Belgorod, OOO “Epicenter”, 2021: 464–495 (in Russ.).
16. Shcheblanova V. V., Loginova L. V., Zajcev D. V., Surkova I. Yu. Student civil activism: risk of destructive manifestations in the Volga region. *RUDN. Journal of Sociology*, 2020: 20: 3: 595–610 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610
17. Barrett M., Zani B. Political and civic engagement: Multidisciplinary perspectives. London, Routledge, 2015: 584.
18. Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge, Polity Press, 2013: 224.
19. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge, Polity, 2016: 223.
20. Bessant J., Farthing R., Watts R. The Precarious Generation: A Political Economy of Young People. London, Routledge, 2017: 238.
21. Buchholz S., Hofacker D., Mills M., Blossfeld H. P., Kurz K., Hofmeister H. Life Courses in the Globalization Process: The Development of Social Inequalities in Modern Societies. *European Sociological Review*, 2009: 25: 53–71.
22. Churchill B., Denny L., Jackson N. Thank God you’re here: The Coming Generation and their Role in Future Proofing Australia from the Challenges of Population Ageing. *Journal of Social Issues*, 2014: 49 (3): 373–392. DOI: 10.1002/j.1839-4655.2014.tb00318.x
23. Dalton R. J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. *Political Studies*, 2008: 56: 76–98.
24. Denny L., Churchill B. Youth Employment in Australia: A Comparative Analysis of Labour Force Participation by Age Group. *Journal of Applied Youth Studies*, 2016: 1 (2): 5–23.
25. Fuchs Ch. The self-organization of social movements. *Systemic Practice and Action Research*, 2006: 19: 1: 101–137. DOI: 10.1007/s11213-005-9006-0
26. Moss P., Moss G. Toward a new public education: making globalization work for us all. *Child development perspectives*, 2008: 2: 2: 114–119. DOI: 10.1111/J.1750-8606.2008.00051.X
27. Rainsford E. Exploring youth political activism in the United Kingdom: What makes young people politically active in different organisations? *British Journal of Politics and International Relations*, 2017: 1–17. DOI: 10.1177/1369148117728666

The article was submitted on: December 12. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena Yu. Kostina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Director of the Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Nadezhda A. Orlova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЁЖЬ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.779

Европейская и национальная идентичность в представлениях современной российской молодёжи: кейс Санкт-Петербурга¹

Ссылка для цитирования: Викторова Е. В., Петренко Д. А., Власова Н. В., Шишкина Е. В. Европейская и национальная идентичность в представлениях современной российской молодёжи: кейс Санкт-Петербурга // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 144–169. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.779

For citation: Victorova E. V., Petrenko D. A., Vlasova N. V., Shishkina E. V. European and national identity in the perceptions of modern Russian youth: the case of St. Petersburg. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 144–169. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.779

**Викторова
Елена Владимировна¹**

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

elena.viktorova@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 847036

**Петренко
Дарья Александровна¹**

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

dariia.petrenko.1@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 1040099

**Власова
Наталья Владимировна¹**

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

nostashova@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 402004

**Шишкина
Евгения Владимировна²**

²Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

zhenjash@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 722324

¹ Статья написана по результатам исследования, проведенного в начале 2020 г. в рамках проекта ERASMUS+ Jean Monnet 611458-EPP-1-2019-RU-EPPJMO-PROJECT «Трансформация идентичностей в Европе и России в современных условиях».

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования идентичности современной российской студенческой молодёжи Санкт-Петербурга. Актуальность исследования обусловлена недостаточной сформированностью современной российской идентичности и ее ценностных оснований, а также необходимостью изучения влияния европейских ценностей на мировоззрение современной российской молодёжи в условиях глобализации. Целью исследования было выявление уровня европейской идентичности у российской молодёжи, а также отношения молодёжи Санкт-Петербурга к российской и европейской идентичностям, к проблемам европейской интеграции, взаимовлияния культур. Молодое поколение, родившееся в новой России после распада Советского Союза, сформировалось под влиянием складывающейся новой российской идентичности, а также благодаря идентичности европейской, западным ценностям и процессам глобализации. В качестве целевой группы исследования были выбраны студенты Санкт-Петербурга, исторически наиболее европейского города России.

В качестве основного исследовательского инструмента использован метод глубинных интервью. Результаты исследования показали большую значимость для молодых россиян понятия «европейской идентичности», а также европейских ценностей и европейского образа жизни, что подтверждает предположение, предваряющее исследование, о значимости европейского влияния на мировоззрение современной молодёжи в условиях глобализации. Отношение опрошенной молодёжи к российской идентичности менее позитивно, что согласуется с утверждениями исследователей о недостаточной ясности в отношении концепта «российской идентичности» и составляющих ее базовых ценностей. Ограничением исследования является то, что в выборку вошли только студенты Санкт-Петербурга, и поэтому его результаты сложно экстраполировать на другие регионы России ввиду особого положения города. Результаты исследования носят предварительный характер, позволяющий выявить наиболее значимые тенденции формирования идентичности у современной молодёжи, что послужит основанием для дальнейших исследований.

Анализ данных проведенного исследования показал, что европейский проект формирования идентичности более привлекателен для опрошенной молодёжи, чем российский проект по формированию идентичности.

Ключевые слова: европейская идентичность, российская идентичность, Европа, Россия, европейская интеграция, молодёжь, глубинные интервью

Введение

Проблема формирования идентичности современных россиян является предметом многочисленных исследований как теоретического, так и прикладного характера. Пережив за XX век два грандиозных слома идентичности (революция 1917 г. и распад СССР в 1991 г.), современная Россия в течение последних 30 лет пытается создать новую идентификационную модель. При этом в дискурсе о российской идентичности происходит возвращение к дихотомии «Россия–Запад» в традиционном ключе, идущем от западников и славянофилов. В русле этой дихотомии Россия выступает либо как отсталая страна, которую надо модернизировать по западным канонам (традиция, идущая от западников), либо является самобытной цивилизацией (славянофилы), для которой влия-

ние Запада чуждо и даже разрушительно. На актуальность дихотомии «Россия–Запад» в процессе формирования идентичностей современных россиян указывают многие исследователи, такие как Б. Гройс, О. Ю. Малинова, В. Х. Тхакахов, А. А. Кара-Мурза, С. Г. Кара-Мурза, Л. А. Фадеева и др.

В частности, рассматривается вопрос, является ли Россия европейской страной в цивилизационном, культурном и политическом аспектах. Существующие точки зрения на идентичность России в контексте культуры не слишком противоречат друг другу. Принято считать, что Россия унаследовала европейскую культурную традицию, вопрос только в том, в каком соотношении эта традиция находится с другими культурными влияниями. В отношении России как европейской цивилизации есть разные точки зрения. Некоторые исследователи считают Россию частью европейской цивилизации (традиция, идущая от западников), другие самобытной и уникальной цивилизацией, осуществившей синтез различных культурных и цивилизационных начал (традиция, идущая от славянофилов). Поворот России к Востоку прослеживается в работах Л. Н. Гумилёва, Л. Е. Бляхера, В. А. Парамоновой и др., отдельно можно выделить работы евразийцев и неоевразийцев, например А. Г. Дугина.

Наиболее спорной является европейская идентичность России в политическом аспекте. На отсутствие определенных политических институтов, которые характерны для стран Запада, и правовой нигилизм в России обращали внимание многие исследователи. Например, Э. В. Чайкин [24] видит в этом причину того, что Россия не воспринимается как европейская страна в мейнстриме политического дискурса. При этом определение понятия Европа остаётся открытым, в различных дискурсах Европа рассматривается либо как страны ЕС, либо как страны Европейского континента, либо как коллективный Запад.

В контексте изучения идентичности современной российской молодёжи в соотнесении с Европой представляет интерес, насколько у неё выражена европейская идентичность. Европейская идентичность россиян, так же как и вопрос сопоставления России и Европы, возникает во времена правления Петра Великого. Актуальность европейской идентичности в разные периоды истории менялась и зависела от оценки Значимого Другого, т. е. Европы или Запада. После распада Советского Союза в современной России вопрос о европейской идентичности россиян снова становится значимым, так как в политике превалировала тенденция на сближение с Европой и строительство единого «общеевропейского дома». Однако этот этап был непродолжителен, примерно до начала 2000-х гг. Далее риторика элит начинает меняться в сторону подчёркивания самобытности России. Постепенно снижается чувство симпатии к Европе и ослабевает самоидентификация в качестве европейца даже в европейской части России, что нашло отражение в соответствующих исследованиях (А. Л. Андреев, О. В. Попова и др.). Так, например, в статье О. В. Поповой [15, с. 130–138] подчёркивается, что,

согласно социологическим опросам, значимость европейской идентичности для петербуржцев оказалась существенно меньше, чем определение себя как россиянина или как петербуржца. Автор связывает это с рутинизацией образа Европы (возможность поездок и проч.), а также с влиянием СМИ. Кроме того, привлекательность образа европейской идентичности значительно уменьшилась из-за санкционной политики ЕС в отношении России.

В работах многочисленных европейских исследователей как прошедшего времени (Ж. Мишле, Ф. Гизо, Л. Ранке и др.), так и современных (например, М. Малия) Россия рассматривалась как недостаточно европейская или вовсе восточная страна. Как отмечал Э. Пэгден, «если смотреть из центра Европы, то Россия кажется Другим, в то же время, при сравнении с настоящим Востоком, она кажется европейской» [29, с. 46–47]. Рассмотрение России как восточной империи особенно обострялось в периоды противостояний и войн. В последние тридцать лет, в точном соответствии с риторикой постсоветской России, её образ в Европе менялся от страны, которая, следуя рекомендациям Западного мира, может стать его частью (1990-е гг.), до страны, которая не может меняться и соответствовать европейским стандартам (примерно последние 10 лет).

По данным опроса Левада-Центра, проведённого в 2007 г., лишь 11% россиян согласны с тем, что Россия – это «часть Запада, она должна стремиться к сближению со странами Европы и США», 74% опрошенных считают, что Россия – это «евразийское государство, у которого собственный исторический путь развития», 7% склонялись к тому, что Россия – это «восточная страна, она должна ориентироваться на сотрудничество со своими соседями в Азии». Остальные 8% затруднились ответить [7].

Рассматривая вопрос о европейской идентичности россиян, необходимо концептуализировать термин «европейская идентичность». Определение европейской идентичности является дискуссионным. Европейская идентичность как концепт позволяет отличить европейцев от неевропейцев по ряду аспектов, таких как мировоззрение, культура, ценности, экономический потенциал, социальные гарантии [17]. Выделяют два основных подхода к рассмотрению европейской идентичности. В рамках первого подхода европейская идентичность рассматривается как политический проект Европейского союза и важная составляющая часть интеграционных процессов в Европе [26, с. 68–86; 27, с. 105–116; 29; 25, с. 55–71]. Второй подход, более широкий, предполагает существование европейской идентичности как некой исторической и культурной общности между странами Европы [6]. В этом смысле европейская идентичность распространяется на все страны Европейского континента. При этом подходе возникает ещё вопрос определения понятия Европа [5]. Отдельно можно выделить ценностный подход, в рамках которого Европа рассматривается предельно широко, поскольку европейские ценности, такие как свобода личности, либеральная экономика, демократические нормы, распространяются далеко за пределы Европейского континента [4].

В рамках проведённого исследования проанализировано соотношение европейской и национальной идентичности студенческой молодёжи Санкт-Петербурга. Под национальной идентичностью подразумевается чувство принадлежности и осознание эмоциональной привязанности к своему национальному государству. В исследовании был определён уровень эмоциональной привязанности молодых россиян к своей стране, основные ценности, присущие, с точки зрения респондентов, европейцам и россиянам, чтобы использовать эти материалы в дальнейших сравнительных исследованиях европейской и национальной идентичности.

Проблема национальной идентичности россиян рассматривается в работах многочисленных исследователей (В. А. Тишков, Л. М. Дробижева, И. С. Семенов, А. Г. Санина, Л. А. Фадеева и др.). В частности, в работах В. А. Тишкова, Л. М. Дробижевой, А. Г. Саниной исследуются вопросы: является ли российская идентичность национальной, что такое российский народ, а также российская нация. В связи с обострением противостояния глобального и локального возникает также стремление к регионализации. Например, Л. А. Фадеева [22] отмечает, что региональная идентичность является важной частью множественной идентичности в современном мире.

Соотношение государственной и гражданской идентичности рассматривается в работах Л. М. Дробижевой, А. Г. Саниной и др. Они подчеркивают важность гражданской солидарности и общегражданского доверия, на основании которых можно выстроить успешные идентичности, разделяемые не только элитами, но и рядовыми гражданами. В основе гражданской солидарности должны быть разделяемые обществом базовые ценности.

На формирование идентичности современных россиян оказывают влияние процессы глобализации. Интересно отметить, что большинство российских исследователей, особенно в 1990-х гг., представляли глобализацию как объективный мировой процесс, тогда как западные учёные подчёркивали её субъективный, идеологически и политически направленный характер. Например, немецкий философ В. Хёсле говорил о том, что во многом тяготение граждан стран Восточного блока к Западу было обусловлено желанием приобщиться к западным стандартам потребления, и предупреждал, что этому желанию могут быть принесены в жертву все прочие ценности, что грозит опасностями для национальной идентичности [23, с. 192]. То же самое утверждали некоторые российские исследователи, например С. Г. Кара-Мурза [10]. Д. Г. Когатько и В. Х. Тхакаков (авторы книги «Российская идентичность») справедливо отмечают: «Советское общество по сути своей не было обществом потребителей – и по идеологическим, и по экономическим, и по культурным причинам. Сопринадлежность к категории потребителей (на материальном и символическом уровнях) возникла лишь в постсоветский период. Движение от недопотребления к новому типу потребления – современный феномен» [11, с. 86]. Ценность потре-

бления является одной из наиболее значимых для современной западной цивилизации, в нашем исследовании был также затронут вопрос о ценностях современной молодёжи на примере молодёжи Санкт-Петербурга.

Необходимо также отметить, что существует идентичность как некий конструкт, который производят элиты, а есть идентичности, которые формируются у граждан в их повседневности, и эти модели идентичностей могут сильно различаться. Проводимые социологические исследования позволяют выявить идентичности современных россиян, как они формируются в настоящий момент. Результаты этих исследований могут не соответствовать тем теоретическим конструктам, которые описываются исследователями в теоретических работах. Например, в книге «Российская идентичность» отмечается, что «приоритеты массового сознания современных россиян не совпадают с представлениями интеллектуалов и государственных деятелей страны об их идентификационных ценностях. Первых уже не вдохновляют ни самодержавие, ни православие (религиозность), ни народность. В социологических опросах устойчиво доминирует иной выбор: “закон”, “порядок”, “справедливость”, “права человека” – ключевые понятия, с которыми россияне связывают возрождение России» [11, с. 84].

Актуальность исследования обусловлена тем, что, как отмечают многие эксперты (Н. В. Александрова, Т. Н. Гелла и др.), современная российская идентичность недостаточно сформирована. Это проявляется в том числе в отсутствии консолидации в обществе по поводу базовых ценностей. Ценности советского периода подверглись существенной ревизии, при этом формирование новых проходило под значительным влиянием Запада. Поэтому необходимо изучение влияния на современную российскую идентичность европейских ценностей, особенно на формирование мировоззрения современной российской молодёжи.

Целью нашего исследования стало выявление представлений российской молодёжи о европейской и российской идентичности, европейской интеграции и взаимовлиянии культур. Результаты исследования можно использовать для иллюстрации количественных опросов или в качестве предварительных выводов, которые послужат основанием дальнейших исследований. Мнения молодёжи о европейской и российской идентичности, процессах евроинтеграции важны для понимания того, насколько успешно происходит формирование современной российской идентичности, как она соотносится с европейской идентичностью, а также для принятия управленческих решений. Результаты исследования позволяют оценить динамику формирования российской идентичности в молодёжной среде. В качестве объекта исследования выбрана студенческая молодёжь, так как в ближайшем будущем именно она будет влиять на принятие решений и определять политику России, в том числе на международной арене.

Представленные результаты исследования дают картину соотношения национальной и европейской идентичностей студенческой молодёжи Санкт-Петербурга. В выборку вошли постоянные жители города

и приехавшие из других регионов для учёбы. Так как Санкт-Петербург – один из наиболее близко расположенных к Европе российских городов, то проведение данного исследования здесь особенно актуально, но в то же время его результаты могут существенно отличаться от других регионов России, именно благодаря особому положению Санкт-Петербурга. Исследование идентичности современной российской молодёжи актуально потому, что это поколение, которое родилось и выросло в современной России, после распада СССР. Поэтому ценности и ориентиры молодого поколения могут сильно отличаться от ценностей более старших поколений, которые выросли в Советском Союзе. Кроме того, пример Санкт-Петербурга показателен и тем, что даже в советское время он был городом, ориентированным на Европу в большей степени, чем Москва. Формирование современной российской идентичности происходит на протяжении последних 30 лет, что совпадает с возрастом молодого поколения, которое родилось и выросло в новой России. При этом 1990–2000-е годы – это время наибольшего влияния Запада, соответственно можно предположить, что молодёжь, которая родилась после распада Советского Союза, больше, чем предыдущие поколения, сориентирована на западные ценности. Таким образом, это поколение, сформированное в значительной степени под влиянием глобальных процессов и западных ценностей. Европейская, так же как и российская, идентичность в настоящее время находится в процессе становления. Европейская идентичность – это проект Европейского союза, призванный способствовать европейской интеграции. Современная российская идентичность – это проект новой России, направленный на то, чтобы объединить в новую общность народы страны, прежде объединённые советским проектом. Соотношение европейской и национальной идентичностей у российской молодёжи наглядно показывает в том числе успешность данных проектов по формированию идентичностей.

Полученные результаты могут служить стимулом для более масштабных исследований европейской и национальной идентичностей, использоваться российскими политиками и государственными структурами для выработки стратегии успешного формирования национальной идентичности, а также для принятия решений в сфере внутренней и внешней политики.

Методология

В качестве основного метода исследования был использован метод групповых интервью (фокус-группы). Всего в рамках исследования было проведено три фокус-группы, численность каждой группы составила 6–8 человек. Исследование проводилось в марте-апреле 2020 года. Все интервью проведены в онлайн-формате, что было обусловлено невозможностью очного общения в условиях пандемии COVID-19. Интервью записывались на аудионосители и впоследствии транскрибировались

и кодировались. Групповые интервью были полуструктурированными и основывались на ряде открытых вопросов, которые соответствовали тематике исследования. Вопросы формулировались таким образом, чтобы выявить уровни европейской и национальной идентичностей. Из вопросов, заданных респондентам, можно выделить следующие: опыт путешествий по Европе и проживания в европейских странах, понимание концепции «европеец», отношение к европейской интеграции, отношение к мигрантам и их влияние на идентичность, культуру, экономику, идентификация себя с Европой, идентификация себя с Россией, особенности российской идентичности, соотношение национальной, наднациональной и региональной идентичностей и пр.

Групповые интервью дополнялись анкетированием респондентов, которое соответствовало основным вопросам интервью. Анкетирование проводилось перед началом интервью с целью углубить и структурировать результаты исследования количественными данными и лучше понять мнение респондентов. Анкеты включали в себя закрытые вопросы, в которых респондентам предлагалось по 10-балльной шкале оценить, насколько сильно они привязаны к России и Европе и как они относятся к европейской интеграции.

Кодирование было проведено в два этапа. На первом этапе были выделены основные категории и паттерны. На втором этапе категории пересматривались, из них выделялись центральные темы и подтемы.

На заключительном этапе был проведен анализ и сделаны основные выводы исследования.

Таким образом, исследование включало следующие этапы:

- разработка анкет и вопросов для интервьюирования;
- проведение групповых интервью (фокус-групп);
- транскрибирование;
- кодирование в два этапа;
- анализ и выводы.

Характеристика респондентов

В исследовании приняли участие 20 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, которые на момент исследования учились в университетах Санкт-Петербурга. Из 20 респондентов 9 человек родились в Санкт-Петербурге, остальные переехали в город в возрасте 17–18 лет с целью обучения в университете. Респонденты приехали из следующих городов России: Альметьевск (Республика Татарстан), Бологое (Тверская область), Великий Новгород, Краснодар, Новороссийск, Омск, Пенза, Рыбинск (Ярославская область), Смоленск, Гуково (Ростовская область). Респонденты являются студентами 9 университетов Санкт-Петербурга: ВШНИ(а), НИУ ВШЭ, СЗИУ РАНХиГС, СПбГЭУ, СПбГУ, СПбГАУ, СПбГЛТУ им. С. М. Кирова, СПбТУиЭ, СПбГУПТД. Небольшое коли-

чество респондентов обусловлено техническим заданием. Кроме того, наше исследование является пилотным и предваряет более широкое исследование.

В выборку вошли 9 студентов, обучающихся по направлениям, связанным с политикой и/или европейскими исследованиями (международные отношения и зарубежное регионоведение), и 11 студентов по другим специальностям (бизнес-информатика, экономика, маркетинг, менеджмент, реклама и связи с общественностью, прикладное искусство, филология, лесное дело).

Все респонденты, кроме одной девушки, назвали себя русскими, девушка, переехавшая в Санкт-Петербург из Альметьевска, обозначила свою национальность как татарка.

Только 2 респондента сказали, что они совсем не путешествуют за границу. Из 20 респондентов 9 студентов путешествуют 1–2 раза в год, 5 человек путешествуют 3–5 раз в год, 2 человека путешествуют не каждый год. Таким образом, большинство респондентов имеют опыт путешествий и поэтому так или иначе сталкивались с представителями других культур. Более того, респонденты отметили, что чаще всего путешествуют в Европу, и в частности в страны Северной Европы.

У пяти респондентов имелся опыт длительного проживания в Европе (более 2 месяцев) – обучение по программе обмена ERASMUS+, стажировки или длительный отдых.

Все респонденты владеют английским языком. При этом 11 человек говорят на нём свободно, а 9 человек понимают английскую речь, но не имеют навыков общения.

Ограничением исследования является то, что оно проводилось только в Санкт-Петербурге, более европейском городе по своей истории и культуре, чем другие города России. Поэтому результаты исследования сложно экстраполировать на другие регионы России. Кроме того, в выборку вошли только студенты высших учебных заведений, поэтому мнение менее образованной молодёжи не учитывается.

Результаты исследования

Восприятие европейцев российской молодёжью

Понимание термина «европеец» многозначно. Одно из определений – европеец как житель Европейского континента. С возникновением ЕС появляется другое определение европейца, которое соотносится с жителями стран ЕС. Однако понятие европеец связано не только с географической принадлежностью или политическим устройством, оно подразумевает определённую культуру, что соответствует особому набору качеств, ценностей, поведенческих характеристик. Говоря о том, что значит быть европейцем, респонденты называют следующие характеристики, присущие, по их мнению, европейцам:

- «слышать и слушать других»;
- «облегчать жизнь в некоторых моментах»;
- «быть открытым к людям со всего мира, заботиться и стремиться к консолидации, уважать друг друга»;
- «быть культурным, образованным, ухоженным, свободным, начитанным»;
- «проще относиться к жизни»;
- «уважать свои границы, быть уважительным к обществу, разграничивать отдых и работу, уметь отдыхать»;
- «быть правильным, быть развязным одновременно».

Также респонденты отмечают, что для того, чтобы быть европейцем, надо «быть жителем стран Европы» и «воспитывать детей на одном из европейских языков».

Следует отметить, что респонденты при определении понятия «европеец» не использовали термины, связанные с политикой и интеграционными процессами в ЕС. Можно предположить, что своё мнение о европейской идентичности респонденты формируют на основе поведения европейцев, которое они наблюдали во время путешествий или при непосредственном общении с ними. Они обращают внимание прежде всего на личностные характеристики европейцев, а не на политические процессы, происходящие на территории Европы.

Мнения студентов, обучающихся на профильных специальностях (зарубежное регионоведение, международные отношения), значимо не отличалось от мнения студентов других направлений.

Большинство респондентов отмечают, что не видят большой разницы в менталитете между россиянами и европейцами. Один респондент – 20-летняя девушка из Омска – предположила, что это связано с глобализацией: «Когда сама переехала поближе к Европе, начала общаться с людьми, поняла то, что все похоже. Может быть, реально, наше поколение такое, что при глобализации мы все хотим выпить энергию друг друга и общаться друг с другом, но, кажется, особых, кардинальных различий между нами нет».

Студенты также отмечают, что особенно явно видна схожесть между представителями молодого поколения.

«Они (европейцы) очень предрасположены, особенно к самому молодому поколению, которое лучше знает, что такое быть за границей, и понимает, что там никакой разницы особо-то и не существует». Молодой человек из Санкт-Петербурга, 19 лет.

Участники фокус-групп отметили, что наиболее легко общаться с жителями Германии, Польши, Латвии, Финляндии и Швеции.

Респонденты выделили наиболее значимые характеристики европейцев:

- открытость;
- образованность;
- осторожность;
- вежливость;
- толерантность;
- ответственное отношение к природе и реализации целей устойчивого развития.

Из ценностей европейского образа жизни респонденты выделили следующие:

- демократия;
- свобода;
- политическая защищённость;
- спокойный и размеренный образ жизни;
- хорошее социальное обеспечение.

Некоторые респонденты описали портреты европейцев со своей точки зрения: «Когда я слышу слово “европеец”, я себе представляю обычно женщин из Финляндии, которые живут спокойно, занимаются образованием, занимаются собой, ухаживают за собой, не красятся. И они, в целом, такие очень простые, красивые, вот». Девушка из Пензы, 18 лет.

«Мне кажется, что средний портрет европейца – это такой мужчина где-то за 35, может, за 40, с очень хорошим окладом. Он работает в промышленной компании. В семье две машины. У них на каждого члена семьи есть своя жилая площадь, все разбросаны по городу. Родители живут в доме где-нибудь в пригороде, скажем, молодые европейцы живут в квартирах». Молодой человек из Санкт-Петербурга, 25 лет.

В представленных портретах прослеживается образ европейца как обеспеченного человека, занимающегося собой и своим развитием. Таким образом, понятие «европеец» ассоциируется у респондентов с благополучием и высоким качеством жизни.

Все характеристики, которые назвали респонденты, были положительными. Более того, многие участники исследования говорят о европейцах с восхищением, считают, что быть европейцем «более престижно».

Европейская идентичность россиян

Определение уровня европейской идентичности у молодых россиян позволяет оценить, насколько они ощущают свою близость к Европе, европейским ценностям и образу жизни. Респондентам было предложено оценить по 10-балльной шкале, насколько сильно они ощущают себя

европейцами (рис. 1). «Совсем не ощущаю себя европейцем» – 1 балл, «Полностью ощущаю себя европейцем» – 10 баллов. Анализ ответов показал, что из общего числа респондентов 7 человек чувствуют среднюю связь с Европой (5 из 10 баллов), что означает, что они лишь наполовину считают себя европейцами. Оценка 7 баллов и выше говорит уже о достаточно сильной ассоциации себя с Европой, такие баллы выбрали 11 человек, включая одного (девушка из Санкт-Петербурга, 18 лет), кто полностью ощущает себя европейцем. Только один человек оценил свою европейскую идентичность как слабую (4 балла из 10, девушка 19 лет из г. Гуково, Ростовская область).

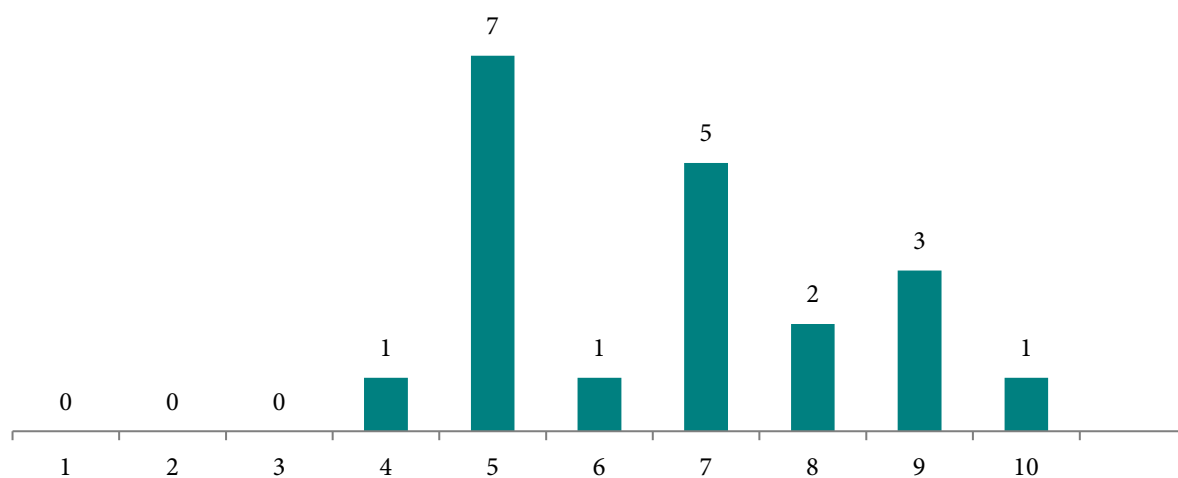

Рис. 1. Уровень европейской идентичности респондентов, в баллах

Figure 1. Level of European identity of respondents, in points

Респонденты называют несколько причин, по которым они ощущают себя европейцами:

1. Проживание в Санкт-Петербурге.

«Я в принципе тоже больше причисляю себя к европейцам. Потому что я считаю Петербург достаточно европейским городом». Молодой человек из Санкт-Петербурга, 19 лет.

Респонденты отмечают отличие менталитета жителей Петербурга от менталитета жителей большинства других городов России.

«Я могу себя считать, потому что я приехал в Санкт-Петербург из города Смоленска. Ощущается небольшое различие в городах и адаптации, саморазвитии, если бы я остался там, а не переехал сюда. Я начал часто ездить в Европу и набираться какого-то опыта для себя, каких-то жизненных позиций и жизненного видения в целом, поэтому в отличие от многих моих русских друзей у нас с ними различное видение мира на сегодняшний день». Молодой человек из Смоленска, 25 лет.

2. Опыт путешествий за границу.

«Когда-то я бы сказала: “Нет, я не европейец”, – но когда ты путешествуешь, ты понимаешь, что даже если ты не в Европе, то ты всё равно ближе к Европе, потому что есть страны, где вообще какой-то абсолютно другой мир». Девушка из Санкт-Петербурга, 22 года.

3. «Близость» европейских ценностей.

«Мне близки опять же их убеждения, что касается их толерантности, терпимости, я считаю, что это как-то более совпадает с моим мировоззрением, чем то, что в основном принято во многих обществах у нас в России». Девушка из Санкт-Петербурга, 18 лет.

«Взгляды, которые разделяет Европейский союз, большинство стран там, их идеи, они мне очень близки, и я могу сказать, что с этой точки зрения я европейка». Девушка из Омска, 20 лет.

Две девушки назвали себя космополитами и не захотели связывать себя с какой-либо идентичностью. Можно сделать вывод, что, по мнению опрошенной нами молодёжи, европейская идентичность россиян формируется благодаря географической близости к Европе (проживание в Санкт-Петербурге), путешествиям и частым контактам с европейцами, глобализации и приобщению к европейским ценностям.

Большинство респондентов считают, что россиян в некоторой степени можно считать европейцами вследствие:

- географической близости России к Европе;
- исторического и культурного развития;
- торговых связей;
- глобализации.

Также респонденты считают, что молодое поколение более склонно ассоциировать себя с Европой, чем старшее поколение.

«Я могу сказать, что однозначно можно назвать европейцами молодое поколение. Потому что при таком большом уровне глобализации, в которой мы выросли, это очень сильно повлияло на мировоззрение в целом, на мироощущение, мы уже абсолютно с западным мышлением. Про более старшие поколения не думаю, что могу сказать, потому что в основном именно вот этот вот национальный, такой вот, характер идёт». Девушка из Санкт-Петербурга, 18 лет.

«Мне кажется, люди, которые сейчас растут, ну, родились после 2000 года, они себя смогут, наверное, легче отнести к такому понятию, как европейцы». Девушка из Рыбинска, 24 года.

Однако участники исследования не решаются назвать жителей всей России европейцами, объясняя это существенными различиями между городами и регионами.

«Если говорить о своём родном городе, никто бы не сказал, что Россия – это Европа, что я ассоциирую себя с европейцем. У нас в городе, если 2% имеют загранпаспорта, это классно». Девушка из Гуково, 19 лет.

Молодые россияне предпочитают, чтобы их идентифицировали как европейцев. Они объясняют это тем, что:

1. По их мнению, это придает дополнительный статус.

«Мне часто говорят, что я похож на европейца, но не знаю, я в душе русский. Конечно, хотелось бы, когда я приезжаю в другую страну, чтобы меня считали европейцем. Мне кажется это постатуснее». Молодой человек из Великого Новгорода, 19 лет.

2. Респонденты считают, что в Европе распространено негативное отношение к русским.

«Да, мне хотелось казаться европейцем, ибо не хочется быть белой вороной. Хотелось бы быть с ними на одном уровне. Сейчас не очень хорошее отношение к русским. Хотелось бы отношение как к европейцу, чтобы к тебе относились как к своему». Молодой человек из Краснодара, 20 лет.

Высокий уровень европейской идентичности у респондентов позволяет предположить, что студенческая молодёжь Санкт-Петербурга ассоциирует себя с Европой и полагает, что разделяет европейские ценности.

Отношение к евроинтеграции

Отношение к евроинтеграции было одним из исследуемых вопросов, также позволяющим оценить уровень европейской идентичности. Понятие «европейская идентичность» было инициировано европейскими элитами как политический проект, направленный на формирование солидарности, усиление ЕС и интеграционных процессов в Европе. Термин «европейская идентичность» впервые появился в 1978 г. в «Декларации о европейской идентичности», в которой были определены и основные общеевропейские цели-ценности: демократия, права человека, рыночная экономика и свобода предпринимательства, принципы социальной солидарности и сплочённости, отсутствие вооружённых конфликтов между европейскими странами. Основными элементами европейской идентичности были названы: демократия, верховенство закона, социальная справедливость, экономический прогресс и права человека [25, с. 35].

Большинство респондентов поддерживают идеи европейской интеграции и подчеркивают её положительное значение для России и себя лично.

«В процессе учебной интеграции, вот здесь никаких проблем нет, мне очень всё нравится. Принимают студентов они очень хорошо, дают гранты, участвуют в огромном количестве программ, то есть не только Эрасмус, там личные есть программы, договоры с университетами с нашими». Девушка из Санкт-Петербурга, 18 лет.

Основные плюсы евроинтеграции с точки зрения опрошенной молодёжи:

- развитие экономики,
- мобильность,
- увеличение торговых потоков,
- помощь менее развитым европейским странам.

Рассуждая на тему вступления России в ЕС, мнения респондентов разделились.

Причём студенты профильных направлений имеют тенденцию относиться к данной перспективе более скептически, чем студенты других специальностей.

Все респонденты говорят, что в нынешней ситуации сложно представить вступление России в Европейский союз.

«Я считаю, что сотрудничество необходимо, как и нормальные отношения, но не думаю, что это многое даст, ну, присоединение. Ну, и также в рамках нашей большой страны я не вижу модели именно европейского устройства. Европейские страны, они, в основном, маленькие, а у нас огромная страна. Мне кажется, что их модель нам несколько не очень подходит». Девушка из Санкт-Петербурга, 18 лет.

«В принципе Россия многонациональная страна. Европа даже малейшими шагами не будет готова к такому. Множество народов различных коренных. Может быть, в далёком будущем, лет через 10–20». Молодой человек из Смоленска, 25 лет.

По мнению студентов профильных направлений, России было бы не выгодно принимать требования, обязательные внутри ЕС.

«Я бы не очень хотел бы, честно говоря, если бы на Россию тоже накладывали такие обязательства (как в ЕС)». Молодой человек из Санкт-Петербурга, 19 лет.

Тем не менее значимая часть респондентов поддерживают идею присоединения России к Европейскому союзу, считая, что это способствовало бы развитию экономики страны, улучшило международные отношения и упростило путешествия и торговлю.

«Я думаю, что для обычного народа это будет удобно, потому что единая валюта, экономика стабилизируется, думаю, передвижение проще. Учитывая территорию России, ЕС станет целым миром. И это мне кажется будет проблемой для мира, с точки зрения каких-то конфликтов на базе, там, экономики и подобных». Молодой человек из Краснодара, 20 лет.

«Я вот скажу с экономической стороны, сферы продаж, потому что кручусь в этой сфере, поэтому лично мне это будет выгодно». Девушка из Альметьевска, 20 лет.

Следует отметить, что высокий уровень европейской идентичности молодёжи Санкт-Петербурга соотносится с их позитивным отношением к процессам евроинтеграции.

Российская идентичность

Современная российская идентичность начала формироваться после распада Советского Союза в 1991 г. В настоящее время сложно говорить о некой единой российской идентичности, хотя именно формирование общей идентичности необходимо для того, чтобы осознавать себя гражданами одной большой страны России. Вслед за некоторыми исследователями российской идентичности (Л. М. Дробижева,

А. Г. Санина) можно выделить государственную и гражданскую идентичности. Государственная идентичность формируется сверху элитами на основании общих законов и норм поведения, тогда как общегражданская идентичность возникает на горизонтальном уровне как некий консенсус по поводу базовых ценностей. Сложность формирования российской идентичности обусловлена такими обстоятельствами, как:

- многонациональность и многоконфессиональность жителей страны;
- огромные размеры территории с разными климатическими и географическими особенностями, непосредственно влияющими на характер, особенности и менталитет проживающих людей;
- региональные различия и особенности;
- культурное многообразие.

К элементам, способствующим формированию российской идентичности, можно отнести:

- единый государственный язык (русский),
- длительную общую историю,
- культуру, основанную на общем языке.

В проведённом исследовании мнения молодых петербуржцев относительно национальной идентичности сильно разделились.

При этом можно выделить два подхода:

1. Россияне рассматриваются исключительно как граждане страны и не наделяются какими-либо общими поведенческими характеристиками.

«Для меня россиянин – это человек, который проживает в России, который соблюдает Конституцию, в принципе более-менее законопослушный гражданин такой». Девушка из Альметьевска, 20 лет.

«Быть гражданином России». Девушка из Санкт-Петербурга, 18 лет.

2. Россияне рассматриваются в контексте поведенческих характеристик.

Респонденты называют следующие положительные характеристики россиян:

- «иметь большое сердце и открытую душу»;
- «слепая вера и патриотизм» (в негативном ключе);
- «видеть ошибки в руководстве страны, но не быть способным что-то сделать»;
- «уметь адаптироваться» и «выживать»;
- сила воли, «в горящую избу войдет, коня на скаку остановит»;
- «любовь к большому пространству»;
- открытость;

- авантюризм;
- любовь к свободе;
- дружелюбие и гостеприимство;
- отзывчивость.

К негативным характеристикам россиян они относят:

- «устаревшие ценности и установки»;
- преданность стране и патриотизм;
- «видеть ошибки в руководстве страны, но не быть способным что-то сделать»;
- «не замечать свою национальную особенность»;
- «эгоизм»;
- «чувствовать себя одновременно своим и чужим».

Необходимо отметить, что термин «патриотизм» респонденты используют как в положительном, так и в негативном значении. В положительном ключе они рассматривают патриотизм как привязанность и любовь к Родине.

«Любить Родину, связывать свою жизнь с этой страной, работать в этой стране, работать на благо общества, на благо своей семьи». Молодой человек из Санкт-Петербурга, 24 года.

В отрицательном значении патриотизм рассматривается как «слепая вера», пережиток прошлого. Такое рассмотрение патриотизма как в негативном, так и в позитивном смысле отличается от общепринятого толкования, которое предполагает сложный комплекс чувств, связанный с любовью к Родине [16]. Данные опросов ВЦИОМ за 2005–2010 гг., приведенные А. Г. Саниной в статье «Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход», показывают, что 84–88% граждан России считают себя патриотами [16].

Мнения респондентов по поводу того, являются ли россияне индивидуалистами или коллективистами, разделились. Одни считают, что коллективизм у россиян проявляется в «любви к ближнему» и «работе на благо общества». Другие же заявляют, что россияне индивидуалисты и даже эгоисты:

«Думать о себе, в первую очередь, некий эгоизм. Выживаемость. Раньше было больше сплочённости, но не в наше время. Теперь все хотят добиться своих целей, даже переступая через других людей». Девушка из Санкт-Петербурга, 21 год.

То, что мнения респондентов по данному вопросу разделились, отражает современное состояние российского общества. Например, А. Л. Андреев [2] отмечает, что в России фактически сформировались две ценностные модели: коллективистская и индивидуалистическая, которые разделяют российское общество примерно на две равные части.

Респонденты также отмечают разобщённость в российском обществе:

«Мне кажется, российское общество сильно разобщено, то есть люди друг другу не доверяют, люди не готовы объединяться». Девушка из Санкт-Петербурга, 20 лет.

Из анализа ответов респондентов следует, что российское общество напряжено, в нем нет солидарности и существует кризис доверия. А согласие по поводу базовых ценностей и взаимодоверие являются важными составляющими общегражданской идентичности, что утверждают многие исследователи (Л. М. Дробижева, С. В. Патрушев, А. Д. Хлопин и др.).

У опрошенной молодёжи наблюдается значительный разброс мнений по отношению к национальной идентичности. Диапазон колеблется от сильной степени привязанности к стране до тех, кто стыдится быть россиянином (рис. 2).

Респондентам был задан вопрос «Насколько для Вас важно, чтобы Вас воспринимали как россиянина?» и предложена 10-балльная шкала для оценивания, где 1 – «Совсем не важно», а 10 – «Очень важно» (рис. 2).

Из 20 респондентов для 7 человек важно, чтобы их воспринимали русскими (7 и более баллов), 5 человек оценили важность на 6 баллов, что означает «Важно, но не слишком». Нейтральной позиции придерживаются 3 человека, оценившие важность на 5 баллов, для 5 человек совсем не важно, чтобы их воспринимали россиянами (1–3 балла из 10).

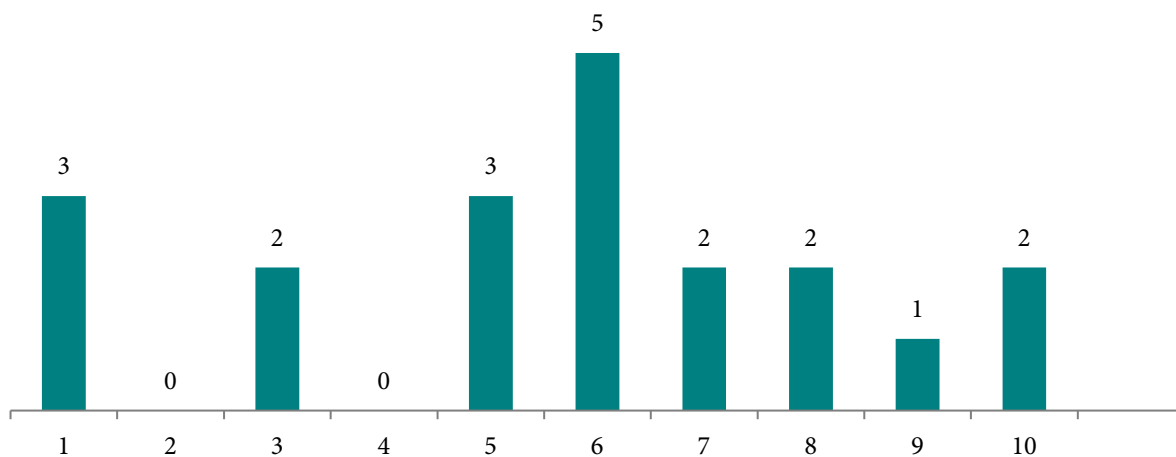

Рис. 2. Уровень российской идентичности среди респондентов, в баллах
Figure 2. Level of Russian identity of respondents, in points

Значимая часть респондентов недовольна политической ситуацией в стране. Они считают, что россияне излишне терпеливы и склонны к бездействию.

«Если кратко описать российский менталитет за последние 10 лет, у меня только одно слово – терпение. У нас государство делает все, что хочет, никому ничего не нравится, все хотят чего-то нового, денег. Все только лежат на диванах, возмущаются, а действий никаких не предпринимают. И вот в этом русские стереотипы о себе. И поэтому у нас большая часть молодого населения хотят переехать в другую страну, здесь уже мало кому нравится». Молодой человек из Краснодара, 20 лет.

«Все говорят: “Нужно, нужно, нужно”, – но при этом действия предпринимаются редко». Девушка из Бологого, 21 год.

«Ощущение полнейшее, что именно, ну вот, русский человек – ему либо сложно что-то поменять, либо ему проще смириться с чем-то, пустить на самотёк, это касаясь последних событий». Девушка из Санкт-Петербурга, 18 лет.

При этом большинство респондентов испытывает гордость за Россию. Они гордятся в первую очередь историей и культурой страны, достижениями спортсменов, литературой, научными открытиями, большой территорией. Негативное отношение к национальной идентичности респонденты объясняют своим неприятием политического курса в стране, консерватизмом и пассивностью, которые, по их мнению, присущи российскому обществу.

По мнению опрошенной молодёжи, Москву и Санкт-Петербург можно назвать европейскими городами, о других городах России их мнения расходятся.

По мнению респондентов, идентичность петербуржцев заметно отличается от идентичности жителей других городов России и проявляется в поведении людей и в их мировосприятии. Петербуржцы кажутся более интересными и приятными в общении, более открытыми и спокойными.

«Когда я приезжаю в Новгород, я замечаю, что люди абсолютно разные. Разговаривают по-другому, мировоззрение другое. Когда я возвращаюсь в Санкт-Петербург, я понимаю, что у меня другая точка зрения на определенные вещи. Может быть, я больше понимаю в жизни, чем они. И поговорить с людьми в Петербурге намного приятнее и интереснее, чем в Новгороде». Молодой человек из Великого Новгорода, 19 лет.

«Я переехал в Санкт-Петербург из Краснодара, я заметил, что, действительно, разный менталитет на юге и на севере. На мой взгляд, в Санкт-Петербурге приятней люди все же. Здесь (в Краснодаре) южные люди, может, потому что много приезжих из разных городов и стран, постоянно кто-то хочет сказать тебе что-то лишнее. В Петербурге тоже такое есть. Но здесь, в Краснодаре, этого больше, эта агрессия чувствуется. Потому что тут так тепло, это провоцирует». Молодой человек из Краснодара, 20 лет.

Мнения опрошенной молодёжи о российской идентичности сильно различаются, респонденты наделяют ее и положительными, и отрицательными характеристиками, что отражает отсутствие единства в российском обществе по вопросам ценностных ориентиров и стратегии развития

страны. Это находит отражение в трудах исследователей о процессах самоидентификации в современной России (А. С. Ахиезер, Т. Н. Гелла, С. В. Патрушев, И. С. Семененко, А. Д. Хлопин и др.). Например, как отмечает Т. Н. Гелла, Россия разрывается между осознанием самобытности и ощущением своей причастности к Европе [7].

Заключение

По результатам проведённого исследования европейской и национальной идентичности петербургской студенческой молодёжи можно сделать следующие выводы.

1. Студенты из Санкт-Петербурга говорят о европейцах с уважением и долей восхищения, идеализируя европейское сообщество. Они наделяют европейцев исключительно положительными характеристиками и считают, что «быть европейцем престижно».

2. Большинство студентов считают себя европейцами, так как полагают, что разделяют европейские ценности и мировоззрение, мотивируя это опытом путешествий и общения с европейцами, исторической и культурной близостью Санкт-Петербурга к Европе.

3. Молодые люди подчёркивают, что европейская идентичность наиболее выражена у жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Они утверждают, что в других регионах России она менее значима, иллюстрируя это примерами своих родных городов.

4. Разброс мнений по отношению к национальной идентичности колеблется от сильной степени привязанности к стране до нежелания считать себя россиянином. Россиян наделяют как положительными, так и отрицательными характеристиками.

5. Большинство студентов гордится историей, культурой, литературой России, а также стойкостью и силой духа русского народа. Свое негативное отношение к российской идентичности респонденты объясняют недовольством политической ситуацией в стране и пассивностью российского общества.

На основании анализа данных, полученных в ходе исследования и выявленного соотношения европейской и национальной идентичностей, можно заключить, что в сложившихся условиях европейский проект формирования идентичности более привлекателен для опрошенной молодёжи, чем российский проект по формированию идентичности.

Следует отметить, что результаты исследования сложно экстраполировать на другие регионы России, ввиду особого положения Санкт-Петербурга.

Результаты данного исследования отражают мнения о европейской и российской идентичности, существующие у представителей студенческой молодёжи Санкт-Петербурга, и могут быть использованы в каче-

стве дополнения к количественным исследованиям российской идентичности, в сравнительных исследованиях европейской и российской идентичностей или послужить исходными данными для более широкого исследования. Данная статья вносит вклад в развитие европейских исследований, в частности исследований, посвящённых интеграции и европейской идентичности, а также в изучение российской идентичности.

Результаты исследования особенно актуальны для изучения российской идентичности, так как современная российская идентичность недостаточно сформирована. Во многом это связано с отсутствием сформулированных базовых ценностей, консолидирующих общество, а также с вопросом выбора дальнейшего пути развития России. Вопрос о том, насколько Россия должна следовать за Европой и стремиться к интеграции с ЕС, или переориентироваться в сторону сближения с Азией, или должна найти свой «особый путь», снова становится актуальным в связи с современными вызовами и глобальными изменениями, происходящими в мире. Особенно этот вопрос важен для молодёжи, для которой процессы самоидентификации протекают наиболее активно, и от того, какие траектории самоидентификации она выберет, будут зависеть в ближайшем будущем те решения, которые она будет принимать в сфере политики, экономики, культуры, международных отношений.

Проведённое исследование, основанное на небольшой выборке, не позволяет считать сделанные нами выводы достаточно обоснованными. Но данные выводы можно рассматривать как предварительные, что может послужить базисом для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Александрова Н. В. Опыт формирования европейской идентичности и его значение для России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 6. Вып. 4. С. 4–8.

2. Андреев А. Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38–44.

3. Ахиезер А. С. Россия — расколото общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3–57.

4. Берендеев М. В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. Вып. 6. С. 70–79.

5. Вайнштейн Г. И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 123–134.

6. Викторова Е. В., Петренко Д. А., Власова Н. В. Процессы интеграции и идентичность: взгляд молодёжи Европы // Вестник Института социологии. Научный электронный журнал. 2021. Т. 12. № 17. С. 39–61. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.698

7. Гелла Т. Н. Национальная идентичность в ЕС и России: сопоставительный анализ по материалам зарубежных и российских исследователей. Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. Вып. 1. С. 63–71.

8. Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 52–60.

9. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261

10. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. В 2-х т. Серия: История России. Современный взгляд. М.: Алгоритм, 2001. Т. 1. 528 с.

11. Когатько Д. Г., Тхакахов В. Х. Российская идентичность: Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации. СПб.: Алетейя, 2010. 135 с.

12. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. 190 с.

13. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с.

14. Патрушев С. В., Хлопин А. Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 6. М.: ИС РАН, 2007. С. 301–318.

15. Попова О. В. Территориальная идентичность петербуржцев: европейская vs локальная и региональная // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения. СПб.: СПбГЭУ. 2018. С. 130–137.

16. Санина А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12 (344). С. 57–65.

17. Семененко И. С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (дата обращения: 05.04.2021).

18. Серебрякова С. В. Научное осмысление понятия «европейская идентичность» в общеевропейском контексте // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2017. Вып. 1. С. 213–218.

19. Тишков В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб.: СПбГУП, 2010. 36 с.

20. Тишков В. А. Образ страны и национальная идентичность. URL: <https://textarchive.ru/c-1971542.html> (дата обращения: 05.10.2020).

21. Тишков В. А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской Академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412. DOI: 10.31857/S0869-5873894408-412
22. Фадеева Л. А. Акторы и векторы политики идентичности в социокультурном аспекте: европейское и российское измерение // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения. Сборник научных статей / Под ред. канд. экон. наук Е. В. Викторовой. СПб.: СПбГЭУ, 2018. С. 147–153.
23. Хёсле В. Философия и экология / Пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Ками, 1994. 187 с.
24. Чайкин Э. В. Синдром русского треугольника. Антология правового нигилизма в России. М.: Науч.-исслед. ин-т проблем правового нигилизма, 2010. 383 с.
25. Шишкина Е. В., Алексеева О. В., Викторова Е. В. Интеграционные процессы в ЕС и европейская идентичность. СПб.: СПбГЭУ, 2018. 66 с.
26. Bourne A. European Identity: Conflict and Cooperation. In: Lynggaard K., Manners I., Löfgren K. (eds). Research Methods in European Union Studies. Palgrave Studies in European Union Politics. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 55–71. DOI: 10.2307/139125
27. Deutsch K. W. Political Community and the North Atlantic Area. International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton: Princeton University Press, 1957. P. 68–86.
28. Haas E. B., Dinan D. The uniting of Europe: Political, social, and economic forces, 1950–1957. Stanford: Stanford University Press, 1958. Vol. 311. P. 105–116.
29. Pagden A. Europe: Conceptualizing a Continent // The Idea of Europe From Antiquity to the European Union / Ed. by Anthony Pagden. Cambridge, 2002. P. 33–54. DOI: 10.1017/CBO9780511496813.002
30. Risse T. A. Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. Cornell University Press, 2015. 286 p. DOI: 10.7591/9780801459184

Статья поступила 14.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Викторова Елена Владимировна, кандидат экономических наук МВА, директор, Международный информационно-аналитический центр, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Петренко Дарья Александровна, аналитик, Международный информационно-аналитический центр, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Власова Наталья Владимировна, кандидат философских наук, аналитик, Международный информационно-аналитический центр, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Шишкина Евгения Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры культурной антропологии и этнической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.779

European and National Identity in the Perceptions of Modern Russian Youth: The Case of St. Petersburg

Elena V. Victorova

St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: elena.viktorova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2370-7872

Daria A. Petrenko

St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: dariia.petrenko.1@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5849-5585

Natalia V. Vlasova

St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: nostashova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9631-7296

Eugenia V. Shishkina

St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: zhenjash@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0240-336X

For citation: Victorova E. V., Petrenko D. A., Vlasova N. V., Shishkina E. V. European and national identity in the perceptions of modern Russian youth: the case of St. Petersburg. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 144–169. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.779

Abstract. The article deals with the problem of the formation of the identity of the modern Russian student youth in St. Petersburg. The study is relevant due to the insufficient formation of modern Russian identity and its value bases, as well as the need to study the influence of European values on the worldview of the modern Russian youth in the context of globalisation. The purpose of the study was to identify the level of European identity among the Russian youth, as well as the attitude of the youth of St. Petersburg to Russian and European identities, to the problems of European integration, mutual influence of the cultures. The young generation born in the new Russia after the collapse of the Soviet Union was formed under the influence of the emerging new Russian identity, as well as the European identity, Western values and the processes of globalisation. Students of St. Petersburg, historically the most European city in Russia, were selected as the target group of the study.

The method of in-depth interviews was used as the main research tool. The results of the study showed the great importance for young Russians of the concept of “European identity”, as well as European values and the European way of life, that confirms the assumption preceding the study about the significance of European influence on the worldview of modern youth in the context of globalisation. The attitude of the surveyed youth towards Russian identity is less positive, being consistent with the researchers’ statements about the lack of clarity regarding the concept of “Russian identity” and its basic values. The limitation of the study is that the sample included only students from St. Petersburg, and therefore its results are difficult to extrapolate to other regions of Russia, due to the special position of the city. The results of the study are preliminary in nature, allowing to identify the most significant trends in the formation of identity among today’s youth, that will serve as the basis for further research.

The analysis of the study data showed that the European project of identity formation is more attractive to the surveyed youth than the Russian project of identity formation.

Keywords: European identity, Russian identity, Europe, Russia, European integration, youth, in-depth interviews

References

1. Aleksandrova N. V. Opyt formirovaniya evropejskoj identichnosti i ego znachenie dlja Rossii [The experience of the formation of European identity and its significance for Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2008: 6: 4: 4–8 (in Russ.).
2. Andreev A. L. Cennostnye i mirovozzrencheskie aspekty social'nogo neravenstva. Sociologicheskie issledovaniya [Value and worldview aspects of social inequality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2007: 9: 38–44 (in Russ.).
3. Ahiezer A. S. Rossija — raskolotoe obshhestvo: nekotorye problemy sociokul'turnoj dinamiki. Mir Rossii [Russia — a divided society: some problems of socio-cultural dynamics]. *Mir Rossii*, 1995: 1: 3–57 (in Russ.).
4. Berendejev M. V. “Evropejskaja identichnost” segodnja: kategorija politicheskoy praktiki ili diskursa? [“European identity” today: a category of political practice or discourse?]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*, 2012: 6: 70–79 (in Russ.).
5. Vajnshtejn G. I. Evropejskaja identichnost': zhelaemoe i zhelaemoe i real'noe [European identity: desired and real]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2009: 4: 123–134 (in Russ.).
6. Viktorova E. V., Petrenko D. A., Vlasova N. V. Integration processes and identity: a view of the European youth. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 1: 39–61 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.698
7. Gella T. N. Nacional'naja identichnost' v ES i Rossii: sopostavitel'nyj analiz po materialam zarubezhnyh i rossijskih issledovatelej [National identity in the EU and Russia: comparative analysis based on the materials of foreign and Russian researchers]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2012: 1: 63–71 (in Russ.).
8. Grojs B. Poisk russkoj nacional'noj identichnosti [Search for Russian National Identity]. *Voprosy filosofii*, 1992: 9: 52–60 (in Russ.).
9. Drobizheva L. M. The Meanings of All-Russian Civic Identity in Russian Mass Consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020: 4: 480–498 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261
10. Kara-Murza S. G. Sovetskaja civilizacija. V 2-h tomah. Serija: Istorija Rossii. Sovremennyj vzgljad. [Soviet civilization. In 2 volumes. Series: History of Russia. Modern view]. Moscow, Algorithm, 2001: 528 (in Russ.).
11. Kogat'ko D. G., Thakahov V. X. Rossijskaja identichnost': Kul'turno-civilizacionnaja specifika i processy transformacii. [Russian identity: Cultural and civilizational specifics and transformation processes]. St. Petersburg, Aletea, 2010: 135 (in Russ.).
12. Malinova O. Ju. Rossija i “Zapad” v XX veke: Transformacija diskursa o kollektivnoj identichnosti. Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija [Russia and the “West” in the XX Century: Transformation of the Discourse on Collective Identity]. Moscow, ROSSPEN, 2009: 190 (in Russ.).
13. Mironov B. N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii. V 2 t. 3-e izd., ispr. i dop. [Social History of Russia during the Imperial period]. In 2 Vols. 3rd ed. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2003: 1: 548 (in Russ.).
14. Patrushev S. V., Hlopin A. D. Sociokul'turnyj raskol i problemy politicheskoy transformacii Rossii. Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik. Vypusk 6 [Sociocultural Split and Problems of Russia's Political Transformation]. Iss. 6. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAN, 2007: 301–318 (in Russ.).
15. Popova O. V. Territorial identity of Petersburgers: European vs local and regional. Modern European identity formation in the framework of the EU integration: social and cultural dimensions: collection of scientific articles / Ed. by E. V. Viktorova. St. Petersburg, SPbGEU, 2018: 130–137 (in Russ.).
16. Sanina A. G. Formirovanie rossijskoj identichnosti: grazhdansko-gosudarstvennyj podhod [Formation of Russian identity: civil-state approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 12 (344): 57–65 (in Russ.).
17. Semenenko I. S. Grazhdanskaja identichnost' kak resurs nacional'nogo razvitija. [Civil identity as a resource of national development]. Electronic resource. Accessed 05.04.2021. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (in Russ.).

18. Serebrjakova S. V. Scientific reflection of “European identity” phenomenon in a present-day general European context. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. Nauchno-teoreticheskij zhurnal*, 2017: 1: 213–218 (in Russ.).
19. Tishkov V. A. Nacional'naja identichnost' i duhovno-kul'turnye cennosti rossijskogo naroda. [National identity and spiritual and cultural values of Russian people]. St. Petersburg, SPbGUP, 2010: 36 (in Russ.).
20. Tishkov V. A. Obraz strany i nacional'naja identichnost'. [The image of the country and national identity]. Accessed 05.10.2020. URL: <https://textarchive.ru/c-1971542.html> (in Russ.).
21. Tishkov V. A. Russian Identity: Grand Challenges. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*, 2019: 89: 4: 408–412 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869-5873894408-412
22. Fadeeva L. A. Actors and trends of identity politics sociocultural basement: European and Russian dimensions. Modern European identity formation in the framework of the EU integration: social and cultural dimensions: collection of scientific articles / Ed. by E. V. Viktorova. St. Petersburg, SPbGEU, 2018: 147–153 (in Russ.).
23. Hesle V. Filosofiya i ekologiya [Philosophy and Ecology]. Transl. from German by A. K. Sudakova. Moscow, Kami. 1994: 184 (in Russ.).
24. Chajkin Je. V. Sindrom russkogo treugol'nika. Antologija pravovogo nigilizma v Rossii [Russian triangle syndrome. Anthology of Legal Nihilism in Russia]. Moscow, Nauchno-issledovatel'skij institut problem pravovogo nigilizma, 2010: 383 (in Russ.).
25. Shishkina E. V., Alekseeva O. V., Viktorova E. V. Integration processes in the EU and European identity: training manual. St. Petersburg, SPbGEU, 2018: 66 (in Russ.).
26. Bourne A. European Identity: Conflict and Cooperation. In: Lynggaard K., Manners I., Lufgren K. (eds). *Research Methods in European Union Studies*. Palgrave Studies in European Union Politics. London, Palgrave Macmillan, 2015: 55–71. DOI: 10.2307/139125
27. Deutsch K. W. Political Community and the North Atlantic Area. International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, Princeton University Press, 1957: 68–86.
28. Haas E. B., Dinan D. The uniting of Europe: Political, social, and economic forces, 1950–1957. Stanford, Stanford University Press, 1958: 311: 105–116.
29. Pagden A. Europe: Conceptualizing a Continent. In *The Idea of Europe From Antiquity to the European Union* / ed. by Anthony Pagden. Cambridge, 2002: 33–54. DOI: 10.1017/CBO9780511496813.002
30. Risse T. A. Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. Cornell University Press, 2015: 286. DOI: 10.7591/9780801459184

The article was submitted on: February 14. 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Victorova, PhD in Economics MBA, Head of International analytic center, St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Daria A. Petrenko, analyst of International Analytic Centre, St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Natalia V. Vlasova, candidate of philosophical sciences, analyst of International Analytic Centre, St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Evgenia V. Shishkina, candidate of sociological sciences, associated professor of the Department of cultural anthropology and ethnic sociology, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

Ростки будущего в дебатах прошлого

Ссылка для цитирования: Красин Ю. А. Ростки будущего в дебатах прошлого // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 170–186. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

For citation: Krasin Y. A. Seedlings of the Future in the debate of the Past. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 170–186. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

**Красин
Юрий Андреевич¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

krasinyua@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 250827

Автор подготовил к печати книгу – синопсис политологического симпозиума, действовавшего в поздний советский период под эгидой идеологических партийных учреждений АОН при ЦК КПСС и ИОН при ЦК КПСС. Книга озаглавлена «Ростки из-под асфальта». В ней на основе конкретного обзора докладов и выступлений участников – видных советских учёных – показаны реальные проблемы, трудности и противоречия научно-теоретического осмысления революционного обновления действительности в условиях безраздельной монополии официальной идеологической догматики.

В порядке анонсирования этого труда, знакомящего с перипетиями идеологических дискуссий и противостояний того времени, Вестник Института социологии публикует Преамбулу к Синопсису. В ней повествуется о том, как на базе партийной образовательной системы возник постоянно действующий дискуссионный центр, какие цели он преследовал и как эволюционировал на протяжении 13 лет. Начало – январь 1977 («глухой застой» брежневского правления), окончание – декабрь 1989 (первые симптомы «обречённости» перестройки). В этом интервале – 16 симпозиумов, задокументированных в авторизованных выпусках трудов, изданных «для служебного пользования» (ДСП). В них прослеживается динамика развития дискуссии.

В горниле конфликтной практики смены исторических эпох изживший себя догматический марксизм парадоксально уживался с ростками «революции в сознании», разьедавшей фундамент «охранительной» мифологии. Как в капле отражается мир, так в работе

симпозиума высвечивались идеологические парадоксы «рубежной эпохи». Общественное сознание металось между прошлым и будущим. Верность «оптимистическим» мифам и гложущие муки сомнений, отвага поиска нового мышления и легковесные фантазии виртуальности – весь букет в одном флаконе.

В своём большинстве «симпозанты» были неординарными мыслителями, не похожими на карикатурных «совков», слепо следовавших официозным догмам. Но они не были и «провидцами», оставались людьми своего времени, отдавали дань мифологии и предрассудкам, цепко засевавшим в сознании вчерашнего дня; и вместе с тем, переступая через себя, отваживались заглядывать в день завтрашний. Ситуация «идеологического перепутья» наложила неизгладимую печать на труды симпозиума. Креативные искания авторов чередуются с тривиальными догматами, живые мысли индуктивной аналитики со схоластикой умозрительной дедукции, дискуссионные «воспарения» с бесплодным цитатничеством и описательностью.

Но через эту «антиномичную рефлекссию» пролегает «связь времен». Пройдут годы, сменяются поколения, и плоды политологического творчества «переломного прошлого» будут остро «востребованы». Возрастёт публичная значимость заключительной стадии советской эпохи. Исследователи захотят вникнуть в противоречивую логику поколения, стоявшего у истоков социальных перемен. Пригодится и синопсис данного симпозиума. Ведь при всех ограничениях и недостатках он внёс свою толику в осмысление эпохи больших перемен, пусть и скромную, но значимую в преддверии развертывающейся цивилизационной революции. Впрочем, читатели смогут судить об этом сами.

* * *

Разбирая как-то на досуге книжный шкаф, я натолкнулся в дальнем углу на полтора десятка сборников в сине-белых обложках под общей шапкой «Проблемы современного мирового революционного процесса».

- Ведь это же труды нашего симпозиума в Академии общественных наук, – молниеносно полыхнуло в сознании.

Пока пальцы перелистывали пожелтевшие от времени страницы, в памяти всплывали картины былого: жаркие споры, откровенные беседы в кулуарах, остроумные тосты на заключительных банкетах. И лица, живые лица «симпозантов» (так с лёгкой руки Михаила Басманова называли участников симпозиума) – друзей и сотрудников, единомышленников и оппонентов, маститых учёных и начинающих исследователей. Все они, независимо от возраста и темперамента, были одержимы общим стремлением постичь истину революционного обновления действительности.

Именно в АОН при ЦК КПСС – партийном учреждении, призванном выполнять охранительные идеологические функции, – в 1970–1980-х годах возник и активно действовал творческий

центр переосмысления революционных процессов в современном мире. Парадокс? Да, реальный парадокс жизни. Несмотря на партийно-идеологический характер Академии, её профессорско-преподавательский состав отличался высоким профессионализмом, отвечал объективным критериям исследователей гуманитарного профиля. Значительное число научных сотрудников Академии сознавало догматизм и ущербность официальной версии советского марксизма, её несоответствие новой нарождающейся реальности социума на рубеже XX–XXI веков.

Общественно-политическая обстановка в стране к этому времени, мягко говоря, не располагала к раскрытию потенциала ростков креативности в научной среде. После «оттепели» 1950-х и «шоковой терапии» XX съезда КПСС в отношении общественного сознания наступила «пасмурная осень» брежневского застоя. Бытует даже мнение, что «эпоха 1970-х годов была нами потеряна», эти годы будто бы «испарились – от них почти ничего не осталось»¹.

Атмосфера застоя и идеологического диктата, безусловно, подавляла творческие возможности общественного сознания. Но даже в самые тяжёлые времена сталинского деспотизма под удушающими пластами догматизма и схоластики теплилась животворная мысль, иницируемая тектоническими сдвигами российского и мирового социума в XX веке. И этот подспудный процесс подготовил возрождение творческих начал в советском общественном сознании.

Но «постсталинский ренессанс» общественного сознания натолкнулся на антиномичную природу советского общества, изначально заложенную в «роковом парадоксе» Русской революции: саморазрушающем симбиозе несовместимых начал – «низовой демократии Советов» и авторитарного руководства со стороны «сознательного меньшинства» (партии большевиков). В этом контексте «творческое отношение к теории», провозглашённое XX съездом КПСС, несло в себе также и черты стратегии превентивной защиты авторитаризма, и потому было внутренне противоречивым и непоследовательным. Тяжеловесный конструкт идеологической мифологии зашатался, но до полного его низвержения было очень далеко. Идеологическая догматика и авторитарный тренд политического развития общества оказались взаимосвязанными. Демократизация советской системы натолкнулась на плотные заслоны, в том числе «в мозгах» людей, включая и самих реформаторов.

Сегодня, спустя полвека, на собственном горьком опыте мы начинаем понимать, что становление в России современного общества, готового (идеологически, политически, социально и экономически) к вызовам постиндустриализма, – эпохальный исторический процесс, для которого потребуются гораздо больше времени, чем это представлялось реформаторам второй половины XX века. Слишком велика вязкая сила авторитарного наследия, которое глубоко коренится в культурных традициях, в образе жизни и способе мышления, в сознании и психологии людей. Поэтому реформация – это эпоха сопряжения и противоборства

¹ «О невыученных уроках 1970-х годов». Интервью «Ленте.ру» российского политолога Глеба Павловского, 19.03.2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/lenta.ru/kogda-prishel-gorbachev-bylo-uje-pozdno-5c90ee98e2784300b557c619>.

антиномичных трендов развития, крутых перемен, которые не могут осуществиться быстро и прямолинейно; эпоха, наполненная драматическими конфликтами, кипением страстей, поиском новых форм жизнедеятельности и управления, чередованием периодов «оттепели» и «заморозков», инновационных этапов с фазами застоя и «отката».

На фоне противоречивых трендов семидесятилетней истории пост-сталинских трансформаций отчётливо видно, что брежневский «застой» занимает своё место в логике исторических перемен в советском обществе. Разрыв с прошлым требовал «паузы» для «адаптации» ригидного авторитарного общества к болезненным для него, во многом хаотичным и непродуманным переменам. Большинство населения огромной страны должно было получить возможность для удовлетворения элементарных материальных и социальных потребностей. Нужно было время, чтобы общество на деле убедилось, что правящая элита, не освободившаяся от авторитарного прошлого, неспособна справиться и с новой повесткой дня. Общество на собственном опыте должно было прийти к выводу – «так жить нельзя». «Пауза», разумеется, вела к утрате темпа и некоторых возможностей развития. Но освободительный тренд, заданный «оттепелью» 1950-х годов, не исчез. Подспудно на всем протяжении 1970–1980-х «идейное брожение» в советском обществе продолжалось.

Происходило оно и в коллективе учёных Академии, особенно среди сотрудников кафедры международного коммунистического и рабочего движения, на которой мне посчастливилось в это время работать, и которую много лет возглавлял известный востоковед академик Е. А. Жуков. Преподаватели кафедры были квалифицированными международниками, свободно владели иностранными языками. Они прекрасно представляли себе зарубежную реальность, следили за научной литературой, хорошо отличали идеологические мифы о «загнивающем капитализме» от действительного положения дел в цитаделях индустриализма и в странах «третьего мира».

Коллектив кафедры жаждал «реального дела» в исследовании происходящих в мире крутых перемен. Почва для этого была подготовлена. Нужна была идея. Она тоже оказалась под рукой. В эти годы руководство КПСС в международном коммунистическом движении проводило идеологическую кампанию против «еврокоммунизма». Международный отдел ЦК КПСС, где я работал до перехода в Академию, находился на переднем крае идеологической полемики, стремясь придать ей конструктивный характер, не допустить перерастания в очередную «кампанию борьбы с ревизионизмом». Посоветовавшись с коллегами по отделу, я предложил коллективу кафедры подготовить для директивных органов научный доклад о феномене «еврокоммунизма». На протяжении двух лет кафедральный коллектив интенсивно работал над докладом, и после нескольких обсуждений и доработок его текст был опубликован под грифом ДСП (для служебного пользования)¹.

¹ Теоретические проблемы стратегии и тактики коммунистического движения в странах развитого капитализма. Под редакцией Ю. А. Красина. М.: АОН при ЦК КПСС. Кафедра международного коммунистического и рабочего движения, 1978.

За разногласиями с «еврокоммунистами», в конечном счёте, стояли глубокие сдвиги в развитии глобального социума, наметившиеся в последние десятилетия XX века и служившие показателем большого цивилизационного (социетального) перехода от индустриального общества к обществу постиндустриальному. По гамбургскому счёту, эти сдвиги требовали от марксистов основательного переосмысления представлений о капитализме и социализме, о смене общественных формаций и других основополагающих постулатов социальной доктрины. К сожалению, официальный марксизм, которого придерживались КПСС и большинство компартий, крепко увяз в трясине идеологического мифотворчества и не был готов к выполнению этой задачи. Постулаты теории воспринимались партийными идеологами не как слепки реальности, меняющиеся вместе с нею, а как «незыблемые святыни», не подлежащие какому-либо пересмотру. Тем самым теория отчуждалась от реальности новой, надвигавшейся эпохи, искусственно мифологизировалась как аналог раннего капитализма и первых «прорывных» способов его преодоления. «Еврокоммунизм» отвергался, потому что он смело «бросил перчатку» этому «марксизму уходящей, но не ушедшей эпохи», попытавшись понять реалии цивилизационного сдвига, расширяя мировоззренческую систему координат ценой отказа от, возможно, когда-то верных, но устаревших догм-постулатов.

Этот вызов не был безупречным: еврокоммунисты во многом сами оставались пленниками идеологических мифов (как коммунистических, так и антикоммунистических), нередко давали легковесные оценки новым феноменам, допускали серьёзные политические ошибки. Но дерзкий вызов мифотворчеству изнутри самого коммунистического движения вызывал у думающих учёных симпатию своим творческим настроем, подталкивавшим к выводу – надо всерьёз и фундаментально заняться теорией революционного обновления мира в новых условиях.

Подобных умонастроений, естественно, придерживался коллектив учёных Академии, занимавшийся анализом еврокоммунизма. В ходе рабочих встреч и совещаний мы раз за разом возвращались к вопросу о создании постоянно действующей научно-организационной структуры свободного обсуждения актуальных аспектов теории социальных трансформаций на основе современного опыта социальных движений и революций.

К обсуждению этого вопроса привлекалась группа учёных с периферии, специализировавшихся по этой тематике и стажировавшихся в Институте повышения квалификации при МГУ, где я читал спецкурсы по современным революционным движениям и трансформациям. Лишённые у себя дома не только творческой среды, но и необходимой для международных исследований информации они с энтузиазмом поддержали выдвинутое предложение. Так зародилась идея образования в Академии общественных наук дискуссионного теоретического центра по проблемам мирового революционного процесса, который объ-

единил бы стремившихся к творческому общению исследователей-профессионалов по международной тематике не только Москвы, но и других городов Советского Союза.

Академия располагала благоприятными условиями для деятельности подобного центра. Для этого были все возможности – кадровые, финансовые, информационные, издательские, контактные (как внутри страны, так и за рубежом). На кафедре МКРД сложился коллектив профессионалов, готовый взять на себя реализацию открывавшихся возможностей. Всё подводило к созданию на базе образовательной партийной системы площадки для научных дискуссий по востребованной временем тематике.

Руководство Академии было в курсе успешной работы кафедры МКРД над докладом о еврокоммунизме для ЦК КПСС. Это давало нам основание рассчитывать на его поддержку предлагаемых планов. И всё же на этот счёт нас одолевали некоторые опасения, связанные с тем, что репутация АОН при ЦК КПСС как партийного учреждения была овеяна ореолом «идеологического консерватизма». Вопреки опасениям тогдашний ректор Академии М. Т. Иовчук сразу высказался за создание вокруг кафедры МКРД научно-координационного центра по изучению проблем современного революционного движения.

- В партийном аппарате, – заметил он, – немало людей, которые рассматривают Академию как своего рода «идеологический топор» для вырубki ревизионистских сорняков; они не видят в ней научного учреждения, творчески развивающего марксистско-ленинскую теорию и только с этих позиций разоблачающего ревизионизм.

По-видимому, ректор рассчитывал, что образование дискуссионного научного центра в структуре Академии укрепит её авторитет и влияние как в системе республиканских и межрегиональных высших партийных школ, так и в среде советских учёных-международников, а это будет способствовать сбалансированию «охранительных» и творческих функций в её деятельности. Как бы там ни было, осенью 1976 года ректорат Академии дал согласие на создание межкафедрального Научного совета по проблемам современного мирового революционного процесса. Несколько позже, после масштабной реорганизации в 1978 году АОН при ЦК КПСС, это согласие было закреплено решением Учёного совета Академии.

Задача Научного совета, как она нам виделась, заключалась в создании постоянно действующего симпозиума учёных специалистов по актуальным вопросам теории революционных преобразований в изменяющемся мире. Однако в этих общих рамках организаторы с самого начала поставили перед собой сверхзадачу – создать «симпозиум нового типа». По содержанию это означало, что выступления участников не должны были ограничиваться простыми комментариями к известным положениям марксистско-ленинской теории революции, а обязательно «выходить на новизну», использовать результаты конкретного анализа изменяющихся реалий, дополняя дедуктивную логику общих теоретических умозаключений индуктивными суждениями, в которых сублимировался живой социальный опыт субъектов исторического действия.

Перенос центра тяжести с констатации и описания уже известных теоретических категорий на анализ и обобщение новой политической практики предполагал изменение манеры, стиля проведения симпозиума. Вместо утомительно длинных, заранее написанных докладов, оснащённых множеством цитат из классиков и партийных документов, нужны были краткие (10 минут), очищенные от банальностей, продуманные выступления, целенаправленно раскрывающие предмет обсуждения. На смену самодостаточным монологам должны были прийти обмен и «столкновение» мнений, дискуссионные «рефлексии».

Социальный каркас мировосприятия в официальном марксизме строился на общих постулатах, мифологизирующих хотя и значимые, но вырванные из быстро меняющегося контекста всемирной истории явления и процессы. Для теоретических построений на базе общих постулатов анализ и осмысление реалий развития не требовались; задача теории воспринималась как интерпретация фактов и событий в соответствии с постулатами классиков и их толкованиями в партийных документах. В теоретической работе доминировал дедуктивный метод; индукция подменялась описанием.

В деятельность «симпозиума нового типа» с самого начала закладывался принципиально иной подход: приоритет отдавался конкретному анализу новых явлений и процессов, не укладывавшихся в застывшие абстракции постулатов ортодоксии. На первый план теоретического мышления выходил индуктивный метод, призванный нарушить «безмятежный покой» мифологизированных постулатов, раскрыть их «земную природу» в динамике реальной истории.

Осуществление этого требования оказалось невероятно трудным. Инерция старых подходов исподволь довлела над ораторами. В выступлениях преобладали общетеоретические рассуждения в ущерб конкретному осмыслению современного опыта политической деятельности. Часто манера выступлений напоминала скорее лекцию, а не аналитическое движение мысли, раскрывавшее логику реального развития. Стремясь преодолеть этот налёт гелертерского педантизма, организаторы симпозиума выработали негласное требование к выступлению на симпозиуме – одна-две новые идеи, вызывающие на дискуссию. Это требование стало традицией в работе симпозиума. Но стремление к новизне само по себе не освобождало сознание от идеологической мифологии. «Новизна» нередко оборачивалась своего рода «творческим догматизмом» – апологетическими попытками «модернизировать» и таким образом спасти мифологические штампы. Примером такого рода «новых мифов во спасение» служила концепция «развитого социализма». Феномен «творческого догматизма» свидетельствовал о том, что общественное сознание было разорвано между прошлым и будущим. Реформаторская поросль пробивалась к жизни на той же самой социально-политической почве, которая питала мифологию консервативных, охранительных и реставраторских течений.

Президиум Научного совета сознавал, что высокие требования к «симпозиуму нового типа» в то время не могли быть реализованы сразу в полном объёме. Мы сами к этому не были готовы. Выдвигаемые требования выражали не столько готовность научных кадров Академии к творческим обсуждениям, сколько их горячее желание уйти от изжившей себя рутинной практики проведения публичных мероприятий в области гуманитарных наук. Жажда обновления отвечала духу времени. Наши тогдашние инициативы не были каким-то исключением; они шли в унисон с настроением и стремлениями других исследовательских коллективов международников в гуманитарных институтах Академии наук и вузах СССР, с активной целенаправленной деятельностью Советской ассоциации политической науки.

Первое заседание симпозиума состоялось в январе 1977 года. Приближался 60-летний юбилей Русской революции 1917 года, и было естественным заранее обсудить среди специалистов значимость этого события для современности. Сотрудники кафедры МКРД провели большую подготовительную работу. Научный совет несколько раз подробно обсудил тематику и сценарий симпозиума, приглашённым специалистам из других научных учреждений разослали письма, в которых разъяснялся замысел Научного совета о сути и требованиях предстоящего мероприятия. Со многими участниками проводились предварительные консультации о том, как сформулировать и «подать» темы выступлений, чтобы придать им дискуссионный характер. Тем не менее в первых выпусках трудов симпозиума современному читателю бросается в глаза печать времени – «брежневского застоя». Самостоятельные суждения авторов чередуются с тривиальными идеологическими догматами, живые мысли индуктивной аналитики со схоластикой чисто дедуктивных выводов, дискуссионные всплески с цитатничеством и описательностью.

По меркам сегодняшнего дня тексты первых выпусков трудов симпозиума отягощены скучной догматикой застойных лет, но для 1970-х годов они представлялись новаторским шагом на тернистом пути к возрождению творческого общественнознания. Это восприятие большинства участников хорошо передал ветеран кафедры профессор Б. М. Лейбзон. *«Наш теоретический симпозиум мне очень понравился. Это тот случай, когда не хотелось выходить из зала, а хотелось сидеть. Конечно, не всё стало ясным. Более того, в ряде случаев то, что раньше казалось само по себе разумным, теперь представляется тем, над чем нужно ещё много работать. Этот симпозиум заставляет думать, и в этом большое его достоинство»*¹.

Значимое для политической науки достижение симпозиума состояло в том, что его участники реально почувствовали вкус творческого осмысления нового социального опыта в публичном сопоставлении мнений специалистов-политологов. Этот «дух креативности» источал энергию для преодоления инерции застойного консерватизма, действительно опутывавшего наше сознание. В последовательной череде симпозиумов ясно просматривается нарастание творческого начала в выступлениях и дискуссиях участников исследовательского коллектива.

¹ Великий Октябрь и проблемы марксистско-ленинской теории социалистической революции. Труды научного симпозиума». Выпуск 1. М.: АОН при ЦК КПСС, 1977, с. 240.

Но даже в наиболее продвинутых дебатах второй половины 1980-х годов ощущается, что творческий подход к новой, «необычной» реальности лимитировался застойными «теньями» мифов, вроде бы отринутых разумом, но всё ещё гнездящихся в туманных глубинах сознания. Официальный марксизм агонизировал, но липкая паутина его догматов опутывала общественное сознание в СССР и международном коммунистическом движении (МКД). Это, можно сказать, основное противоречие идеологии того времени неизбежно порождало раздвоенность теоретического сознания. В деятельности симпозиума она проявлялась в разительном когнитивном диссонансе при обсуждении узловых проблем политического развития социума, входившего в полосу эпохальных перемен.

В трудах симпозиума в определённой степени отразилась противоречивость (скорее даже антиномичность) политического развития завершающего этапа истории советского общества. Этот опыт в той или иной степени стал достоянием думающих политологов, которые, как могли, рефлексировали вокруг коренных идеологических проблем переходной эпохи. Они делали это, оставаясь людьми своего времени, отдавая дань мифологии и предрассудкам, цепко засевшим в сознании вчерашнего дня. И вместе с тем, переступая через себя, отважно заглядывали (в меру собственного прозрения) в день завтрашний.

Всего за 12 лет состоялось 15 симпозиумов: большинство из них – в Москве на базе АОН при ЦК КПСС или ИОН при ЦК КПСС, три – в Киеве, два – в Ленинграде и по одному – в Минске, Новосибирске, Алма-Ате и Ташкенте на базе региональных и республиканских высших партийных школ. За это время в деятельности симпозиума и в позициях симпозантов произошли заметные изменения, которые стали следствием накопления коллективом участников опыта дискуссионных обсуждений и аналитических рефлексий вокруг реальных политических процессов, происходивших в мире. Основная линия идеологической эволюции содержания симпозиума – от «догматического консерватизма» официального марксизма, преобладающего в первых выпусках трудов, к непредвзятой, «демифологизированной» аналитике творческого марксизма.

Позитив этой эволюции в наибольшей мере виден в последних выпусках трудов симпозиума, относящихся ко времени советской перестройки. Но даже в них видна «противоречивая недоговоренность» концептуального мышления, «творческие порывы» которого сдерживались застойным грузом старых схем и подходов. В то же время просматривалось несоответствие многих теоретических новаций симпозантов масштабам и специфике проблем трансформирующегося советского общества, скороспелость и утопизм их суждений об этих проблемах. Дело в том, что реформаторам-шестидесятникам, задававшим тон переустройству общества, не хватало политического реализма в разработке и осуществлении курса демократической реформации социума, отягощённого вековыми авторитарными традициями. Захваченные завораживающей романтикой свободы, они часто оказывались в плену радужных иллюзий и несбыточных надежд на быструю победу демократии,

что губительно повлияло на судьбу перестройки. Радикализм «ломки» командно-административной системы управления лишил реформаторов властных рычагов социального контроля над процессами реформирования общества, открыл ворота захлестнувшей страну стихии «дикого капитализма».

Несколько слов о составе участников симпозиума. Цементирующим ядром коллектива симпозантов стали сотрудники АОН при ЦК КПСС. Среди них следует выделить Г. Г. Водолазова, Б. М. Лейбзона, М. И. Басманова. Именно они стояли у истоков идеи симпозиума нового типа, разрабатывали его концепцию, были активными организаторами и участниками творческих дискуссий; их с полным правом можно назвать основателями симпозиума. В актив симпозиума в разные годы входили сотрудники Академии – Ю. Н. Гаврилов, М. А. Селезнёв, М. Т. Мещеряков, Б. Г. Капустин, Н. В. Загладин, А. И. Волков, Н. В. Романовский, Ю. В. Соколов, А. Г. Сытин; преподаватели ИОН при ЦК КПСС С. И. Семёнов, Л. С. Гилилов, И. М. Кривогуз. В деятельности симпозиума активно участвовали учёные ряда местных ВПШ (*Киевской* – А. А. Валуйский, *Ленинградской* – Д. П. Прицкер, В. В. Чубинский, *Минской* – А. А. Челядинский, *Алма-Атинской* – Г. Б. Хан, Б. Б. Ирмуханов, *Ташкентской* – В. И. Гулин).

Однако симпозиум не замыкался на партийную систему; в обсуждениях вовлекались учёные академических институтов и вузов страны. Среди постоянных участников, внёсших весомый вклад в его творческую жизнедеятельность, можно назвать: Г. Г. Дилигенского (ИМРД АН СССР), В. Ф. Шелике (Киргизский университет), В. С. Рахманина (Воронежский университет), С. Э. Крапивенского (Волгоградский университет), Ю. В. Егорова (Ленинградский пединститут), И. М. Клямкина (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), И. К. Пантина (ИМРД АН СССР), Р. Н. Блюма (Тартуский университет), В. А. Кузина (Казанский химико-технологический институт), Я. С. Драбкина (Институт всеобщей истории АН СССР), В. Ф. Ли (Институт востоковедения АН СССР), И. А. Штеймана (Даугавпилский пединститут), К. М. Цаголова (Военная академия им. М. В. Фрунзе), Ю. М. Манина (Минский институт культуры), С. Л. Агаева (ИМРД АН СССР), В. В. Желтова (Кемеровский университет), Л. Г. Олеха (Новосибирский университет), Н. Н. Целищева (Уральский университет). В симпозиуме периодически участвовали многие видные учёные. Среди них – С. П. Перегудов, А. А. Галкин, А. П. Бутенко, Н. А. Симония, А. М. Ковалёв, В. Е. Чиркин, А. А. Искендеров, Е. А. Амбарцумов, В. Е. Гулиев, О. Р. Лацис, А. Н. Мельников, С. С. Салычев, Я. Б. Шмераль, А. Г. Латышев.

Вопрос о численном составе участников дискуссии на симпозиуме всегда представлял проблему для организаторов. Оптимальная численность дискуссионщиков, позволяющая обстоятельно и глубоко обсудить тему повестки дня, обычно составляет 25–30 специалистов. Превышение этой нормы создаёт дефицит времени и ограничивает свободу твор-

ческого диалога участников. Между тем число желающих участвовать в обсуждении у нас, как правило, не укладывалось в оптимальные нормативы. Частично проблема решалась за счёт деления участников на две категории. За дискуссионным столом располагались симпозанты, а вокруг в аудитории размещались слушатели, число которых достигало ста и более человек. В случае острой необходимости они могли выйти к микрофону, чтобы задать вопрос или выступить с короткой репликой.

На первых порах мы часто сталкивались с нарушениями регламента выступлений. Не всегда помогал и председательский колокольчик. Пришлось приобрести таймер, беспристрастно извещавший об окончании отведённого времени. Труднее было перейти от описательной манеры выступлений к проблемной, побуждающей к дискуссии и коллективной рефлексии. Прогресс достигался силой примера лучших ораторов АОН и институтов АН СССР. Свою роль сыграла и уже упомянутая магическая «формула успеха»: «хорошее выступление – это всего лишь одна-две свежие идеи».

Удалось добиться многого. Ни одно заседание не обходилось без споров. У симпозантов сложилась традиция: в дискуссиях неукоснительно соблюдалось правило двух «П» – «профессионализма» и «порядочности». Оно обеспечивало содержательность выступлений и в то же время обязывало уважительно относиться к оппоненту, каких бы взглядов он ни придерживался. Дискуссия обогащала участников содержательно, побуждала к раздумьям и одновременно вносила дух товарищества в коллектив симпозантов. Обмен мнениями продолжался и в кулуарах заседания, и на заключительном банкете. Участники с периферии признавались, что каждый симпозиум давал им долговременный творческий заряд для углублённых научных исследований у себя дома, помогал в педагогической работе со студентами и аспирантами.

Словом, на базе симпозиума сложился исследовательский коллектив, который настраивал участников на творческое осмысление не укладывавшегося в стандартные идеологические штампы социального опыта начинавшейся эпохи больших перемен. Фактически симпозиум был своеобразной научно-исследовательской лабораторией (одной из многих) нарождавшейся в СССР современной политической науки. Атмосфера креативности, контрастировавшая с опостылевшей рутинностью застоя, вызывала у симпозантов чувство удовлетворения, вдохновляла на новые смелые замыслы.

- Для нас участие в симпозиуме – большой праздник, – такими словами Э. С. Крапивенский, профессор Волгоградского университета, выразил мнение большинства симпозантов.

Каждый форум, где бы он ни происходил, воспринимался участниками не только как значимое научное событие, но и как долгожданная встреча старых друзей, с которыми тянет поделиться радостями и печалью, успехами и сомнениями, получить от них реакцию искреннего сопереживания. Неформальные отношения взаимной симпатии и товарищества скрепляли коллектив симпозантов не в меньшей степени, чем общность научных интересов и стремлений.

У симпозиума был свой «вечерний сеанс» – заключительный банкет, на котором ярко раскрывалась неформальная сторона его деятельности. Произносились проникновенные тосты, искрившиеся остроумием. По признанию самих участников, сочинение удачного банкетного спича требовало от них даже большего напряжения сил, чем подготовка основного выступления в научной дискуссии. Взрывами смеха до слёз сопровождалась юмористические пародии И. М. Клямкина на выступления именитых симпозантов. Всеобщий восторг присутствующих вызывала стихотворная дуэль наших поэтов – Г. Г. Водолазова и В. С. Рахманина, походя обменивавшихся блестящими эпиграммами. Задушевные песни и зажигательные танцы.

На Минской встрече 1983 года в зале заседаний оказался известный белорусский композитор, заслуженный деятель искусств БССР Сергей Альбертович Кортес. Его привел на симпозиум наш постоянный участник Юрий Матвеевич Манин, работавший в Минском Институте культуры. После заседания С. А. Кортес с восторгом говорил нам о профессионализме и страстности научных дебатов. Не меньшее впечатление произвёл на него и заключительный банкет, на который мы его пригласили. Наутро он разыскал меня в гостинице и подарил сочинённую за ночь партитуру «Гимна Союза искателей истины». Так у нас появился собственный Гимн.

Нас стремленье к истине создало.
Истина – оружие борца.
Было у симпозиума начало,
Но не будет у него конца.

Последние две строчки четверостишия следовали рефреном после каждого куплета этого Гимна и с тех пор часто повторялись симпозантами.

Показательно, что горячительные напитки не играли сколько-нибудь значительной роли в создании праздничной атмосферы на банкетных встречах. Ряд симпозиумов пришёлся на время антиалкогольной кампании, и это не сказалось на тонусе банкетов, в которых в свободном от формальностей дружеском общении находили выражения те же стремления, что и на самом симпозиуме. Жаль, что тогда организаторы не нашли способа сохранить плоды этой формы общения так, как они сделали это по отношению к результатам самого симпозиума, издав 15 выпусков его трудов.

* * *

Вернёмся, однако, к моменту моей вторичной встречи с трудами симпозиума Академии, обнаруженными на дальней полке книжного шкафа. Перебирая тогда потрёпанные экземпляры сборников, я мысленно взвешивал их содержательную ценность. В них опубликованы

авторизованные выступления участников обсуждений актуальных вопросов политической теории на завершающем, можно сказать, переломном (бифуркационном) этапе советской истории. В горниле конфликтной практики смены исторических эпох изживший себя догматический марксизм парадоксально уживался с ростками «революции в сознании», разьедавшей фундамент «охранительной» мифологии. Как в капле отражается мир, так в наших выступлениях высвечивался идеологический парадокс «рубежной эпохи». Верность «жизнеутверждающим мифам», муки сомнений, отвага нового видения, фантазии виртуальности – весь букет в одном флаконе.

Издать труды симпозиума в таком первоизданном виде в то время было невозможно. С трудом удалось добиться их «полулегальной» публикации в печатно-множительном бюро Академии под грифом ДСП, тиражом в 150–200 экземпляров. Не исключено, что эти сохранившиеся у меня сборники – единственный полный комплект трудов симпозиума.

Может быть, их оцифровать? Но кто сегодня осилит несколько тысяч страниц политологического текста, написанного в стиле и языком марксизма советских времён? И будут они мёртвым грузом покоиться «в облаках» интернета! Нет, надо провести большую предварительную работу, чтобы должным образом представить труды симпозиума. Надо воспроизвести не только букву, но и дух симпозиума, стремление его участников освободиться от догматов вчерашнего дня и философски осмыслить крутые социально-политические сдвиги конца XX столетия.

Застоявшиеся сборники перекочевали на рабочую полку, и я принялся перечитывать их с карандашом в руках. Работа оказалась трудоёмкой и заняла больше года. Пришлось систематизировать выступления, выявляя основные линии и узлы полемики, анализируя развитие высказанных идей в разных сборниках, а главное – сопоставлять сказанное тогда с последующим ходом российской реформации и нынешними тенденциями политического развития глобального социума.

Поначалу я собирался написать обстоятельную статью о симпозиуме. Даже предварительно договорился с редакцией журнала «Полис» о представлении через два-три месяца на их рассмотрение соответствующего материала. Но потом возникли трудности. Дискуссии на симпозиуме ввиду их многоплановости либо не укладывались в объём журнальной статьи, либо превращались в лишённый интриги нудный перечень обсуждаемых сюжетов. Тогда-то и родилась идея синопсиса. Первоначально был просто «черновой обзор» текстов выступлений в качестве подсобного материала для статьи. Потом возникла мысль оснастить обзор прямыми выдержками из выступлений, сопроводив их необходимыми пояснениями и содержательными комментариями, увязывающими предмет дискуссии с его последующим развитием и современным толкованием в политической науке. Так появился вполне самостоятельный жанр: синопсис-обозрение трудов симпозиума Научного совета АОН и ИОН по проблемам мирового революционного процесса.

Оправдан ли проделанный труд? Обзор мнений – преимущественно с марксистских позиций – по концептуальному видению завершающих конвульсий уходящей эпохи. Востребован ли он на фоне нынешнего глубинного реформирования социума перед вызовами рождающегося будущего, ставящего под сомнение и сам предмет обсуждения (мировой революционный процесс), и даже познавательную ценность марксистской методологии? В обстановке «эпохальной неопределённости», которая характеризуется обширным идеологическим кризисом (его не избежала ни одна мировоззренческая система) и доминированием рассудочного прагматизма? На этот вопрос высока вероятность отрицательного ответа. Мой ответ положительный.

Прежде всего, публикация синопсиса – своего рода моральный долг перед участниками симпозиума, совсем не похожими на карикатурных «совков», слепо следовавших догмам советского марксизма. Отдавая дань идеологической ограниченности своего времени, они «умом и сердцем улавливали» симптомы зарождения больших перемен и, как могли, выражали это в своих выступлениях.

Один из моих друзей назвал замысел синопсиса «ностальгической задумкой». Что ж, в этом есть доля истины. Но главное, хотелось бы разобраться и понять, где истоки, казалось бы, очевидных заблуждений незаурядного поколения идеалистов-шестидесятников. И при этом в потоке идеологического мифотворчества не погасить «искорки» прозрений, которые высвечивали (не «картину» и даже не «контуры», что выглядело бы претенциозно) штрихи антиномичного будущего.

Заново переживая эпизоды наших дискуссий, канувших в Лету истории, я, естественно, воспринимал их сквозь призму нынешнего опыта, испытывал при этом неизъяснимое чувство удовлетворения от соприкосновения с великой тайной «связи времен». Но ведь и сегодня, сталкиваясь с неожиданными парадоксами информационной эпохи, мы сознаём, что находимся всего лишь в её начальной фазе. Впереди нас ждут удивительные сюрпризы «невозможных» «интегрально-антиномичных систем» общественного устройства и политического мышления. Так что до окончательных оценок – ...ой – как далеко!

Обзоры и синопсисы оригинальных выступлений и дискуссий, проходивших на закате советской эпохи, вероятно, через три-четыре поколения будут «востребованы» тогдашними исследователями. Они обязательно захотят вникнуть в «странную» логику поколения шестидесятников, пытавшихся «пробиться к демократии», оставаясь «рабами своего времени». В будущем, несомненно, возрастет публичная значимость заключительной стадии советской эпохи. Возникнет стремление подробнее узнать, что стояло у истоков «большого перелома» на рубеже двух эпох. Чтобы понять пружины и механизмы возникновения российской реформации, будущий учёный должен будет перелопатить большие объёмы конкретной деятельности гуманитарных институтов, центров, постоянно действующих симпозиумов, семинаров, творческих дискуссий. Цель настоящего синопсиса – дать исходный материал, характеризую-

щей работу одной из таких ячеек, деятельность которой началась в годы брежневского застоя и продолжалась до 1989 года, когда советская перестройка достигла пика и обнаружили явные признаки её упадка.

На протяжении 13 драматических лет в тесном общении с единомышленниками и оппонентами участники симпозиума прошли своеобразную «школу» методологического «переобучения». В ней переплетались эманации как постыдного застоя брежневского режима, так и романтического порыва советской перестройки, симптомов её падения, а также признаков надвигавшегося реванша авторитарной реакции «дикого» российского капитализма. Перечитывая труды симпозиума, испытываешь и неловкость за проявления приверженности как догмам идеологической мифологии, так и наивным иллюзиям скороспелого реформаторства, и чувство удовлетворения от выстраданных сомнений и мимолётных искр творческого мышления. В этих трудах пытливый исследователь найдёт материал для того, чтобы глубже постичь тревоги и надежды того легендарного времени, когда в общественно-политической науке росло понимание необходимости глубокого переворота в общественном сознании, адекватного реалиям конца XX столетия. Глобализация мира, бурное развитие средств и плотности коммуникаций, технологические «прорывы» и, как следствие, вызванные всем этим сдвиги в социальных структурах социума создавали императивную потребность в кардинальном обновлении марксистской идеологии.

Пусть этого не произошло (а может быть, и не могло произойти) в то время. Но такая тенденция была, и она проявилась на симпозиуме. Сначала робко, как сказано выше, в признании принципиальной важности налаживания диалога с инакомыслящими партиями и политическими течениями. Ведь для партийной бюрократии, олицетворявшей «чистоту марксистско-ленинской идеологии», это было святотатством, означало посягательство на «символ веры» партии. Да и сознание участников симпозиума, как и всех советских учёных, было в той или иной мере опутано нитями официального мифотворчества, от которого нельзя было освободиться в одночасье. Но коридор возможностей выхода из застойного догматизма расширялся. На трёх последних симпозиумах в дебатах о соотношении общечеловеческих и классовых интересов уже пунктирно просматривается современная постановка вопроса о созревании предпосылок общечеловеческой метаидеологии, способной скрепить «мир миров» по принципу «единства в многообразии».

Так намечались прорывы к новому видению современного состояния и развития глобального социума. Расчищались подходы к переосмыслению основных парадигм общественнознания в свете глобальных трансформаций и наметившейся российской реформации со всеми её противоречиями и бифуркациями. Ситуация «идеологического перепутья» отразилась в деятельности нашего политологического симпозиума. В целом он внёс свою толику в осмысление нашей эпохи больших перемен, пусть и скромную, но значимую в преддверии назревающей цивилизационной революции в сознании глобального социума, которая, конечно, не минует трансформирующуюся Россию.

А чисто по-человечески: симпозиум – я надеюсь – оставил заметный след не только в памяти участников, но также в их сердцах.

* * *

Синописис симпозиума состоит из четырёх разделов. Они охватывают главные узлы дебатов по проблемам марксистской теории социальной революции в исследовании и объяснении реальной практики мирового революционного процесса во второй половине XX века.

Раздел 1. «Рабочий класс как субъект истории». В нём изложены выступления, в которых защита стержневого постулата марксистской теории о всемирно-исторической миссии пролетариата как освободителя человечества от эксплуатации парадоксально сочеталась с анализом сдвигов в социальной структуре социума, опровергающих этот постулат. Выход из «когнитивного диссонанса» требовал от политической теории смены парадигмы в понимании субъекта революционного обновления мира. К этому выводу подводили и результаты дискуссий на самом симпозиуме. В контексте основной темы в разделе анализируется обсуждение смежных вопросов – о социальной базе революционных партий, об их «обновлении» и стратегической переориентации, о новых социальных движениях, о роли реального социализма, об отношении к «еврокоммунизму» (обновленческое течение или ревизионизм?).

Раздел 2. «Власть, общество, государство». В разделе прослеживается эволюция взглядов дискутантов по проблемам власти в революционном процессе. Участники симпозиума понимали, что постановка и решение этих вопросов зависели от конкретно-исторических условий и в нынешней обстановке не укладывались в теоретические схемы прошлого. Но если на первых симпозиумах говорилось о специфике проявления общих закономерностей в разных условиях (диктатура пролетариата, «слом» буржуазного государства), то во второй половине 1980-х в ряде выступлений уже обосновывалась необходимость отказа от устаревших догм и постулатов теории революции. В трактовке этих проблем наметился переход от линейной логики насильственной революции к многомерной логике эволюционной трансформации общества.

Раздел 3. «Современная эпоха». Раздел посвящён обсуждению проблем содержания нынешней эпохи в контексте процессов глобализации, революционных прорывов в технологиях, социальных сдвигов на исходе XX столетия. Симптомы больших перемен волновали умы обществоведов, пытливая мысль которых стремилась раздвинуть узкие рамки линейной схемы современности как эпохи формационного перехода от капитализма к социализму. Они пытались сблизить официальную доктрину с реальностью начинавшегося социетального переворота, побуждавшего к многомерному видению будущего человечества. В этом направлении и разворачивалась дискуссия на симпозиуме. Порой эти усилия затухали в нагромождениях банальных формул, но временами приводили к далеко идущим новациям и прозрениям в разработке концепции интегрального развития глобального «мира миров».

Раздел 4. «Раздумья о социализме». В марксистской теории социалистическая идея выполняет ключевую функцию в целеполагании революционного процесса. Поэтому дискуссия о *социализме* возникла при обсуждении всех узловых проблем. В качестве доминирующей темы выделялась тема *историзма* в подходе к этому феномену. Марксистские представления о социализме эпохи раннего капитализма и «первого прорыва» Русской революции 1917 года нуждались в глубоком переосмыслении на базе условий и опыта новой эпохи, в очищении от упрощений и деформаций сталинизма. Предполагалось, что намечавшийся 16-й симпозиум специально обсудит концептуальные проблемы современного социализма, включая вопрос о смене парадигмы социалистической теории. Обсуждение состоялось, но несколько в ином формате: на совместном симпозиуме Института общественных наук с Институтом глобальных исследований (декабрь 1989). Авторизованные тексты выступлений опубликованы в монографическом сборнике – **«Феномен социализма: сущность, закономерность, перспектива»**. М., ПМБ ИОН, 1990. Содержание сборника, как и ряда публикаций по социалистической тематике в **Лабораторных тетрадах ИОН** при ЦК КПСС, органически связано с проектом Научного совета по проблемам мирового революционного процесса. Поэтому они также послужили исходным материалом для Синописа наряду с выпусками трудов Симпозиума.

Вникая в содержание трудов политологов ушедшего века, как бы идешь по следам когда-то живых размышлений. Это помогает «вживую» ощутить историческую связь времен, нащупать как «разрывы», так и «креативные узлы» развития политического мышления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Красин Юрий Андреевич, доктор философских наук, профессор, Ассоциированный сотрудник Центра политологии и политической социологии, Почётный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

Seedlings of the Future in the Debate of the Past

Yury A. Krasin

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

For citation: Krasin Y. A. Seedlings of the Future in the debate of the Past. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 170–186. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.780

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury A. Krasin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Associate Fellow of the Center for Political Science and Political Sociology, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Трибуна молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.781

Эволюционная социология Дж. Тёрнера: введение в концепцию спенсеровского отбора

Ссылка для цитирования: Григорьев Д. С. Эволюционная социология Дж. Тёрнера: введение в концепцию спенсеровского отбора // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 187–201. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.781

For citation: Grigoryev D. S. The evolutionary sociology of J. Turner: An introduction to the concept of Spencer selection. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 187–201. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.781

**Григорьев
Дмитрий Сергеевич¹**

¹НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

dgrigoryev@hse.ru

AuthorID РИНЦ: 707957

Аннотация. В этой работе описаны основные идеи Дж. Тёрнера, связанные с его концепцией спенсеровского отбора. В своей концепции им сделана попытка сформулировать базовые принципы спенсеровского отбора, а также приведена аргументация, показывающая, как эволюционный подход Г. Спенсера, вопреки бытующему мнению, может быть релевантным для социологии и сегодня. Дж. Тёрнер считает, что основные движущие силы эволюции человека усилили (или внесли) определённые когнитивные, мотивационные и поведенческие склонности, а люди использовали эти склонности целенаправленно для создания определённой культуры и социальной структуры. Объяснение Г. Спенсера не игнорирует непосредственно социологические объяснения динамики и эволюции социальных систем в отличие от простых современных эволюционных объяснений институционализации в терминах эволюционирующих поведенческих склонностей на базе концепции естественного (дарвиновского) отбора. Последние используются в эволюционной психологии и социобиологии на основании неявных предположений об автоматическом характере процесса преобразования неврологических реакций и поведенческих склонностей в социальные структуры и институты. Основой спенсеровского отбора являются определённый набор потребностей людей (*индивидуальный уровень*) и социальная дифференциация институциональной организации (воспроизводство, регулирование, производство и распределение) по мере роста популяции (*социетальный уровень*), а также изменения, вызванные войной с их особой динамикой. Таким образом дарвиновских представлений о естественном отборе отдельных организмов недостаточно для того, чтобы понять и объяснить эволюцию и динамику слоев социокультурных явлений, традиционно изучаемых социологами. Для этого необходимо обратиться к особому типу отбора суперорганизмов, сформулированному Г. Спенсером в своих работах на заре формирования самой социологии как отдельной науки. Кроме того, само по себе подобное сочетание социологических и биологических моделей социальных процессов является перспективным для развития отдельных мультидисциплинарных исследовательских программ, способных впоследствии значительно усилить и обогатить общественные науки в целом.

Ключевые слова: Герберт Спенсер, Джонатан Тёрнер, эволюционная социология, естественный отбор, потребности, адаптация к среде, функционализм

На волне успеха и популярности синтетической теории эволюции наблюдается повышенный интерес к объяснениям человеческого поведения и паттернов социальной организации на базе эволюционной психологии и социобиологии. По мнению американского социального теоретика и социолога Джонатана Тёрнера (род. 1942), социология может предложить свой собственный подход к применению эволюционных и биологических идей к анализу поведения человека и к социокультурным системам, созданным, поддерживаемым и изменяемым этим поведением. Отбор в этом случае будет являться многоуровневым и зачастую нацеленным скорее на корпоративных субъектов, из которых построены институциональные системы [32].

Тёрнеровский подход к многоуровневому отбору сохраняет некоторую преемственность со взглядами Ч. Дарвина на естественный отбор, представляя собой многоуровневое сочетание биологического (дарвиновского) и социокультурного отбора. В нём отсутствует слепота естественного отбора, по фенотипическим вариантам, поддерживаемым генотипами, повышающими приспособленность в конкретной среде. Социокультурный отбор осуществляется с помощью телеологических систем, которые могут быстро создавать новые вариации в ответ на давление отбора со стороны окружающей среды. В противном случае, игнорирование эволюции и биологии оставляет возможность для других дисциплин, где вопросы динамики человеческого поведения и социальной организации менее разработаны, чем в социологии, доминировать в том, что становится сейчас важной интеллектуальной нишей в науке [21]. Прежде всего он предлагает социологии пересмотреть своё наследие в плане эволюционного анализа, начав с его ранней истории, которая в первые десятилетия XX века вращается вокруг двух центральных фигур, – Герберта Спенсера и Чарльза Дарвина.

Эволюционизм Спенсера. Несмотря на всегда существующую опасность невозможности полностью избавиться от презентизма и мифологизации, в связи с новым прочтением текста, оторванным от его исторического контекста, когда мы понимаем автора несколько иначе, чем его понимали современники, или возможно иначе, чем автор хотел бы быть понятым, некоторые идеи спенсеровской теории, по мнению Тёрнера, могут быть релевантными для социологии сегодня. На его взгляд, «*многие нынче не читают Спенсера*» в силу своего предубеждённого восприятия спенсеровской теории, не в последнюю очередь благодаря Эмилю Дюркгейму (см. [21; 28]) и Уильяму Самнеру (см. [21]). Он, когда-то считавшийся единственным признанным авторитетом в социологии и человеком [1, с. 167–170], первым пробудившим широкий интерес

к социологии в Англии, Америке, Франции, Италии и России, сегодня стал игнорируемой и стигматизированной фигурой, со многими заблуждениями относительно его работы в целом и в частности его социологии [21].

Герберта Спенсера по праву можно считать пионером эволюционного мышления в социологии, а именно пионером рассмотрения эволюции социальных систем посредством логики естественного отбора. Сначала, в своей первой книге «Социальная статика», он выразил мнение, что *«цивилизация не является артефактом, она является частью природы [...] Изменения, которые человечество претерпело и продолжает испытывать, являются результатом закона, лежащего в основе всей органической природы»* [24, с. 65]. Затем в своей работе «Основные начала» (1862 г.), суть которой была посвящена разработке своей собственной концепции эволюции, Спенсер выдвинул своё классическое определение: *«Эволюция — это переход от неопределённой, некогерентной однородности к определённой, когерентной неоднородности через непрерывную дифференциацию и интеграцию»* [23, с. 53]. Как только Спенсер осознал эволюцию как главный движущий принцип, он решил посвятить остаток своей жизни описанию этого процесса, где бы она ни происходила [17]. Так, Спенсер писал об этом в своей автобиографии (1904 г.): *«Однажды, обладая концепцией Эволюции в её всеобъемлющей форме, желание развить и изложить её было настолько сильным, что, по-моему, перспектива провести остаток жизни, занимаясь чем-то другим, была бы почти невыносимой»* [22, с. 460].

Знаменитая фраза Спенсера из его работы «Основания биологии» (1864 г.) о *«выживании наиболее приспособленных»*¹ была навеяна прочтением работы Чарльза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (1859 г.) и впоследствии заимствована у Спенсера самим Дарвином в его работе «Изменение животных и растений в домашнем состоянии» (1868 г.) (где использовалась в качестве синонима понятия «естественный отбор», см. [8]) и затем в пятом издании «Происхождения видов...» (1869 г.).

Применительно к социологии в своём понятии о *«выживании наиболее приспособленных»* Спенсер (1898 г.) утверждал, что эволюция социума, от простых к сложным формам, стимулируется конфликтами и войнами между обществами, причём более развитое и лучше организованное общество является более приспособленным и, следовательно, более склонно к победе в войне с малочисленными, менее технологически развитыми и менее организованными обществами. Общий уровень организации и сложности будет увеличиваться по мере того, как завоёванные общества будут либо уничтожены, либо (что более вероятно) включены в социокультурное поле более приспособленного общества (для сравнения: современный взгляд см. [27]).

¹ Распространённая также в неточном переводе как «выживание сильнейших».

Дополнительно Спенсер реализовал смелый и интересный анализ роли природной экологии в главе «Первобытные внешние факторы» в работе «Основания социологии» (1898 г.), рассматривая биотические и абиотические факторы внешней среды (например, климат, форму земной поверхности, почву, флору и фауну; подробнее см., например, [9]), что в достаточной мере перекликается с климато-экономической теорией нидерландского психолога Э. ван де Влиерта (см., например, [33]) и другими исследованиями (преимущественно психологами) в этой области (например, [11; 13; 18; 34] и др.). К примеру, можно привести хорошую и ёмкую иллюстрацию этой линии мышления Спенсера, характерной для современных исследователей социальной и поведенческой экологии. Так, в первом томе своей работы «Опыты научные, политические и философские», он пишет: *«Отдельные причины, както: голод, теснота народонаселения, война — периодически приводили к дальнейшему расселению человеческого рода и домашних животных, и каждое подобное расселение служило началом новых изменений, новых разновидностей типа»* [5].

Некоторые современные социологи всё ещё интерпретируют «социальную эволюцию» как прогрессивное развитие от простых к сложным обществам [2; 14], что можно связать с присутствием некоторой доли ламаркизма во взглядах Спенсера. Сегодня его идеи также зачастую стигматизируются как социальный дарвинизм [8; 15]. При этом одной из причин обесценивания эволюционных объяснений в учебниках и учебных программах по социологии как раз является факт прочной ассоциации социального дарвинизма с идеями, которые были использованы в нацистской идеологии для оправдания и усиления расового и гендерного неравенства [26].

Кроме того, любопытно, что британский антрополог Роберт Лейтон (род. 1944) адресует к дебатам конца XIX века между Э. Дюркгеймом и Г. Тардом о феноменальном ускорении темпов технологических инноваций в период промышленной революции, когда они оба обратились к теории естественного отбора Ч. Дарвина, чтобы найти дополнительную опору своим идеям. По его мнению, Тард ссылается на то, что Дарвин делает упор на индивида как на единицу отбора, в то время как Дюркгейм улавливает экологическое направление в мышлении Дарвина, но с тех пор социологи больше интересуются возникающими свойствами социального взаимодействия [14]. Это произошло в том числе и благодаря самому Дюркгейму, который, используя логику А. Вейсмана¹, установил границы между социологией и биологией, а также видел в дарвинизме возможность покончить с телеологическим прогрессионизмом ламаркистов, таких как Спенсер [16]. Видные представители социальной теории, например Т. Парсонс, делали некоторые попытки возвращения некоего варианта эволюционного мышления в социологию (см. [19]). Однако по описанным выше причинам до сих пор это успешно сделать не удаётся (о дополнительных причинах см. более подробно [12; 14; 26]).

¹ Интересно, что сам Спенсер считал дискредитацией биологии тот факт, что большинство биологов поддержали теорию Вейсмана (см. [8]).

Концепция спенсеровского отбора. Тем не менее, хотя многие из идей Спенсера были включены в концепции функционализма в середине XX века¹, в его работах всё ещё остаётся невостребованным взгляд на отбор, который сегодня может быть полезным для социологического анализа эволюции социокультурных систем. Поскольку в настоящее время достаточно распространена позиция, поддерживаемая социобиологией, что дарвиновский естественный отбор, включая, например, генотипическую изменчивость (мутации и комбинации), случайное (ненаправленное) сохранение признаков (дрейф генов и популяционные волны), географическую и экологическую изоляцию, создает когнитивные, мотивационные и поведенческие склонности (например, родственный отбор, взаимный альтруизм и т. д.), которые в свою очередь институционализируются в культуре и структуре общества (см., например, [35]). Но подобные попытки таким образом объяснить эту институционализацию в терминах эволюционирующих поведенческих склонностей, как правило, в значительной мере игнорируют социологические объяснения динамики социальных систем. Подобная позиция предполагает, что этот процесс преобразования неврологических и поведенческих склонностей в социальные структуры и институты является «автоматическим». Кроме того, агентное моделирование, которое иногда сопровождает эти объяснения, редко определяет социокультурные механизмы и процессы, посредством которых происходит такая институционализация [32]. Таким образом, хотя, безусловно, верно, что основные движущие силы эволюции усилили у человека или внесли определённые когнитивные, мотивационные и поведенческие склонности, но также в равной степени верно и то, что **люди использовали эти склонности целенаправленно** для создания определённой культуры и социальной структуры.

В целом дарвинизм исходит из того, что эволюция не является телеологической, в то время как зачастую эволюция человеческих социокультурных образований является телеологической [30]. И хотя многие

¹ Однако, как замечает Тёрнер, несмотря на то, что функционализм, по типу парсоновского, задаётся важным вопросом: что должно произойти, если популяция хочет выжить и поддерживать устойчивое существование в своей биофизической и социокультурной среде. То есть по сути обращается к вопросу о существовании фундаментальных свойств социальной реальности, которые подталкивают акторов к созданию структур как адаптивных реакций на окружающую среду. Однако ответ классических функционалистов здесь ограничивается размещением списка функциональных потребностей или условий для выживания, а затем просто категоризации структуры с конкретными потребностями, которые они встретили. Таким образом, подобный функциональный анализ сразу же переходит к своего рода скрещиванию структур и функциональных потребностей, редко обращаясь к процессу эволюции. В результате функциональные теории не концептуализируют социальную динамику или силы, порождающие социокультурные формации. Тёрнер предлагает трансформировать структурный функционализм в более явный эволюционный подход, который может создавать объяснительные принципы, а не типологии, перечисляющие функциональные потребности и социальные структуры, отвечающие этим потребностям. Он предлагает перейти от потребностей к некоторым силам, или социофункциональным мотивам, которые управляют формированием социокультурной реальности, и которые очень похожи на биологические. Таким образом, Тёрнер говорит об идее отбора как отсутствующем компоненте функционализма. Отбор, по его мнению, был видной частью ранней социологической концепции социальной эволюции, о чём свидетельствует даже беглое прочтение Спенсера и Дюркгейма. Его концепция отбора позволит обойти недостатки функционального анализа, а также менее заметные проблемные моменты во многих макроструктурных анализах [31].

исследователи игнорировали рассмотрение других типов отбора, сам Дарвин считал, что телеологические силы также важны (см. главу 5 в: «Происхождение человека и половой отбор», 1889 г.). Дарвин и многие социологи признают, что социокультурные фенотипы представляют собой возникающие явления, обладающие собственной особой динамикой. Спенсер не единожды писал, что это суперорганизмы, некоторые из динамик которых параллельны естественному отбору среди организмов, при условии, что мы готовы признать, что на процесс отбора очень сильно влияют индивидуальные и коллективные субъекты, которые обладают способностью формулировать и преследовать цели и, более того, использовать свои возможности агентства, чтобы создать новые варианты, на которых действует другой тип отбора.

Таким образом, отбор не только многоуровневый, но и сама природа отбора меняется по мере того, как мы переходим от эволюции видов организмов (таких как люди) к анализу видов человеческих суперорганизмов (по Спенсеру), состоящих из организованных культурой и созданных социальными структурами составных частей, которые имеют способность формулировать цели и проявлять активность для достижения этих целей (т. е. в большей мере рассматривается не человеческое поведение, а деятельность¹).

Другими словами, отбор работает на всех уровнях встроенных структур, но как только мы покидаем сферу человеческих фенотипов, отбор, работающий над морфологией человеческих суперорганизмов, больше не является дарвиновским. В качестве иллюстрации можно привести цитату Р. Докинза, который является оппонентом идеи группового отбора, предшествующей современному взгляду на многоуровневый отбор: *«Теория Дарвина мало пригодна для объяснения механизмов завоевания одной нации другой. Дарвинизм — это дифференцированная выживаемость самовоспроизводящихся генов в геноме, что обычно проявляется в индивидуальном поведении, морфологии и фенотипах. Групповой отбор (group selection) не имеет отношения к дарвинизму ни в том виде, в каком его понимал Дарвин, ни в том, в каком его понимаю я. Можно провести некую слабую аналогию между групповым отбором и победой одной нации над другой, но мне кажется, это не очень-то правильная аналогия. Поэтому я бы предпочёл не использовать дарвинистские термины в исторических интерпретациях такого рода»* (цит. по [8, с. 113]).

На личностном уровне Спенсер говорил о давлении отбора, созданного основными коллективными человеческими потребностями. Как написано в 3 томе работы «Опыты научные, политические и философские»: *«Побуждаемые своими собственными потребностями или потребностями своих детей, и единичные личности, и более или менее агрегиро-*

¹ В этой связи интересно заметить, что весьма расхожее выражение — «смысл человеческой жизни в продолжении рода (или распространении своих генов, размножении и пр.)» является бессодержательным, поскольку «продолжение рода» является поведением, а «смысл» — это категория, относящаяся к человеческой деятельности.

ванные группы их быстро открывают у своих сограждан какую-нибудь неудовлетворённую потребность и охотно удовлетворяют её в обмен на удовлетворение своих собственных потребностей, и действие этого процесса неизбежно ведёт к тому, что самая сильная потребность, удовлетворение которой оплачивается лучше других, привлекает наибольшее число работников, так что при этом получается постоянное уравнивание потребностей и служащих для их удовлетворения приспособлений. [...] Итак, я полагаю, что люди, вынужденные, в силу условий существования гражданского общества, искать удовлетворения своих потребностей путём удовлетворения потребностей своих сограждан и побуждаемые чувствами, развившимися в них под влиянием социальной жизни, служат чужим потребностям независимо от своих собственных, находятся под влиянием двух родов сил, соединение которых вполне достаточно для поддержания полезной деятельности во всех её видах» [6].

Когда возникает депривация значительной доли основных потребностей населения существующими институциональными системами, эти коллективные потребности создают давление отбора на ключевых участников в различных институциональных сферах (например, политика, экономика, религия) для создания новых форм институциональных систем. Когда большая часть населения не может удовлетворить эти потребности, коллективное переживание может вызвать отрицательное эмоциональное возбуждение (например, гнев, страх, беспокойство, разочарование и т. д.), которые оказывают давление на акторов, заставляя их найти решения, чтобы уменьшить это возбуждение во избежание внутри-социального конфликта [10; 20]. Опять же, не столько нужно выбирать среди существующих вариантов социокультурных образований, сколько создавать новые варианты структур и культур в рамках институциональных систем, чтобы уменьшить это давление отбора.

Далее, если вернуться к оригинальной работе Спенсера 1896 г., можно обнаружить одну из базовых формулировок спенсеровского отбора, которая необходима для понимания человеческих суперорганизмов. Спенсер утверждал, что по мере развития общества человеческие суперорганизмы становятся более сложными, разрабатывая различные типы социальных структур (и соответствующую культуру) по четырём основным направлениям на социетальном уровне [29]:

1. *Воспроизводство* отдельных лиц и социокультурных институтов, организующих их деятельность.
2. *Регулирование* посредством:
 - а). Консолидации власти;
 - б). Кодификации систем убеждений;
 - в). Формирования структурной взаимозависимости (через рынки).
3. *Производство* ресурсов, необходимых людям для выживания и создания социальных структур.

4. Распределение посредством расширения:

- а). Инфраструктуры перемещения ресурсов, информации и людей по территориям;
- б). Рынков, способствующих обмену ресурсами, информацией и даже людьми (т. е., рынки рабов, рынки труда).

Для Спенсера общества дифференцируются по этим четырём осям институциональной организации (воспроизводству, регулированию, производству и распределению), потому что эти оси являются направлениями, по которым формируется давление отбора по мере роста популяции [21]. Данный акцент на этих направлениях дифференциации является важным вкладом в концептуализацию социокультурного отбора в рамках идеи многоуровневого отбора.

Кроме того, это давление отбора не соответствует тому, на чём делают акцент современные сторонники дарвинизма (или, например, Э. Дюркгейм), потому что Спенсер утверждает, что в некоторых условиях можно говорить об отсутствии существующих вариантов социальных структур или культурных кодировок, способных иметь дело с внешними или внутренними потребностями, которые создают давление для отдельных людей и корпоративных субъектов, чтобы произвести перемены нормативно, организационно и символически. Дополнительно следует оговориться, что давление отбора не неизбежно приводит к социальным действиям. Спенсер признавал, что социальные действия часто блокируются консервативностью, институциональной инерцией, асимметрией во власти, неправильным восприятием или его отсутствием [17].

Более того, нет никаких гарантий, что какие-либо решения будут работать в долгосрочной, среднесрочной или краткосрочной перспективе. То есть в этих условиях отбор не сорганизуется среди существующих вариантов, а подталкивает акторов к созданию новых вариантов и может иметь дело с реальной или предполагаемой проблемой, связанной с воспроизводством, регулированием, производством и распределением. Следовательно, отбор Спенсера является ламарковским в том смысле, что он обусловлен потребностями, мотивами, интересами и властными отношениями, чтобы каким-то образом организовать новые социокультурные фенотипы [30].

Как уже отмечалось выше, Спенсер видел, что эволюция обществ от простых к более сложным формам во многом обусловлена войной, и когда он обратился к социологии в 1870-х гг., он всё чаще использовал свою знаменитую фразу о «*выживании наиболее приспособленных*» [24], чтобы обозначить выбор между воюющими обществами [7]. Общества (а) с более многочисленным населением, из которых можно рекрутировать солдат, (б) с большим консенсусом в отношении ценностей, идеологии и убеждений, (в) с более высоким уровнем экономических и военных технологий, (г) с политикой, которая является централизованной и в то же время санкционированной (часто элитами и религиозными убеждениями), (д) с экономикой, которая производит большие экономические

излишки, (е) с общим превосходством в военной организации и с др. преимуществами, как правило, могут выиграть войну против обществ с более низкими уровнями всех этих ресурсов. По мере того как одно общество побеждает другое, распространение культуры доминирующего общества и многих его организационных форм начинает создавать ещё один уровень давления отбора на родную культуру и социальные структуры завоеванного общества, особенно если для управления используется стратегия доминирования, эксплуатации и контроля членов завоеванного населения.

Таким образом, процесс отбора, осуществляемый на войне, вращается вокруг более приспособленных обществ, сообщая некоторую степень консолидации менее приспособленных обществ к их институциональным структурам, тем самым создавая ещё более крупный суперорганизм. Во многом это напоминает дрейф генов, но с наличием определённого набора целей и намерений конкретная культура сопровождает войны и завоевания, иногда уничтожая местные культуры, но чаще объединяясь в новых структурных и культурных вариантах [27]. Таким образом, война и исторически связанная с ней динамика были одной из ключевых сил, ведущих к запуску модификаций на уровне обществ и межобщественных систем, а также внутренней культуры покорённых обществ в новой развивающейся геополитической формации.

Если связать эти линии рассуждений, то исходя из того, что завоевание, как правило, увеличивает неравенство в новом геополитическом образовании, состоящем из победителей и побеждённых, оно всегда порождает давление отбора на новые формы регулирования, распределения, а также производство и воспроизводство новых институциональных систем. Кроме того, угроза бунтов и другие потенциальные линии сопротивления представляют собой давление отбора на институциональные системы (политику, право, экономику и даже религию) и часто приводят к адаптивным реакциям, которые могут работать в краткосрочной перспективе (например, принудительные репрессии), но которые сами создают новый уровень следующей волны давления отбора со стороны тех, кто не получает ресурсы, не имеет возможностей и не удовлетворяет свои фундаментальные потребности (установленные дарвиновским отбором).

Заключение. Итак, как мы можем видеть, дарвиновский отбор является только одним из типов отбора по отдельным организмам в эволюционирующих популяциях. Акцент лишь на дарвиновский отбор в социологических работах помещает социологическую теорию на поле биологии, в то время как формулирование основных положений спенсеровского отбора позволяет вернуться в поле социологии, взяв при этом всё то, что было полезно в функционализме. В свою очередь конструирование подобной оптики обеспечивает возможность для формулирования объяснений, почему определённые институциональные сферы возникли в первую очередь и как они функционируют в обществе.

Также этот анализ применим для исследования эволюции государства, в том числе возникновения государств и их завоеваний, позволяет лучше объяснить эволюцию их правовых систем и т. д. Для этого будет

необходимо представить динамику изменений как ответ на давление спенсеровского отбора, используя его категории и описанные выше принципы. Например, что в случае с религией позволяет показать, что одной лишь коалиционной психологии, сформированной дарвиновским отбором, недостаточно для объединения групп охотников и собирателей посредством появления религиозного культа. Однако, с другой стороны, добавление к объяснению моделей из современных теорий социального обмена и других теорий рационального выбора тоже недостаточно, поскольку они также не предоставляют, по сравнению с концепцией спенсеровского отбора, учитывающего всю динамику, простого, лаконичного и последовательного объяснения возникающих свойств суперорганизмов.

В целом, эволюционная социология Тёрнера исходит из того, что человек, как и любой другой биологический вид, является продуктом эволюции, и наличие большого мозга, сознания, языка, культуры не отменяет его биологическую природу и эволюционную историю, а также их влияние на поведение и социальную организацию. Именно биологическая эволюция привела человека к способности и мотивации создавать сложные социальные структуры, которые теперь и сами могут влиять на биологию человека, даже на уровне генома. Действительно, социокультурная вселенная, претерпевающая усложняющиеся метаморфозы (см. [2, 4]), оказывает влияние на все другие формы жизни (даже на бактерии и вирусы) и целые экосистемы. То есть человеческие популяции с социокультурными основами социальной организации характеризуются телеологичностью (т. е. они ориентированы на цели) и, следовательно, могут создавать не только социальные структуры, адаптированные к условиям окружающей среды, но и, по сути сами среды, к которым они должны адаптироваться. Поэтому социология, основанная на биологии и эволюционном анализе, очень важна для понимания большинства проблем, с которыми сегодня сталкивается человечество и вся планета [32].

Таким образом, как подчёркивает Тёрнер в своих текстах, социология сегодня может рассматривать эволюцию социальных систем в том числе и посредством логики отбора, непосредственно сформулированной когда-то в работах Герберта Спенсера. Это перекликается с призывом С. А. Кравченко *«из того, что создано мировой социологической мыслью на разных исторических этапах, можно и нужно извлекать все ценное для включения в предмет социологической науки»* [3, с. 24], что позволит подойти к современному меж- и мультидисциплинарному анализу концепции многоуровневого отбора с сохранением *«социологического стержня»*, т. е. не даст социологии потерять это исследовательское поле, в пользу других социальных наук, например психологии, которая в последнее время активно в него вовлечена (*«вторгается в традиционный предмет социологии»*) [32, с. 471]). Поэтому, по мнению Тёрнера, социологии важно иметь и поддерживать собственный подход к биологическим основам поведения человека и сопряжённой с этим социальной организации (*«конструировании ниш»*) и эволюционной динамики, влияющей на все социокультурные формации.

Библиографический список

1. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире / Под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: Логос, 2010. 410 с.
2. Кравченко С. А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162517100014
3. Кравченко С. А. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 16–26. DOI: 10.31857/S013216250008794-6
4. Кравченко С. А. Усложняющиеся метаморфозы: социологические поиски ответов на вызовы. М.: Знание-сила, 2019. 236 с.
5. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина // Мн.: Современ. литератор, 1999. Т. 1. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/opyty1.txt> (дата обращения: 04.04.2018).
6. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина // Мн.: Современ. литератор, 1999. Т. 3. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/spenser3.txt> (дата обращения: 04.04.2018).
7. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1–2. СПб.: И. И. Билибин, 1898. 1172 с.
8. Черезова К. В., Сериков А. Е. Социальный эволюционизм Герберта Спенсера и дарвинизм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Философия. Филология». 2014. Т. 16. № 2. С. 99–115.
9. Шувалов В. И. Теория исторического процесса в контексте взглядов Герберта Спенсера // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1140–1143.
10. Barbalet J. M. Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. 224 p.
11. Berry J. W. Ecological perspective on human behaviour / Socio-economic environment and human psychology. Ed. by A. Üskül, S. Oishi. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2018. P. 3–32.
12. Buss D. M., von Hippel W. Psychological barriers to evolutionary psychology: Ideological bias and coalitional adaptations // Archives of Scientific Psychology. 2018. Vol. 6. № 1. P. 148–158. DOI: 10.1037/arc0000049
13. Fincher C. L., Thornhill R. Parasite-stress promotes in-group assortative sociality: The cases of strong family ties and heightened religiosity // Behavioral and Brain Sciences. 2012. Vol. 35. № 2. P. 61–79. DOI: 10.1017/S0140525X11000021

14. Layton R. Why social scientists don't like Darwin and what can be done about it // *Journal of Evolutionary Psychology*. 2010. Vol. 8. № 2. P. 139–152.
15. Leonard T. C. Origins of the myth of social Darwinism: The ambiguous legacy of Richard Hofstadter's social Darwinism in American thought // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2009. Vol. 71. № 1. P. 37–51.
16. Meloni M. The transcendence of the social: Durkheim, Weismann, and the purification of sociology // *Frontiers in Sociology*. 2016. Vol. 1. 11. P. 1–13. DOI: 10.3389/fsoc.2016.00011
17. Offer J. *Herbert Spencer and social theory*. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan, 2010. 382 p.
18. Oishi S., Komiya A. Natural disaster risk and collectivism // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. Vol. 48. № 8. P. 1263–1270. DOI: 10.1177/0022022117719496
19. Parsons T. Evolutionary universals in society // *American Sociological Review*. 1964. Vol. 29. P. 339–357.
20. Perri G. What is there to feel? A neo-Durkheimian theory of the emotions // *European Journal of Psychotherapy & Counselling*. 2002. Vol. 5. № 3. P. 263–290.
21. Schutt R. K., Turner J. H. Biology and American sociology, part I: The rise of evolutionary thinking, its rejection, and potential resurrection // *The American Sociologist*. 2019. Vol. 50. № 3. P. 356–377. DOI: 10.1007/s12108-019-9403-y
22. Spencer H. *An autobiography (2 vol.)*. London, United Kingdom: Watts & Co, 1924. 613 p.
23. Spencer H. *First principles*. London, United Kingdom: Williams and Norgate, 1862. 559 p.
24. Spencer H. *Social statics*. London, United Kingdom: John Chapman, 1851. 476 p.
25. Spencer H. *The principles of biology*. London, United Kingdom: Williams and Norgate, 1864. 1079 p.
26. Takács K. Discounting of evolutionary explanations in sociology textbooks and curricula // *Frontiers in Sociology*. 2018. Vol. 3. № 24. P. 1–14. DOI: 10.3389/fsoc.2018.00024
27. Turchin P., Currie T. E., Turner E. A. L., Gavrillets S. War, space, and the evolution of Old World complex societies // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. Vol. 110. № 41. P. 16384–16389. DOI: 10.1073/pnas.1308825110
28. Turner J. H. Durkheim's and Spencer's principles of social organization: A theoretical note // *Sociological Perspectives*. 1984. Vol. 27. № 1. P. 21–32.
29. Turner J. H. *Herbert Spencer: A renewed appreciation*. Beverly Hills, CA: Sage, 1985. 160 p.

30. Turner J. H. *Macrodynamics: Toward a theory on the organization of human populations*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1985. 242 p.
31. Turner J. H. *Theoretical principles of sociology (Vol. 1). Macrodynamics*. New York, NY: Springer, 2010. 512 p.
32. Turner J. H., Schutt R. K., Keshavan M. S. *Biology and American sociology, part II: Developing a unique evolutionary sociology // The American Sociologist*. 2020. Vol. 51. № 4. P. 470–505. DOI: 10.1007/s12108-020-09448-y
33. van de Vliert E. *Human cultures as niche constructions within the solar system // Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47. № 1. P. 21–27. DOI: 10.1177/0022022115615963
34. van Lange P. A. M., Rinderu M. I., Bushman B. J. *Aggression and violence around the world: A model of Climate, Aggression, and Self-control in Humans (CLASH) // Behavioral and Brain Sciences*. 2017. Vol. 40. № 75. P. 1–12. DOI: 10.1017/S0140525X16000406
35. Wilson E. O. *Sociobiology: The new synthesis*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. 720 p.

Статья поступила 9.09.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьев Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.781

The Evolutionary Sociology of J. Turner: An Introduction to the Concept of Spencer Selection

Dmitry S. Grigoryev

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

E-mail: dgrigoryev@hse.ru

ORCID ID: 0000-0003-4511-7942

For citation: Grigoryev D. S. The evolutionary sociology of J. Turner: An introduction to the concept of Spencer selection. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 187–201. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.781

Abstract. This paper describes the main ideas of J. Turner related to his concept of Spencer selection. In his concept, he made an attempt to formulate the basic principles of Spencer selection, and also provided an argument showing how H. Spencer's evolutionary approach, contrary to popular belief, can be relevant for sociology today. J. Turner believes that the main driving forces of human evolution strengthened (or introduced) certain cognitive, motivational and behavioural tendencies, and people used these tendencies purposefully to create a certain culture and social structure. H. Spencer's explanation does not directly ignore sociological explanations of the dynamics and evolution of social systems, unlike simple modern evolutionary explanations of institutionalisation in terms of evolving behavioural tendencies based on the concept of natural (Darwinian) selection. The latter are used in evolutionary psychology and sociobiology based on implicit assumptions about the automatic nature of the process of transforming neurological reactions and behavioural tendencies into social structures and institutions. The basis of Spencerian selection is formed by a certain set of needs of people (individual level) and social differentiation of institutional

organisation (reproduction, regulation, production and distribution) as the population grows (societal level), as well as changes caused by war with their specific dynamics. Thus, Darwinian ideas about the natural selection of individual organisms can be counted as sufficient for understanding and explanation of the evolution and dynamics of the layers of sociocultural phenomena traditionally studied by sociologists. For this purpose, it is necessary to turn to a special type of selection of superorganisms, formulated by H. Spencer in his works at the dawn of the formation of sociology itself as a separate science. In addition, in itself, such a combination of sociological and biological models of social processes is promising for the development of individual multidisciplinary research programmes that can subsequently significantly strengthen and enrich the social sciences as a whole.

Keywords: Herbert Spencer, Jonathan Turner, evolutionary sociology, natural selection, needs, environmental adaptation, functionalism

References

1. Zdravomyslov A. G. Pole sociologii v sovremennom mire [The field of sociology in the modern world]. Ed. by N. I. Lapina. Moscow, Logos, 2010: 410 (in Russ.).
2. Kravchenko S. A. Metamorphoses: Essence, increasingly complex types, place in sociology of knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 10: 3–14 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517100014
3. Kravchenko S. A. Development of the subject of sociology: From monodisciplinarity to inter- and post-disciplinarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 3: 16–26 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008794-6
4. Kravchenko S. A. Uslozhnyayushchiesya metamorfozy: sociologicheskie poiski otvetov na vyzovy [Complicated metamorphoses: Sociological searches for answers to challenges]. Moscow, Znanie-sila, 2019: 236 (in Russ.).
5. Spenser G. Essays: Scientific, Political, and Speculative. Trans. from Engl. by N. A. Rubakina. Vol. 1. Minsk, Sovremen. literator. 1999. Accessed 04.04.2018. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/opyty1.txt> (in Russ.).
6. Spenser G. Essays: Scientific, Political, and Speculative. Trans. from Engl. by N. A. Rubakina. Vol. 3. Minsk, Sovremen. literator, 1999. Accessed 04.04.2018. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/spenser3.txt> (in Russ.).
7. Spenser G. Foundations of Sociology / Transl. from English: in 2 vols. St. Petersburg, 1898: 1172 (in Russ.).
8. Cherezova K. V., Serikov A. E. Herbert Spencer's social evolutionism and Darwinism. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"*, 2014: 16 (2): 99–115 (in Russ.).
9. Shuvalov V. I. The Theory of the historical process in the context of views of Herbert Spencer. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo*, 2012: 27: 1140–1143 (in Russ.).
10. Barbalet J. M. Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach. Cambridge, United Kingdom, Cambridge University Press, 2001: 224.
11. Berry J. W. Ecological perspective on human behaviour. Socio-economic environment and human psychology. Ed. by A. Ёskыл, S. Oishi. Oxford, United Kingdom, Oxford University Press, 2018: 3–32.
12. Buss D. M., von Hippel W. Psychological barriers to evolutionary psychology: Ideological bias and coalitional adaptations. *Archives of Scientific Psychology*, 2018: 6(1): 148–158. DOI: 10.1037/arc0000049
13. Fincher C. L., Thornhill R. Parasite-stress promotes in-group assortative sociality: The cases of strong family ties and heightened religiosity. *Behavioral and Brain Sciences*, 2012: 35 (2): 61–79. DOI: 10.1017/S0140525X11000021
14. Layton R. Why social scientists don't like Darwin and what can be done about it. *Journal of Evolutionary Psychology*, 2010: 8(2): 139–152.
15. Leonard T. C. Origins of the myth of social Darwinism: The ambiguous legacy of Richard Hofstadter's social Darwinism in American thought. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2009: 71(1): 37–51.
16. Meloni M. The transcendence of the social: Durkheim, Weismann, and the purification of sociology. *Frontiers in Sociology*, 2016: 1(11): 1–13. DOI: 10.3389/fsoc.2016.00011

17. Offer J. Herbert Spencer and social theory. London, United Kingdom, Palgrave Macmillan, 2010: 382.
18. Oishi S., Komiya A. Natural disaster risk and collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2017: 48 (8): 1263–1270.
19. Parsons T. Evolutionary universals in society. *American Sociological Review*, 1964: 29: 339–357. DOI: 10.1177/0022022117719496
20. Perri G. What is there to feel? A neo-Durkheimian theory of the emotions. *European Journal of Psychotherapy & Counselling*, 2002: 5(3): 263–290.
21. Schutt R. K., Turner J. H. Biology and American sociology, part I: The rise of evolutionary thinking, its rejection, and potential resurrection. *The American Sociologist*, 2019: 50(3): 356–377. DOI: 10.1007/s12108-019-9403-y
22. Spencer H. An autobiography (2 vol.). London, United Kingdom, Watts & Co, 1924: 613.
23. Spencer H. First principles. London, United Kingdom, Williams and Norgate, 1862: 559.
24. Spencer H. Social statics. London, United Kingdom, John Chapman, 1851: 476.
25. Spencer H. The principles of biology. London, United Kingdom, Williams and Norgate, 1864: 1079.
26. Takács K. Discounting of evolutionary explanations in sociology textbooks and curricula. *Frontiers in Sociology*, 2018: 3 (24): 1–14. DOI: 10.3389/fsoc.2018.00024
27. Turchin P., Currie T. E., Turner E. A. L., Gavrilets S. War, space, and the evolution of Old World complex societies. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2013: 110 (41): 16384–16389. DOI: 10.1073/pnas.1308825110
28. Turner J. H. Durkheim's and Spencer's principles of social organization: A theoretical note. *Sociological Perspectives*, 1984: 27 (1): 21–32.
29. Turner J. H. Herbert Spencer: A renewed appreciation. Beverly Hills, CA, Sage, 1985: 160.
30. Turner J. H. Macrodynamics: Toward a theory on the organization of human populations. New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 1985: 242.
31. Turner J. H. Theoretical principles of sociology (Vol. 1). Macrodynamics. New York, NY, Springer, 2010: 512.
32. Turner J. H., Schutt R. K., Keshavan M. S. Biology and American sociology, part II: Developing a unique evolutionary sociology. *The American Sociologist*, 2020: 51 (4): 470–505. DOI: 10.1007/s12108-020-09448-y
33. van de Vliert E. Human cultures as niche constructions within the solar system. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016: 47 (1): 21–27.
34. van Lange P. A. M., Rinderu M. I., Bushman B. J. Aggression and violence around the world: A model of Climate, Aggression, and Self-control in Humans (CLASH). *Behavioral and Brain Sciences*, 2017: 40 (75): 1–12. DOI: 10.1017/S0140525X16000406
35. Wilson E. O. Sociobiology: The new synthesis. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1975: 720.

The article was submitted on: September 9, 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Grigoryev, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Center for Sociocultural Research, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АБРАМОВИЧА ГАЛКИНА

25 января 2022 года завершился жизненный путь нашего коллеги, товарища, друга, большого человека, крупного советского и российского учёного – историка, политолога, социолога Александра Абрамовича Галкина. Он прожил долгую жизнь, чуть-чуть не дожив до своего столетия. Это время вместило в себя несколько исторических эпох – от двух десятилетий, предшествовавших нападению гитлеровской Германии на Советский Союз, до горбачевской перестройки, распада СССР и трудного становления новой России.

Александр Абрамович принадлежал к тому легендарному поколению молодых советских людей, которые прямо со школьной или студенческой скамьи уходили на фронт, защищать Родину от фашистского нашествия. Он с честью выдержал все тяготы фронтовой жизни, прошел дорогами войны от её начала до Великой Победы, завершив свою военную страду в звании гвардии капитана. Война закалила его характер, научила уверенно идти к цели, противостоять трудным жизненным ситуациям, пробудила обостренный интерес к постижению общественных процессов.

В 1949 г. он закончил исторический факультет МГУ (заочно, потому что служил тогда в Советской военной администрации в Германии). После демобилизации он поступил там же в аспирантуру (тоже заочную), защитил кандидатскую (1953), а затем и докторскую (1966) диссертации и целиком отдался научной деятельности. Круг его научных интересов необычайно широк. Фашизм и его социальные корни, уроки войны, капитализм и социализм, национализм и межнациональные отношения, проблемы федерализма, авторитаризм и демократия, государство и граждан-

ское общество, общественное сознание, глобализация и глобальные вызовы человечеству, международные отношения – в этих и других областях научные труды Александра Галкина содержат важные мысли и выводы, обогатившие наши научные знания.

«О России с тревогой и надеждой» – название одной из лучших коллективных монографий, созданных по инициативе и под руководством А. Галкина. Это название очень точно выражает, как близко к сердцу воспринимал он судьбы России, с тревогой переживая за её неудачи, но всегда с надеждой на её лучшее будущее. И не абстрактно, не вообще, а в своей практической деятельности. Об этом свидетельствует то, как много он сделал для становления в России политической науки. В самое трудное для неё время он был избран вице-президентом САПН (ныне РАПН), добивался и вместе с друзьями добился официального признания политологии в качестве самостоятельной и важной научной дисциплины.

Будучи талантливым учёным и хорошим руководителем, он на протяжении своей научной карьеры неоднократно возглавлял научные коллективы в различных академических институтах. У него было много учеников, с которыми он щедро делился своими обширными знаниями, помогая им лучше понять проблемы современного мира, современной политики и социальной жизни.

Его фронтальной путь отмечен орденами и медалями, а его научные заслуги и общественная деятельность – почётными званиями и наградами.

Все, кто испытал радость творческого и просто человеческого общения с Александром Абрамовичем Галкиным, навсегда сохранят добрую память об этом замечательном человеке.

Друзья и коллеги

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МАРКИНА

15 марта 2022 года ушёл из жизни Валерий Васильевич Маркин, известный российский социолог, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН, эксперт в области региональной социологии, социологии управления, социологии социальной структуры, социальных институтов и процессов.

Валерий Васильевич родился 15 июля 1947 года в городе Каменке Пензенской области. Закончив два университета по специальностям «История» и «Социология», работал заведующим кафедрой Пензенского государственного университета, директором Института государственной службы и управления Пензенской области, директором Приволжского Дома знаний, а с 2006 года – руководителем Центра региональной социологии и конфликтологии и главным научным сотрудником Института социологии РАН. В. В. Маркин являлся экспертом и консультантом Счётной палаты РФ, Аналитического центра при Правительстве РФ, Научно-экспертного Совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, входил в состав Экспертного совета по социологии ВАК Минобрнауки РФ.

Валерий Васильевич автор свыше 250 научных работ, многие из которых были посвящены разработке теоретических и методологических основ социологии регионов. Под его руководством подготовлен и опубликован ряд монографий по социально-экономическим проблемам пространственного развития и проблемам малых городов. Его труда полу-

чили высокие оценки научной общественности и муниципальных управленцев. В них он неоднократно высказывал необходимость формирования сбалансированных региональных систем.

Валерий Васильевич являлся одним из создателей и активных действующих аналитиков Научно-экспертного совета Союза малых городов России и много сделал для решения актуальных задач муниципального управления, отстаивая комплексное, гармоничное пространственное развитие городских и сельских территорий на всех уровнях власти. Профессор В. Маркин создавал и продвигал региональную социологию, поскольку понимал, что Россия крепка регионами. В регионах его хорошо знали и ценили, он нередко консультировал представителей региональных органов управления по социально значимым для развития территорий вопросам.

Валерий Васильевич был не только специалистом-теоретиком и методологом в области региональной социологии, социологии управления и социального моделирования, но и талантливым руководителем и организатором. Он всегда находил время для общения с коллегами и молодыми учёными в регионах, делился своими знаниями, поддерживал их начинания, демонстрировал важность общего социально-экономического контекста и учёта региональных аспектов в исследованиях любых общественных процессов.

На протяжении многих лет В. В. Маркин был наставником молодёжи, неизменным участником научных конференций и всероссийских Школ молодого социолога. До последних дней он вкладывал немало усилий в подготовку будущих докторантов. Молодые ученые всегда могли рассчитывать на его поддержку.

Валерий Васильевич Маркин для всех, кто его знал, являлся ярким примером профессионализма, талантливого руководителя и наставника, он был прекрасным человеком незаурядного интеллекта, надёжным другом, добрым и отзывчивым товарищем. Он привлекал к себе своими оптимизмом, искренностью и бескорыстностью, честной гражданской позицией. Таким Валерий Васильевич и останется в памяти всех, кому посчастливилось с ним работать, да и просто быть с ним знакомым.

Друзья, коллеги, ученики

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>